

И. Сотников

ИСХОД

Апокалипсис в шляпе, вместо кролика

16+

Игорь Сотников
Исход. Апокалипсис в
шляпе, заместо кролика

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63642051

SelfPub; 2021

Аннотация

Семирамид Петрович, участник тайного собрания, состоящего из тех людей, кто нервно курит в сторонке, получил задание, отыскать того предположительного человека, кто отвечает всем характеристикам горчичного зерна, вручённого ему в руки. Как и что из этого выльется, то всё в этой книге.

Игорь Сотников

Исход. Апокалипсис в шляпе, заместо кролика

Глава 1

Где будет всего лишь сделана попытка приоткрыть покрывало тайн над самой тайной. Так что успех этой затеи ещё не очевиден, и многое будет зависеть от податливости самой тайны и нашего её понимания. К чему, как вскоре выяснится, путь долгий и очень кропотливый.

Из глубины застолья раздаётся звенящий звук постукивания чайной ложечкой по чашке, в унисон этому звуку отзваниваются сердца сидящих за столом слушателей, их сознание дозревает до внимания к рассказчику, и с его стороны полился рассказ очередной части его многологии:

Если ты часть чего-то целого, то это накладывает на твоё мировоззрение свою печать соответствия твоей свойственности. И оттого ты смотришь и видишь окружающий тебя мир не в полной картинке, а только отчасти; в той части, которая ближе всего к тебе. И полную картину сущего, ты можешь воспроизвести только домысливая. И получается, что мир вокруг тебя, в котором ты сейчас живёшь, а может существуешь (кто тебя там знает), реален для тебя только на

некое значение, соответствующее области твоего разумения, а что за пределами твоего сознания, то там всё спорно, несущественно и не так реально.

А вот на какое значение сущности реален для человека мир, то всё зависит от того, насколько ты, элементарная частица, из которых и состоит весь этот мир, но по твоему мнению всё наоборот, и целый мир расколот на свои элементы жизни, вот на такие как ты и ещё много других дураков, неограничен или ограничен в своём умственном развитии (это если рассматривать жизнь с сознательной точки зрения, опирающейся на умственную константу – это тоже есть элемент разделения).

Плюс ко всему этому, ты во всех своих действиях руководишься принципом разделения (всем известно изречение «разделяй и властвуй»). И этот принцип, и надо отдать ему должное, действительно показал свою эффективность во многих сферах человеческой жизни. И даже в стремлении человека познать целое, – а каждая часть чего-то большего, как бы она себя не индивидуализировала, всегда тянется к общему, – основывается на этом принципе. Чтобы познать целое, нужно расщепить его на свои частности, где, познав их, можно составить картинку нашего общего целого.

Вот оттого-то человек и делит мир на свои составные части, при этом, как правило, согласно своим интересам. И это не просто его блажь, связанная с его более комфортным обустройством в своей жизни, – люблю я, знаете ли, поду-

ритель людям головы, – а это его природная данность. А кого не устраивает такое природное объяснение, – и такие люди обязательно найдутся при всей нашей разделённости-то, – то для них, как я понимаю, для людей с теологическими воззрениями на миропостроение, у меня приготовлена отсылка к Вавилонской башне. Где впервые на практике и весьма эффективно, была применена стратегия по разделению людей – эта операция под руководством самого(!), называлась «смешение языков». После чего и разговоров никаких не могло быть о том, чтобы закончить строительство Вавилонской башни.

Так что нет ничего удивительного в том, что этот наш мир так во всём разделён и ограничен границами этого деления (это обязательный элемент деления – тот же торт, когда разрежешь его на свои части, то его части ограничены границами краёв кусков). И не только территориально, со своими планетарными и что помельче, государственными границами, с временными поясами, границами сознания (дальше горизонта моего зрения я не могу себе представить того, чтобы там могли люди жить; их там сплющит к чёртовой матери), и ещё многое чего, что себе надумает часть общего, человек (а вот в этом деле человеческий разум безграничен), а когда уже кажется, вот всё, наступил предел и дальше уже нечего делить, то всё равно откуда-то выискивается умник (явно математик и не явно пророк в одном лице – таков закон местного мироздания, часть реально видится, а другая

домысливается) и он уже с помощью цифр начинает делить этот мир.

Великий счетовод и математик.

– Мы, – громогласно заявляет этот явный математик, а вот пророк он спорный, – на данный временной момент самый разделённый народ. – Здесь этот математик делает внимательную паузу к новообращённым в его числовую веру людям, число которых бессчётно, а сосчитать никому на ум не придёт по причине их малой счётной грамотности – народ не очень богат, а скорее беден (а может от налогов уходит), и поэтому им большие цифры незнакомы. А уже из этой причины вытекает то, почему этот, на математике помешанный человек, сумел завладеть умами этого народа. Он рассмотрел положение народа с расчётливой позиции: он всё, как следует, посчитал, взвесил (человек не бескорыстен и он хоть на край света за тобой пойдёт и всему поверит, если не видит здесь для себя перспектив, а там, за горизонтом, есть возможности развернуться), вывел свою формулу счастья, в фундамент которой заложил цифровой алгоритм «надо сорок лет помотаться по свету и тогда всем будет счастье», и этим он взял людей так далеко не заглядывающих, мало считающих и главное с надеждой на счастье в душе.

– Тут главное обозначить реальные сроки, и тогда дело в шляпе. – Всё знает о человеческой психологии этот реально математик с большой буквы, психолог и только в некоторых глубокомысленных головах пророк.

– И только через разделение можно в итоге соединить в целое, в свою общность, когда-то разделённый народ. – Громогласно добавил этот математически мыслящий человек и про себя уже добавил. – Этого вы, правда, сейчас не поймёте, это высшая математика (а может и вся высокодуховная), когда два мнимых числа, со знаком минус, то есть разделения, складываются между собой, то в итоге получается плюс и при этом плюс вдвойне.

Но человек чаще готов не верить, чем верить, даже если он сперва поверил тебе, или вернее, этому человеку с математическим складом ума и горящим идеей взглядом (явно формулой счастья его голову озарило). Вот и обращённый к нему лицами народ, не слишком счастливо и понимающе выглядит в ответ. И у него вроде как есть к математику вопросы. А так как он силён в основном в математике и счёте, то и вопросы к нему следуют математической направленности.

– Сколько? – вырывается голос из несколько приунывшей людской массы.

– Чего сколько? – не поняв, о чём это его тут спрашивают, и заранее, к чему все эти вопросы, переспрашивает этот математик и, как вскоре выяснится, отличный счетовод, пытаюсь рассмотреть в толпе этого искателя математической истины.

– Сколько ещё? – уже с уточнением звучит вопрос и не пойми от кого.

– Да чего сколько? – начинается раздражаться ведущий

математик, так пока и не сумевший разглядеть этого искателя истины.

– Нам мучиться с тобой? – а вот этот вопрос задел за живое математика. И хотя он догадывался о том, что человек не благодарная скотина, и что вот такого рода вопросы, когда-нибудь, да начнут рождаться в головах непонимающего своего счастья народа, всё же когда он прозвучал сейчас впервые, это как-то даже было для него неожиданно, и математик почувствовал сильную обиду и особого рода досаду. – Я вон, всё ради них бросил, – первый после фараона пост в стране, свою беззаботную жизнь, где я имел доступ к самым первым красавицам царства, – а они так ко мне.

И уж если быть до конца откровенным и честным, то этот математически мыслящий человек, шёл на немалый риск, когда взялся за всё это, уж очень не простое дело – выступить проводником для заблудившегося в тяготах своей жизни народа, и не простым проводником, ориентирующимся на местности, а ему следовало искать ориентиры в душах ведомых им людей, и привести их не в какое-нибудь отдалённое, обетованное место (там пряничные берега омываются кисельными реками, без этой уловки всё же не обошлось), а туда, где им будет по душе, и не только физически комфортно.

И тут по истине, а по-другому и не получится, нужно обладать большой силой воли и немножко дурости в голове, чтобы было на что опираться в своих, в здравом уме не объ-

яснимых поступках (а не только математическими способностями и умением разыгрывать шахматные партии). И видимо всё так природно сложилось в этом математически мыслящем человеке, – у него всего было в самой необходимой степени, – что он не спасовал перед сулимыми ему фараоном неприятностями, – ну смотри, я не люблю когда меня водят за нос, – и, закатав рукава своего богато расшитого дорогими камнями халата, взялся за это, по тем временам немислимое дело – пойти против воли бога на земле, самого фараона египетского (а других и во все времена не наблюдалось).

Правда он, преотлично зная характер фараона, – он, как и все фараоны, до чего же упёртый и заикленный на своём фараонстве тип, – на рожон не лез, напрямую раскрывая ему свои настоящие планы (зачем ему всё знать, у него итак забот полон рот с этими казнями египетскими; жесток на расправу был фараон). А он, используя многогранность родного языка фараона, с его неоднозначными трактовками и сложным пониманием даже для современных людей, археологов и лингвистов, заверил фараона в том, что сможет ему помочь хотя бы в одном деле по наведению порядка в стране – вывести один прехитрый народ на чистую воду. Вот так прямо и сказал, пристукнув по облицовочную плиткой полу посохом, – даю слово, только я и смогу. – После чего немного смягчил свой нрав и добавил. – Вижу, как ты, фараоша, намучился с этим неблагодарным народом, так что моя помощь тебе придётся ко двору. И как говорят в таких сложных случаях, у

семи нянек дитя без глазу останется.

– Это ты к чему? – задался вопросом фараон, ничего не поняв из последнего ему сказанного.

– Так, к слову, пришлось. – Сказал этот великий математик и счетовод, и сам не поняв, к чему он это сказал и откуда у него это в голове взялось.

И, наверное, ещё при этом разговоре фараону нужно было задуматься и быть повнимательней к этому своему многообещающему собеседнику. Чего им не было сделано (все-му виной его фараонская самонадеянность) и как результат, фараон не учёл того, как этот великий математик и счетовод интегрально мыслит, со своими предельными значениями и разбросом своего понимания в этих границах.

И он действительно вывел свой народ (все люди немножко собственники, вот они и не чураются, где только можно вставлять эти свои собственнические эпитеты) на чистую воду, но только по другому случаю и в других пределах фараонского понимания. А как только фараон понял, что значат для него все эти обещания этого, ещё вчера, под вечер, верного товарища и чуть ли не брата, известного нам пока что под именем великого счетовода и математика, то было уже поздно – чистые воды Нила сомкнулись над ним и его войском.

Но ладно с этим неверующим в достойные верования вещи фараоном, с ним вопрос, хоть и не без трудностей, а был решён. К тому же он человек посторонний, хоть и был вли-

ательный. А вот сейчас дело совсем другое, и великий математик и счетовод в одном лице, более чем расстроен, столкнувшись с таким непониманием себя со стороны людей не пришлых и сторонних, а тех, кто ему ментально очень близок по духу и, что уж греха таить, то и по собственной расчётливости.

И он, услышав все эти претензии к себе, даже на одно мгновение хотел всё бросить, и, оставив всех этих ведомых им людей на произвол собственной судьбы, уйти в пустыню. С чем, с этим нетерпением в мыслях, этот до величия расчётливый математик, на один мысленный миг отвернул свой взгляд от своего народа и посмотрел в безбрежную пустынную даль. Где он, вдруг осознав, что уже находится в пустыне, и значит, ему далеко ходить не нужно, а вот эти возникшие к нему вопросы претензионного характера, это есть своего рода испытание его на веру в основы своего математического мировоззрения, решает не покидать своего народа и укрепить его веру в себя, вычистив из его рядов сомневающихся.

– Надо вначале этого сомневающегося в моей миссии гада вычислить. – Решает этот математик (а по-другому он и не умеет мыслить), и, сфокусировав своё внимание к толпе, закидывает крючок в виде ответной претензии к спросившему (на самом деле он начал делить людей на глупых и... А не важно ещё на кого).

– Это кто там такой смелый, что прячется за женскими

убками?! – громогласно вопрошает математик, не сводя своего взгляда с толпы. А толпа поволновалась, поволновалась и как инородный элемент выдавила из себя этого умника, которому вечно спокойно не стоитя и всё что-нибудь чешется спросить. – И не побоюсь и выйду, Моня! – заявил совсем молодой человек в рубище и с таким же, что и у математика горящим взглядом, выходя из толпы на свободную площадку перед математиком, как сейчас выяснилось, зовущимся среди своих, Моне́й. И надо понимать, что это не его полное имя – а всё дело в том, что эти развивающиеся события происходили в пустыне, где с водой имелись большие сложности, и приходилось на всём её экономить, в том числе и на разговорном языке: вот и приходилось уменьшать слагаемые и имена.

И как ещё понимается теперь, то этот математик был тем самым Моне́й(!), самым расчётливым человеком своего времени, математиком каких белый свет не видывал (он работал в областях неизведанного), разработавший основные принципы построения матрицы, основоположник теории горизонта событий, в границах которого движется и существует человечество. Вот что за великий человек был этот Моня.

Ну а наш математик или Моня, в общем, нисколько не удивлён, что его последовательным (это домысленная реальность) критиком оказался всем известный своим вечным недовольством и привередливым характером, Авва. И как только Авва предстал перед математиком, то он не удержал-

ся от выражения своих эмоций. – Так это ты, Авва, сукин ты сын и подкаблучник! – мастерски владея искусством словесной риторики (в его словах прозвучал отсыл к авторитетам), Моня в одно своё предложение перевёл всё внимание толпы на Авву.

И теперь все вокруг и забыли о своих претензиях к Моня, а всем было совершенно непонятно, с какой это стати, этот Авва, человек подверженный крепкому влиянию своей властной и быстрой на расправу супруги, столько на себя берёт авторитета и права на сомнение.

– Ты, Авва, вначале у себя в семье разберись, кто там у вас главный, а уж затем морочь людям голову своими вопросами. – Пока по дружески и жалеючи Авву (его явно подбивала на эту его неуёмность его нетерпеливая супруга – не желает она, видите ли, ждать счастья, как все, а ей всё сейчас подавай), с таким посылом посмотрели на Авву его сородичи, люди, в общем-то, неплохие, но когда прижмёт обстоятельствами, то могут и вспылить, надавав ему по сусалам. И если на то пошло, то не только у одного Аввы в дорожной повозке сидит и вредничает невероятно требовательная ко всему что касается её, супруга. И каждый из здесь, на лобном месте, находящихся мужчин, испытывает на себе стойкую неприязнь и недовольство своей второй половины, для которой всё не так и всё не эдак. Но ничего, они держат себя в рамках благородства и не выносят сор из семьи на общественное обсуждение.

Между тем слово берёт Моня, человек тоже добрый и от- лично понимающий нужды и сложности положения своего народа – всё зло от баб, ради которых они рая лишились. На что у них, как оказывается, иное, полностью отвергаю- щее очевидность мнение. Их, вообще-то, никто не выгонял оттуда. А только Адаму указали на дверь. А они, а точнее Ева, видя, как удручён и неприспособлен к жизни поникший головой Адам, пожалела его на свою голову и так сказать, спасла его от самого себя и верной смерти от этого одиноче- ства. И только посмей выразить сомнение в сторону этой их абсурдной версии, то вмиг на практике отправишься провер- ять свою выживаемость наедине с самим собой.

– Так какие у тебя есть вопросы, Авва? – интересуется у Аввы Моня.

– Ты обещал нам, что за этим горизонтом нас ждёт другая жизнь. А я пока что-то этого не заметил. Как упёршись в го- ризонт своей мечты, идём, так и продолжаем идти. – Вполне по делу выражает претензии Авва. И теперь все смотрят на Моню и ждут от него ответа.

Моня, как большой мастер риторического слова, снисхо- дительно улыбается в сторону такого наивного Аввы, и спра- шивает его. – А разве мы, указанный мной горизонт, уже преодолели?

– По моим расчётам да. – Авва просто поражает Моню своей самоуверенностью и эгоцентричностью рассуждений. Он, видите ли, тоже знает основы математики и умеет счи-

тать, и у него даже есть свои расчёты и планы на эту их экспедицию. И пока ты, Моня, тут за всех стараешься, переживаешь и на себе несёшь весь груз ответственности, я, Авва, как человек куда как более дальновидный и расчётливый, отсижусь у тебя за спиной. А как только увижу, что нам с тобой не по пути, то бывай, как знаешь.

– По твоим расчётам. – Громко усмехается Моня, вызвав улыбки у всех вокруг, кроме самого Аввы, человека без чувства юмора на свой счёт и как уже было выше замечено, то живущего серьёзно и вредно для окружающих его людей. И понятно, что первым его ответным желанием было желание поинтересоваться у Мони: «А что тут смешного?», но Моня предупредительно сам ответил на этот его незаданный вопрос. – И что это за расчёты такие, о которых нам ничего неизвестно? – уже без всяких шуток, а на полном серьёзе интересуется у Аввы о его будущих планах Моня. О чём крайне интересно знать и всем вокруг людям, вдруг почувствовавших неладное с этим Аввой.

И всем людям тут собравшимся и стоящим вокруг Мони и Аввы, а деваться им просто было некуда, вокруг пустыня, сейчас не просто кажется, а они на все сто процентов уверены в том, что Авва не только расчётлив, – что в разумных пределах приветствуется (если не давать свою мощну в рост, то какой рост экономики может быть), – а он за их счёт такой беспринципный негодяй. – За дураков нас всех считает, вот на чём основываются его расчёты! – возможно впервые

за всё это время, все взгляды присутствующих здесь людей единодушно насчёт этого расчётливого молодца Аввы.

И всем тут начинают вспоминаться до сегодняшнего дня несущественные детали в поведении Аввы, и разные мелочи, которые он на некоторое время позаимствовал у них. И если сложить все эти мелочи вместе, то это уже никакая не мелочь, а тут целое состояние выходит (так на практике реализуется принцип нахождения целого через первоначальное его разделение на мелкие части). А вот куда собрался деться с этим состоянием Авва, то это не вопрос для человека с состоянием – да за тот же горизонт, где его потом только и видели. – Так вот почему Авву так интересовал вопрос расстояния до горизонта! – осенила догадка всех вокруг людей. – Для его расчётов, как нас тут всех кинуть в неоплаченном долгу, нужны точные цифры. – И озарённые этим открытием подлой сущности Аввы люди, так цепко в спину Аввы посмотрели, а руки у них сжались в кулаки, что у Аввы спина вспотела, так его обдало жаром.

Правда среди этого общего мнения на Авву, нашлись и не так крепко на его счёт думающие люди. И им такой ход мысли Аввы в некотором роде показался заманчивым и в чём-то даже логичным. – А Авва не такой уж и простак. – Подумали эти не крепкие умом личности, с досадой также подумав, как они так неразумны и нерасторопны как этот Авва.

А Авва и сам понял, что сболтнул лишнее, и теперь судорожно соображал, как отговориться от обвинений в отступ-

ничестве, которые непременно возникнут. И при этом ему соображать нужно немедленно, а иначе ... Он сам знает, что с ним будет. – Я это...думал...– сбиваясь на слова, было заговорил Авва, но на этом всё, Моня его в одно своё вопросительное замечание заглушает. – Ах, вон оно что! Он у нас сам думал. Ну, тогда понятно. Только одно непонятно, как это тебе разрешили так разбрасываться мыслями. Ведь у вас в семье есть, кому думать? – от души рассмеялся Моня, к чему тут же присоединилось огромное количество его сторонников. А вот у этого расчетливого Аввы сторонников не было и ему пришлось в одиночестве быть осмеянным.

– А теперь серьёзно. – Утихомиривает смех Моня и, обведя взглядом толпу своих сородичей, остановившись в конце на Авве, пускается в объяснения. – Пустыня, по которой мы все с вами идём, помимо всех трудностей, которые встают на нашем пути и которые мы мужественно преодолеваем, наиболее опасна своими миражами. Которые стараются манипулировать нашим сознанием и направляют наше разумение на ложный путь. И все эти расчёты, которые нет, да и возникнут в наших головах, всё пустая трата времени. И указанный мной горизонт, нельзя определить простым визуальным образом, для его узнавания требуется иной подход. – Моня сделал необходимую для себя паузу, чтобы продохнуть. Затем приподнялся на примеченный им рядом бугорок и, указав рукой внимающему ему народу на бесконечность пустыни вокруг, заговорил:

– А так как всё вокруг подчас иллюзорно и нельзя быть полностью уверенным в том, что видимость указывает твоим глазам, то в этих условиях нужно полагаться на образное восприятие окружающего мира. Где наша реальность будет определяться из двух констант – действительности, которая может себя подтвердить путём осязания, и нашего домысливания на основе нашего доверия к этой реальности. – На этом месте Мونها присаживается, зачерпывает в руку горсть песка и, пересыпая песок из одной руки в другую, продолжает свой рассказ. – И если этим новым, образным взглядом посмотреть на эту пустыню, то она представится нам в образе песочных часов. А горизонт, так не дающий нам покоя, это образно, узкое горлышко, через которое пересыпается песок из одной чаши часов в другую. И как только чаша нашего терпения переполнится, то тогда мы и придём к нашей конечной цели. – Мونها досыпает весь песок из одной руки в другую, и, держа эту руку с песком, поднимается на ноги. После чего он опять окидывает взглядом собравшийся напротив него народ и спрашивает его:

– А теперь давайте ответим себе на вопрос. Переполнилась ли наша чаша терпения или ещё нет? – Мونها целеустремлённо смотрит на Авву, который уже и не хотел больше влезать в большую политику, но сейчас он оказался на её переднем крае и этот взгляд на него Мони, требует от него ответа. Ну и Авва, в свойственной ему манере, как всегда себе на уме и он не прислушивается к общему мнению и люд-

скому настрою, – а там, в общих рядах нет разброда во мнениях, а все как бы сплотились в своей поддержке Мони, – вместо того чтобы выразить, если не полную поддержку Моне, а хотя бы придерживаться нейтралитета, – ты, Моня, нас сюда завёл, тебе нас и выводить отсюда, – начинает задаваться вопросами.

– И как это понять? – прямо зубы у кого-то скрипят от такой упёртой настойчивости Аввы. Ну а у Мони такая предсказуемость и последовательность Аввы в отстаивании своих глупостей (по другому Моня не может назвать то, что сейчас делает Авва), вызывает свою симпатию, – это неплохо, когда знаешь, чего от человека ждать, – и он больше не делает его посмешищем, а относится к нему с пониманием – ничего не вижу плохого в том, что человек, прежде чем брать на себя, может быть, неподъёмные обязательства, хочет во всём разобраться.

– Решим этот вопрос на моём примере. – Даёт ответ Моня.

И опять Авва за своё. – И как? – А вот это уже лишне, и Авва мог бы и воздержаться от дальнейших вопросов. Но Моня сдерживается и крепится в лице и от желания воздать этой затычке в каждой дырке Авве, по его любопытным заслугам – Моне так и не терпится щёлкнуть Авву по его носу, терроризирующему своим любопытством всю округу.

– И как? – задастся вопросом Моня, заглянув в ноздри Аввы полных волос, после того как он щёлкнет того по носу.

– Соплится и вроде как из крана потекло. – Сказал Ав-

ва, глядя в небеса из своего лежачего положения, в пыли песка, куда Авва был отброшен этим щелчком.

– Где? – ничего такого не замечая за Аввой, задастся вопросом Моня.

– Почему-то не там, где мне воздалось за моё любопытство, а куда как ниже. – Посмотрев на себя под горизонтальным углом, с выдохом облегчения сказал Авва. Чем немедленно отторгнул от себя Моню, не ожидавшего от Аввы такой несдержанности в выражении своих чувств. Вот он в отличие от него, умеет сдержаться и не давать волю своим чувствам и эмоциям, даже тогда, когда кажется этого невозможно сделать. И вот почему Авве никогда не удастся поставить Моню в неловкое положение своим не сдержанным поведением – Моня всегда сдержится и не даст выхода своим крепким эмоциям.

Между тем Моня даёт свой ответ на это повторное вопрошание Аввы. – Если у вас уже нет сил меня терпеть, то давайте в проводники выберем кого-то другого. Да того же Авву. – Сказал Моня, указуяще посмотрев на Авву. И теперь все смотрят на Авву, слегка разгорячившего в лице от этого внимания к себе, и оценивают его шансы стать проводником к светлому будущего всего их народа.

А так как этот вопрос не праздный и от его решения очень многое зависит в будущем, как в общем и само будущее народа, то заинтересованный в своём будущем народ, со всех сторон Аввы подошёл к рассмотрению этого вопроса. И по-

нятно, что Авве не стоило ждать, что на него будут смотреть с долей поблажки к его молодому возрасту и то, что он симпатичен лицом. А всего этого не только недостаточно, чтобы в него поверили, а скорее даже минус, чем плюс. – Нет в нём того обстоятельного и рассудительного разума, которым славится всякая обелённая возрастом мудрость. – Сразу заметили эту молодость длиннородые и все виски в белизне, патриархи этого движения.

– А слащавость в лице, только всё портит и не внушает уважение к власти. – Ещё добавили от себя эти патриархи мысли, все лица в морщинах.

Правда были и те, кому эта идея с Аввой во главе народа, показалась не столь глупой – это был сам Авва и люди на несколько шагов вперёд думающие и по человеческому опыту жизни знающие, что человеческий век не долог и на смену одним патриархам приходят другие, в данный момент ещё молодые. – А Авва, чем в будущем не сменщик уже не столь молодого Мони? – мигом рассудили эти дальновидные люди, решив всё же пока обождать время и выжать из Мони всё что можно. – Вот когда Моня полностью себя исчерпает, и возможно, с нашей или божьей помощью, себя дискредитирует, то тогда можно будет подумать и о новом сменщике. – Решили в итоге эти патриархи мысли и попросили Моню не бросать их и вести до самого конца.

– Мы, – сказали эти патриархи, – Моня, в тебя как никогда верим, а ты значит, даже не думай, не оправдать возложен-

ных нами на тебя надежд. И не забывай, что именно надежда умирает последней. А вот кто перед ней, мы надеемся, тебе не нужно и не потребуется холодной ночью объяснять.

В общем, все решили ещё чуть-чуть потерпеть Моню. И Моня, мотивированный напутственным словом патриархов их общего движения, взял на себя бразды управления этим движением.

Но давайте вернёмся к нашему повествованию, тем более, чем всё дальше закончилось, все прекрасно знают (и не важно, что думают люди с недовольными лицами, считающие, что Моня совсем не туда завёл свой народ, куда бы хотели они – в тупик общего непонимания этих людей и произошедшего).

Так вот. Раздел нашего мира, к чему так и стремится всё его народонаселение, – как минимум, пассионарная его часть, – всегда происходит по неким, в чьих-то головах придуманным красным линиям, разделяющих мир на свои зоны влияния, в макроэкономическом случае, и в подробном случае – по своим знаковым интересам.

И вот в одном самом обычном с виду высотном здании, расположившегося на перекрёстке нескольких дорог, где на верхних этажах размещались служебные помещения какого-то учреждения, а на первом этаже разместились представительства того или иного рода предпринимательской деятельности человека, как бы всё и начало происходить нас ин-

тересующее. Где нас больше всех интересовали относительно находящиеся по соседству от имевших здесь место входных дверей, одни массивные двери под вывеской над входом «Рог изобилия», ведущие, как можно догадаться даже не самым недалёким умом, в одно из заведений гостеприимного вида предпринимательской деятельности, то есть в пивную забегаловку. Где надо сказать, к некоторому неудовольствию хозяев этой забегаловки, в будущем рассчитывающих на свою обеспеченность, благодаря этой забегаловки, не всегда полноценно шумно было даже в выходной день. А что уж говорить о том, чтобы в день будничных, да ещё в понедельник (хоть и вечером), их заведение было под завязку наполнено посетителями. Два, три от силы прихлебателя из своих уже не полных кружек, этого вполне достаточно для такого самого обычного рабочего дня этой, а может и для какой другой забегаловки.

Но вся эта жестокая правда жизни для владельцев этого пивного заведения, открывается только с парадного входа, тогда как в одном из внутренних помещений, не таком просторном, как главный зал пивного бара (давайте уже называть вещи своими именами), но всё же не без своих уютных преимуществ, сегодня собралось куда как больше людей, чем в том главном зале. И единственное, что этих людей отдалённо объединяло с людьми из главного зала, так это их нахождение на стульях перед одним общим столом. И если мысли людей из главного зала, всё больше крутились вокруг

кружки перед собой, то собравшиеся в этом помещении люди, вдали от чужих глаз, хоть и имели перед собой по такой же кружке и притом полной, всё же они смотрели на мир перед собой, куда как более широко.

А вот к чему склонялись все эти люди, собравшись здесь, так от всех отдалённо, и какого было их мировоззрение, то, во-первых, это, конечно, к столу перед собой, а во-вторых, всё их мировоззрение на данный момент в себя вбирало сидящих за столом людей. Где каждый из сидящих за столом человек, разносторонне смотрел вокруг и главное на своё окружение.

И это скорей не зря, если учитывать то, как они все были разны и крайне непохожи. А внешняя непохожесть и различие, всегда ведёт к очень похожим мыслям насчёт друг друга. О которых вслух по этическим соображениям не говорят, но все и так отлично знают, и понимают, что всё это значит и к чему это всё ведёт – как минимум, к осторожности высказываний и демонстрации своей наличности. – А-то я знаю такого рода, незнакомую и непохожую от меня публику. От неё уж точно ничего хорошего не дождёшься. – Сами себе противоречат эти по-разному выглядящие и мыслящие люди, единые только в одном, во взглядах друг на друга.

Ну а что это был за клуб по интересам, – а это был, несомненно, клуб по интересам, иначе зачем им так закрыто от всех собираться, – то об этом вам и в том числе и мне, никто так просто не скажет. Ведь это всё-таки закрытый клуб,

состоящий из ограниченного числа людей, и сюда посторонних вряд ли допускают. Но тогда возникает закономерный вопрос. А откуда тогда стало известно о существовании этого клуба? И есть ли он вообще в помине? Или это всё есть плод фантазии некоторых заинтересованных людей, в чью сторону не нужно указывать пальцем, когда и так ясно, кто это?

А всё на самом деле просто. Следуя причудам человеческого разума, для которого мир существует в двух плоскостях видения, реальности, – то, что стоит перед нашими глазами, в плоскости нашего зрения, – и домысленного, – это то, что находится с обратной к нам стороны головы человека, на его затылке (и что там находится, нам на 100% неизвестно), – то этот клуб вполне возможно, что получил это своё право на существование в глазах того же пьяньчушки, сидящего ближе к внутренним помещениям этого заведения, а может, для возникновения этого были куда как более весомые причины и основания. Но всё это тайна за четырьмя дверьми, считая от парадного входа в это питейное заведение. И спроси этих собравшихся людей за общим столом, что их всех тут в одном месте собрало, то они, пожав в ответ плечами, скажут: Обстоятельства.

А вот у владельца этого заведения, на этот счёт было своё отдельное мнение. Он по своей наивности думает, что он сдаёт внаём одно из своих подсобных помещений, для изголовавшихся по мужскому общению женатиков. И не просто

женатиков, а женатиков ещё не полностью потерявших себя в этом образе былых мужчин, и ещё пытающихся бороться и сказать своё веское слово... Здесь, в кругу своих единомышленников. Которые за кружкой пива и под карты, раз в две недели выплёскивают всю свою горечь и обиду на несправедливое устройство мира женатого на ведьме человека.

И этому, так уж иногда случается, есть свои подтверждения в разговорах этих людей, бывало, что касающихся этой деликатной темы – роли мужчины в семье.

– А вы не заметили, – и это даже не обсуждается, – что уже не звучит вопрос о главенствующей роли мужчины в семье. – Как правило, в такого рода разглагольствованиях был замечен сидящий лицом к выходным дверям, с одного из торцов стола, человек респектабельной наружности, в очень приличном, даже не по местным меркам costume. И всё это внешнее благородство подчёркивалось его баритональным акцентом в сторону западного вещания – он акцентировал своё внимание не только на западных ценностях, но и отчётливо голосом подавал сигналы о том, как ему близко умонастроение людей так цивилизационно мыслящих: он ко всему здесь, в другой ипостаси существования, относился критически и от всего воротил свой орлиный нос.

Что, правда, не очень вязалось с этой темой его разговоров, касающихся сложного положения мужчин в отживающей своё конструкции под названием брак, инициатором которых он всегда и был. Ведь цивилизационный путь разви-

тия современного человека предполагает (пока что в отдалённом будущем) новую концепцию брака, если он, конечно, ещё останется – свободу отношений, без всяких лишних обязательств друг перед другом.

Ну а в ближайшем будущем, пока не разработаны механизмы определения собственности, этого фундамента всякого брака, как первый шаг к новому обустройству будущей семьи, посредством средств массовой информации подаётся неоднозначный сигнал жёнам, до этого дня, безвольным и стонущим под гнётом своих тиранов мужей, что на этом всё, хватит довольствоваться своей данностью и теперь, образно говоря, можете тянуть на себя одеяло. Пусть теперь этот гад помёрзнет без одеяла и, как следует, покрутится, если хочет согреться. А вы и сами самодостаточные, и всё сами видите, как без вас ему холодно и неуютно в вылезших ногах (они у него длинноваты, вот они вечно и вылезают, путаются в своих и чужих ногах, а также на них всегда натываются люди в поезде). Но как бы невыносимо это было видеть, вам не должно быть жалко этого измотанного холодностью ваших отношений муженька. И вы ни в коем случае не должны идти ему навстречу и прикрывать его одеялом. Вы должны для себя уяснить главное правило – чем холоднее ваши отношения с мужем, тем горячее он дышит в вашу сторону.

– Это всё перефразирование всем известного эпитета Пушкина. – Без всякого страха встречных исков на тему дискриминации женского разума, контраргументировал бы

им в ответ этот представительный человек, большой знаток семейного права, скорей всего адвокат, сколотивший немалое состояние на своей практике по справедливому разделу (а этого всегда и притом все хотят: чем не золотая жила) совместно нажитого имущества людьми ещё вчера ничего такого друг о друге не думавших и живущих своим сердцем. А вот сегодня, то есть в некотором будущем от вчерашнего беззаботного и не особо хотелось думать, когда так счастлив, настоящего, тебе дали повод подумать и задуматься, то ты такого надумал при виде произошедшего на твоих глазах, что у тебя и слов нет без матерных указаний. И только одно и выговаривается: «Хочу всё поделить по справедливости!». Затем после глубокого вздоха ещё немного сил находится, и добавляются свои знаковые уточнения. – И чтобы она точь-в-точь, что и я, полную чашу горя хлебнула. Для начала хочу прищемить хвост этой блудливой кошке.

Что звучит как-то не очень понятно и много понимаемо. Но только не для этого адвоката, большого специалиста по бракоразводным делам («бракоразвод» тут тоже звучит по-разному обтекаемо и понимаемо). И он отлично понимает своего клиента, который будет не против, если он в этом деле сделает небольшую ошибку и перепутает адресанта для своей ноги, которая может прижать, а может и отдавить хвост (при соответствующем вознаграждении) этой блудливой кошке.

К тому же адвокат всего лишь безликий, хоть и говори-

вый инструмент для исполнения всех ваших желаний. И он не будет отговаривать вас от них (человек хоть подчас и не знает, чего он в итоге хочет, но это его законное право быть источником права желать), а он лишь может посоветовать, как эффективней воплотить в жизнь задуманное.

– Ты, – говорит этот ловкий адвокат, – притворись, что не заметил, как она перетянула на себя одеяло. А затем ... – многозначительно так замолкает адвокат, глядя куда-то сквозь своего клиента. А по клиенту мурашки пробегают, при виде этого сквозного взгляда адвоката. А уж что он там сквозь него увидел, даже и подумать от страха невозможно. Ведь для такого, чуть ли не рентгеновского взгляда, и одеяло его супруги не помеха, он и сквозь него может заглянуть в гости к его супруге под одеяло и узнать, как там у неё дела. А клиенту может быть этого не хочется теперь знать (может там всё просто отлично) и несколько неудобно – он всё-таки некоторое прошлое время имел некоторое близкое отношение к спящей под одеялом супруге и имел прямой допуск к творящимся под одеялом делам.

И если они начнут на всё это отвлекаться, то его дело дальше одеяла не сдвинется, и они окончательно запутаются ногами в нём. В общем, одеяло хоть и ключевая улика в этом бракоразводном деле (оно дало понять мужу, кому он на самом деле обязан теплу в доме и кто его согревает), всё же нельзя на нём так зацикливаться, а то у супруги мужа тоже есть свой адвокат, – и сдаётся мужу, что он крайне заин-

тересованное лицо в этом бракоразводном процессе (слишком он провокационно себя ведёт по отношению к нему и его жене – он заседаниях по досудебному урегулированию спорных вопросов, постоянно что-то шепчет на ухо его ещё пока что жене, а та, дура, во всём с ним соглашается), – и этот скользкий тип, на суде однозначно потребует признать эту улику несущественной в самом мягком случае. И что-то подсказывает мужу, то он на этом не остановится и попытается всё обратить против него.

– Ваша честь, прошу меня заранее извинить за мою излишнюю эмоциональность, но я ничего с собой поделать, когда вижу такую несправедливость, выразителем которой является этот беспардонный тип. – Жёнушкин адвокат ткнёт пальцев в сторону мужа, обалдевшего от такой себе позволительности этого адвоката. – Его, видите ли, не устраивает сложившееся положение вещей в семье, и он хочет бросить на произвол судьбы мою бедную подзащитную. Сволочь одно слово. Ещё раз прошу прощения у вас, ваша честь, но не у тебя гад. – С красным лицом от эмоционального накала (но кого он хочет обдурить, поддавал вчера; да что вчера, все дни, когда выпадает минутка для этого его любимого дела) приступит к своему осуждению мужа этот жёнушкин адвокат (а осуждение, между прочим, функции прокурора), человек наихитрейшей конструкции, готовый на всякую пакость и подтасовку в свою сторону фактов, чтобы значит, выиграть своё дело.

– Я вас понимаю, но прошу по существу вопроса. – Посмотрев на жёнушкиного адвоката сквозь очки с понимающим взглядом, сказала ваша честь, судья Любовь Презумцева, дама больших достоинств и самодостаточная во всём (не нужно объяснять, что это значит), отчего ей сложно найти для себя достойную партию. Вот она всегда так и критична ко всем этим желающим свободы мужьям, а не как о ней за спиной эти вечно чем-то недовольные мужья говорят, бесится. При этом этих стоящих перед Любовью Презумцевой недовольных своим сложившимся положением мужей (а иначе бы они здесь, в суде, не находились) не покидает ощущение предвзятости к их делу Любови Презумцевой – уж больно она дотошлива к ним, а вот к жениной стороне почти нет вопросов. Хотя она в самом начале судебного заседания, посмотрев на недовольного мужа, дала понять, что ей на его счёт всё понятно и вопросов, в общем-то, нет (ещё один козёл).

Но это их оценочное суждение Любови Презумцевой – она не объективна к рассматриваемым ею делам. И как в курилке между собой перешептываются особо озабоченные собой полу разведённые мужья, то она себе среди них подыскивает достойную для себя партию. Но это слишком невероятно и уму нормальному непостижимое событие, чтобы быть правдой. Да и к тому же так рассуждают люди заинтересованные, и значит, всё это больше смахивает на поклёп и недоверие к судебной системе.

– Так вот, – вновь берёт слово рассерженный жёнушкин адвокат, – моя подзащитная, как вы можете собственными глазами убедиться, сама кротость и беззащитность, – здесь все переводят свои взгляды на жену этого неблагодарного и, возомнившего о себе не зная чего мужа, и сразу видят, какой подонок её муж, решивший её бросить: такую никто и не подберёт, после того как она побывала в руках этого тирана и негодяя, – а этот собственник этим пользуется, перетягивая на себя всё одеяло.

– Позвольте! – вмешивается в ход дела адвокат мужа. – Но это наш свидетель.

– А я что говорил. – Усмехнётся жёнушкин адвокат. – Собственник, каких белый свет ещё не видел.

– Интересно. – Промолвит судья Любовь Презумцева, с большим вниманием посмотрев поверх очков на этого мужа-собственника. Ну а дальше без особых вариантов для недовольного мужа – он должен пожертвовать собой и принять предложение Любви Презумцевой, быть счастливым собственником всех её достоинств, чтобы в будущем судебная система работала без своих перекосов в сторону недовольных своей супружеской жизнью мужей. И если сей достойный, по мнению Любви Презумцевой, муж, оправдает возложенные на него надежды всё той же Любви Презумцевой, то из под её судейского молотка не будет больше выходить столько недовольных лиц мужей.

Но мы слишком отвлеклись и пора вернуться к нашему,

но только образно, адвокату, которого мы оставили на середине его речи (для тех, кто запомнил, напомним, он рассуждал о главенствующей роли мужчины в семье).

– А это указывает на то, что он уже давно не занимает лидерские позиции, – что есть удручающая реальность, – и шаг за шагом уступает это своё, когда-то ещё бесспорное место в семье ... Человеку, может ему в чём-то и близкому, но на мой взгляд, не столь бескорыстному, как представлялось нам всегда (посмотрите только на эти счета из магазинов одежды). И не просто пользующему оказанным ему безграничным доверием со стороны мужа, а этот человек использует своего мужа в собственных целях – быть единолично счастливой. – На этом месте адвокат замолчал и углублялся в свои размышления.

Но нас сейчас больше интересует другое, а именно, с какой целью собирается здесь этот клуб, состоящий из столь разных людей, у которых есть свои определённые их внутренним миром интересы к внешнему миру, на основе которых они его хотят поделить между собой. А разве непонятно? Они хотят выработать механизм деления мира на части, вот и собираются.

Что ж, придётся поверить на слово во всё это, и мы даже не выразим сомнение в таком на свой счёт великом самомнении у этих людей, с какого-то перепугу вдруг решивших, что это им по силам. Хотя всё же небезынтересно было бы знать, что подвело их к этому разумению (есть мнение,

что бесконечное самомнение, вкупе с их дуростью, а если по научному всё это дело классифицировать, то индивидуально настроенная умственная деятельность, с альтернативными настройками, сродни шизофрении).

Но ладно, примем во внимание серьёзность лиц этих собравшихся людей и их обстоятельный вид, не подразумевающий никакого рода на их счёт подшучивание, и предположим, что они хоть и замахнулись на некий передел, раздел мира, но только не так всё объёмно, а лишь относительно себя мелко – в какой-то области своего мирка, где они существуют. Как, например, всё тот же адвокат, подмял под себя все бракоразводные дела в своём микрорайоне, и никого к ним там, у себя, не подпускает. Ну а его со клубники, о чём роде деятельности нам пока что ничего неизвестно, вполне вероятно, тоже замечены в таком же роде деятельности, по отрезанию для себя наиболее жирного куса из какой-нибудь сферы жизнедеятельности человека.

А так как человеком в жизни движет его недовольство своим настоящим положением (такова его физика тела, – его взгляд, как и глаза, всегда обращены вперёд и в будущее), то он не может остановиться на достигнутом, вот они и собираются, чтобы, так сказать, обсудить возможности по расширению своей сферы влияния. А на их внутриклубном сленге, как и что ещё для себя оттяпать от этой действительности.

Что же касается самих присутствующих здесь лиц, то по выше указанной причине (клуб был закрытого для посторон-

них типа), об их именах было мало что нам известно. И что о них вообще было известно, так это то, что их было шесть человек. Из чего также можно заключить, что они решили поделить свой условный мир на шесть частей. И хотя всегда кем-то считалось, что для того чтобы поделить мир наиболее справедливо и объективно, число участников этого деления должно быть нечётное число (это чтобы не возникло соблазна создать коалицию против других участников дележа), то здесь, видимо, этому правилу не придерживались (люди здесь собрались шибко самонадеянные и они не полагаются на все эти условности и суеверия – а придавать смысл несущественным вещам, тем же цифрам, и есть настоящее суеверие), и вот как-то так получилось. И вроде пока никто не жаловался, по крайней мере, вслух.

Ну а вот что они конкретно (области мира, это общее обозначение предмета их дележа) пока что не поделили между собой, то об этом тоже пока доподлинно неизвестно. Но, исходя из их разговоров, – а на основании их и будут делаться свои оценки, – можно сделать некоторые промежуточные выводы, которые по мере своего накопления, позволят разобраться, что к чему.

Вот, например, одно из знаковых заявлений всё того же адвоката, которое нам поможет для начала понять ход мысли этих людей. – Существующий мир для меня лежит в своей плоскости понимания (это значит, что для них окружающий мир плоский – вопрос пространственного размещения

их приоритетов решён), а что дальше меня не волнует (здесь они установили границы своих интересов). На всё про всё мне дан свой срок, и выбиваться из графика данного мне в моё распоряжение временного отрезка, как минимум, не в моих интересах (из этого предложения можно понять, что они всё-таки люди, а не боги, раз их так время волнует).

Но давайте вернёмся к именам собравшихся за этим столом людей, которые видимо отлично знали друг друга и представляли себе, с кем имеют дело и беседу. И скорей всего, именно по этой причине, они в обращении друг к другу обходились без употребления этой именной условности. «Эй, ты!», – такого обращения было достаточно, чтобы обратить на себя внимание своего, даже очень занятого соседа по столу. А если к этому добавить пинок по ноге под столом, то у вашего, неудосужившего вас с первых слов услышать будущего собеседника, нет никаких шансов проигнорировать вас и не ответить: Слышал! Не глухой.

Впрочем, иногда они, – когда заведённый разговор требовал от его участников точности в формулировках и детализации, – всё-таки прибегали к этим уточнениям. Правда, употреблённые ими имена в отношении друг друга, – создавалось такое ощущение, – совсем были не к месту, и не подходили к обозначенному этим именем лицу. Что, может быть так и должно быть, учитывая скрытый характер их клуба.

И скорей всего, всё по этой же причине, они использовали в именовании друг друга выдуманые имена, – так они

были необычны для этих мест человеческой геолокации, – да и не было сильно похоже, чтобы озвученные ими имена в самом деле носили те люди, к кому с ними обращались. Уж больно не соответствовали имена их носителям. Да что нам всё вокруг да около ходить. Вот, к примеру, всё тот же адвокат (что поделать, раз он нам теперь более знаком, чем все остальные). Разве подходяще ему носить имя Отворот-Поворот Петрович. Вот то тоже. Да с таким именем на дверях его адвокатской конторы, он ни одного приличного бракоразводного дела не получит, – потенциальный клиент, ждущий в этих стенах для себя утешения, не потерпит такой грубости в свой адрес со стороны этой таблички (он сейчас всё ассоциативно воспринимает) и сделает свой отворот-поворот, – и адвокату уже самому вскоре придётся обращаться за услугами адвоката по бракоразводным делам.

А его супруга, благочестивая Марта, – а каждый уважающий свою практику адвокат, особенно по такого рода шепетильным делам, обязан завестись супругой, а иначе, как потенциальный клиент догадается, что он в этих семейных делах дока, а не какой-то там любитель, на своей шкуре не испытывавший все прелести семейной жизни, – особа, скажем так, со своих характером, а не как её называют за спиной завистницы, чрезмерно характерная, не потерпит рядом с собой человека столь безрассудного и самонадеянного, за которого себя выдаёт Отворот-Поворот Петрович. Непонятно на каких, таких основаниях решивший, что она его будет кор-

мить и обеспечивать его существование рядом с ней.

– Нет уж, господин Отворот-Поворот Петрович, в таком бедном качестве, вы мне человек совершенно не знакомый и само собой не любимый. Не могу же я, в самом деле, любить незнакомого для меня человека, это не логично. И даже как-то странно требовать от меня этого, с сегодняшнего дня незнакомого для меня человека, Отворот-Поворот Петрович. – Благочестивая Марта всё сказала насчёт этого, стоящего на крыльце и мокнущего под дождём бывшего адвоката и знакомого для неё человека. А документы о разводе он получит по почте, неблагодарная скотина.

А ведь она итак уже один раз пошла навстречу этому обормоту во многих глазах, Отвороту-Повороту Петровичу (это мы рассматриваем случай, когда адвокат на самом деле носит это странное имя), в своё время подававшему большие надежды на адвокатском поприще, и очень интересно ей свою руку, когда она соизволила обратить на него своё внимание и протянуть ему руку по выходу из автомобиля (очень ловким оказался этот Отворот-Поворот Петрович, первым оказавшись у дверки авто). И она, заметив эту его настырность в достижении своих целей, вместе со своей рукой вручила ему билет в будущее (он был принят в адвокатскую контору её отца). А он вот каким недальновидным и значит, неблагодарным человеком оказался бы... Если бы и в правду носил, и дома, и в адвокатской конторе, это неподходящее для этих его жизненных событий имя.

Ну а то, что он ещё ходит в приличном костюме, а если заглянуть под стол, то там, наверняка, на его ногах присутствуют дорогие туфли, а сам он столь себя самоуверенно ведёт, то он, скорей всего, ещё располагает своей бракоразводной практикой, а дома его ждёт, удовлетворённая благоразумием своего мужа-адвоката, благочестивая Марта. А всё это, в общем, указывает на то, что Отворот-Поворот Петрович, только здесь так прозывается, тогда как в обыденной жизни он носит совсем другое имя. А вот какое, то это пока неизвестно и об этом можно только гадать – к примеру, Моисей Моисеевич Весываш. А вот при виде этого имени, прямо подчёркивающего основательность его носителя и владельца (вполне возможно, что и запатентованного на свою временную бессрочность), потенциальный клиент воодушевится и наполнится уверенностью в своём будущем.

– Если один раз у него получилось вывести из тупика своего существования, даже не одного человека, а целый народ, то и в моём случае это удастся. – Глядя на табличку с этим именем, так рассудив (не надо забывать, что клиент по-прежнему ассоциативно мыслит), не пройдёт мимо потенциальный клиент и направит свой ход в объятия Моисея Моисеевича. А он (потенциальный клиент), дурак, хотел ещё завтра принять это стратегическое решение о своём разводе, и если бы не такая удача с этим именем, то он может быть никогда и не решился.

И ещё одна удача для Моисея Моисеевича заключается в

том, что потенциальный клиент, в этих своих впопыхах от радости встречи со знакомым для себя человеком, упустил из виду сроки, с которыми работает этот великий человек. А Моисей Моисеевич никогда не отрывался от своих корней, и он, как и всякий человек права, очень основательно подходит к рассмотрению каждого дела. И хотя о таких больших сроках, как в древности не идёт, – всё-таки человек прогрессирует, – тем не менее, если человек относится к себе и своему будущему серьёзно, он должен понимать, что это дело не двух и трёх месяцев, а ... А вначале вы ответьте, на что вы в этом своём деле рассчитываете? Теперь скажите, какой у вашей супруги на ваш счёт расчёт? И что она, по своей недалёкости, а может она всё о ваших тайных счетах и ухода от налогов знает, может против вас выдвинуть? И только после этого ряда общих вопросов составляется примерный план будущих действий по бракоразводному процессу:

«Ну а теперь всё это в своей совокупности складываем, делим на число заинтересованных в этом деле лиц, которые информированы о вашей второй жизни больше чем следовало, затем отнимаем из вашего таксопарка «Плимут», переводим его в дар благотворительного фонда майора Тупило из следственного комитета, в результате чего, число заинтересованных лиц кратно уменьшается, а ваша необлагаемая этим налогом собственность увеличивается. Далее, если вас всё-таки не устраивает полученный результат, а за ценой вы, в общем, не постоите и за вашу часть, несомненно, только

вами нажитого имущества, готовы бороться до последнего человека, желающего откусить от него кусок, то этот вопрос стоит обсудить за закрытыми дверями». – Куда и уходят заинтересованные лица, чтобы там сделать необходимые уточнения.

В общем, на этом мы решили, насколько удивительная и налогами не всегда облагаемая личность у этого адвоката по бракоразводным делам, зовущимся здесь, что уж поделать, никаким там не Моисей Моисеевичем Весьвашим, а вот так запросто: «Оторва ты, Сеня, а не адвокат». И всего вероятней, что он от этого панибратского к себе обращения (а может это его именование Сеня, было ласкательно-уменьшительное от Моисея), без заискивающего взгляда, к которым он там, у себя в конторе, привык, так недовольно выглядит, и ему спокойно не сидится на стуле. Из-за чего его товарищи по столу, вынуждены ему делать эти оскорбительные замечания, что приводит его уже в буйство своего возмущённого духа.

– Да кто он такой, чтобы ко всем нам так неуважительно относиться?! – в возмущении вспылал наш адвокат Сеня, заёрзав на своём стуле. Из чего (из его слов) можно сделать последственный вывод – выходит, что наша первоначальная версия о количественном составе клуба не выдерживает проверки времени. И в клубе состоит не шесть человек, а семеро. Правда, только до тех пор, пока не получены новые доказательства для присутствия здесь ещё людей (а свободный

стул, почему-то и не был замечен). И получается, что мир ими будет делиться не на шесть, – что было бы легче, каждому по континенту, вот и всё деление, – а на семь частей. А вот что можно разделить на семь частей, то ничего кроме семи грехов на ум и не приходит.

А, впрочем, и здесь есть свои заманчивые перспективы. К тому же любой процесс деления, редко не сопровождается без своего греха. А это уже о чём-то говорит людям, понимающим и разбирающимся в перипетиях собственной и чужой мысли. Но об этом молчок и лучше не будем делать поспешных выводов на их собравшийся счёт (грех любит тишину и скрытость). А то, что за них говорят, что их от греха подальше нужно держать, то это как раз указывает на то, что они к этому грешному делу имеют своё пристрастие, и так сказать, близки к нему.

Да и если на то пошло (на такую откровенность), то делить мир секторально, по своим грехам, наиболее перспективное занятие – эта область жизнедеятельности человека, практически охватывает все слои населения, начиная... Скажем так, когда надо.

Но об этом поговорим как-нибудь при случае, – и он обязательно выдастся, уж за что, за что, а за это уж точно не стоит переживать, ведь все мы грешные, – а сейчас вернёмся к Сене, которому никто не сделал замечание дисциплинарного характера, – порядком ты уже всем надоел, Сеня, лучше рот закрой, пока его тебе тебе кулаком не закрыли, – а всё пото-

му, что сидящий по другую стола от Сени человек, сейчас тасовал колоду карт. А это дело такое, что за руками тасующего карты нужен глаз да глаз, чтобы он хотя бы не ошибся. А то бывают такие тасовальщики, что они там у себя в голове о чём-то задумаются, за всем этим делом отвлекутся и как результат, карта передёрнута и ни у кого, в отличие от раздающего, нет приличной карты. Так что лучше некоторое время потерять во внимании к тасующему карты, чем потом потерять все деньги за столом.

Ну а Сеня, значит, всем этим пользуется и всё возмущается. – Мы в точно назначенное время, отложив, быть может, неотложные дела, приходим сюда, занимаем свои места, а он и не думает так о себе беспокоиться. Вот где он спрашивается? – спросил Сеня, обведя всех людей за столом требовательным взглядом. И только он прошёлся по лицам этих людей своим взглядом, как дверь, ведущая в это помещение, открывается и на её пороге появляется человек весь в тёмном (он стоит в тени), в руках которого находится в том же чёрном исполнении среднего размера коробок, с крышкой и ручкой наверху, так что можно предположить, что это шкатулочного типа ящик.

Ну и этот человек, видно по нему, что придерживающийся строгих взглядов на себя и на окружающих людей, но при этом без своего серьёзного деспотизма (на его лице присутствовала снисходительная ко всей этой серьёзности язвительная ухмылка), сразу с ходу обозначает себя, как челове-

ка здесь не последнего, а может быть и самого первого – он обращается к Сене.

– Ну и что на этот раз вызвало на вашем лице всю эту суровость, Семирамид Петрович? – задался вопросом вошедший, напрямую обращаясь к Сене, чьё настоящее имя, наконец-то, прояснилось для нас. Если, конечно, вошедший, а он явно себе на уме и любит съязвить, таким образом, не подчеркнул в Сене нечто такое, что должно его было осадить и умерить его пыл.

Ну а Сеня или Семирамид Петрович, недовольно передёрнулся в лице (всё ему не так, а может и в правду вошедший сумел его подцепить этим именованием) и, дабы подчеркнуть свою самостоятельную позицию, не без укола в адрес вошедшего человек, молча подтягивает рукав пиджака и, оголив руку с часами на них, знаково указывает на них вошедшему – вон посмотри, как ты не пунктуален, в отличие от нас, между прочим, по твоей вине теряющим своё драгоценное время. Но этот тип не проявляет такую дальновидность мысли, на какую рассчитывал Семирамид Петрович (будем так его называть для солидности), а он, то ли обиделся на Семирамида Петровича за такое его пренебрежительное отношение к нему (слов пожалел), то ли на расстоянии плохо видно вложенную им в этот поступок мысль, и поэтому от него Семирамид Петрович, не только не слышит шаркающих ногами извинений, а он начинает пугающе озадачивать Семирамида Петровича собственным пониманием и интерпре-

тацией этого его знака.

Так этот припозднившийся на собрание клуба человек (пока он нам не был представлен, то назовём его Седьмым), в ответ состроил на своём лице выразительное недоумение, но не без желания разобраться во всём и понять, что его уму сейчас не удаётся уловить в том, что ему хочет сейчас показать в пределах его понимания уважаемый Семирамид Петрович, человек хоть и пакостный и временами не без вреда к окружающему миру и атмосфере (газы и недержание естества, когда он шибко много выпьет, видите ли у него), но всё-таки терпимый. Кто не без греха и без своего бзика – только человек неестественной конструкции, с искусственным, то есть приобретённым интеллектом. А Семирамид Петрович в себе всё это имеет в достатке, и с ним, по крайней мере, можно об этом поговорить.

А как только Семирамид Петрович, при виде всего того, что посмотрело на него с лица Седьмого, почувствовал недоброе, то он в момент напрягся в себе и особенно в руках, которые вдруг онеменели и он не мог с ними ничего поделать, оставаясь в этом своём указующим на часы положении. А Седьмой между тем, не стоит на месте, и он, громко вопрошая: «Семирамид Петрович! Не томите мою разрывающуюся в любопытстве душу, немедленно открывайте секрет ваших, как я вижу, новых часов», направляется прямиком к Семирамиду Петровичу.

А Семирамид Петрович и рад бы был раскрыть этот неиз-

вестный даже ему секрет своих часов, если бы он, конечно, был, но его, по тому, что он знает о своих часах, вроде бы нет (а всю историю своих часов он не знает). – А может они того, краденые? – на одно мгновение взволновался в сомнении Семирамид Петрович, вдруг допустив такую невозможность. – Да не может такого быть, чтобы Марта купила часы не у официального поставщика, а в переходе у барыги. – Тут же отверг Семирамид Петрович все эти поклёпы своего, не всегда осознающего что думает мозга (это всё издержки его профессии, где он сталкивается с такими изворотами разума в деле обмана людьми бывших своих половин, что со временем начинаешь терять доверие к людям, и особенно к тем, кто ближе всего к тебе). Хотя полностью от сомнений избавиться не получилось. Но здесь всему виной суеверие Семирамиды Петровича, считающего, что дарить часы на день рождения плохая примета. И он даже осмелился спросить у Марты, когда ему вручила этот подарок: И что всё это значит?

– Ты это о чём? – спросила Марта, сделав непонимающее лицо (но кого она хочет обмануть, она всё преотлично понимает).

– Я о часах. – Поглядывая на Марту через призму часов, пока лежащих в подарочной коробке, на столе перед собой, спросил Семирамид Петрович.

– И что тебя в них не устраивает? – уже с нотками «не трепли мне нервы Сеня» вопрошает своего, ничем ему не

угодишь, муженька, Марта. Ну а Семирамид Петрович в момент и на лету схватывает все эти посылы Марты, и он, как может, смягчает свой ответ. – Так дарить часы на день рождения, говорят, плохая примета. – Говорит он.

– И кто это говорит? – уже сурово посмотрев на своего мужа, задаётся вопросом Марта.

– Люди. – Ничего другого не найдя у себя в памяти, сказал Семирамид Петрович.

– Кто именно? – не выпускает из клещей Семирамида Петровича Марта.

– А я не знаю. – Следует его ответ.

– Вот и не ссылайся на недостоверные источники. И как не тебе это должно быть известно, что это, как минимум, не профессионально. – Ставит точку в этом разговоре Марта.

– Что-то с этими часами всё-таки не так? – про себя подленько размышлял Семирамид Петрович, в то время как расплывался в улыбке Марте, с такой же бесхитростной улыбкой надевавшей ему на руку часы. – Я понял! – только сейчас догадался Семирамид Петрович. – Ремешок мне сразу подошёл, и не понадобилось протыкать дырки на нём. А ведь до этого, такого никогда не случалось. Но что тогда это может значить? – спросил себя Семирамид Петрович, почувствовав, как неудобно его руке в тисках этого ремешка.

А между тем Седьмой, вот он уже здесь, рядом с Семирамидом Петровичем и его часами, которые он ухватил свободной рукой (под мышкой другой руки находился этот чёр-

ный ящик) и со словами: «А ну-ка, дай посмотреть», начинает вгонять Семирамида Петровича в недоступную для его разума тревогу – он теперь и не знает, чего боится и за что переживает.

– Небось, отвалил за них целое состояние... – Седьмой делает внимательную к Семирамиду Петровичу паузу и добавляет знаковое уточнение, которое уж точно не пришлось по нраву Семирамиду Петровичу, – своего очередного клиента. – На что Семирамид Петрович сказал бы ему, – это всё дикие инсинуации вашего воспалённого в зависти разума, который вечно находится в предубеждённом ко мне состоянии, – но он не мог не учесть того, насколько Седьмой был острым на язык человеком, и поэтому решил благоразумно промолчать.

Ну а Седьмой на этом не заканчивает свою беседу с Семирамидом Петровичем, и он приступил к разгадке его часов и поданного им знака. – Ну так что вы, Семирамид Петрович, пытались мне таким интересным способом сказать? – вопрошает Седьмой и, не давая возможности Семирамиду Петровичу и слова сказать, начинает скорее гадать, чем на основе глубокого анализа, выдвигать гипотезы. Хотя первая выдвинутая им версия, что-то такое научное и отчасти логичное в себе умозаключала.

– Если соединить воедино ваше недовольное выражение лица и этот ваш направленный на часы жест, то можно предположить... – здесь Седьмой внимательно посмотрел на Се-

мирамида Петровича, который слегка приободрился в лице, видя, а точнее слыша, верное направление мысли Седьмого. Но Седьмой, как это всегда бывало, не то чтобы не оправдал возложенных на него надежд со стороны Семирамида Петровича, а он даже и не думал себя так отягощать. И, пожалуй, узнай он об этом на свой счёт позволения со стороны Семирамида Петровича, то этого самонадеянного Семирамида Петровича, как минимум, ждал бы серьёзный, на повышенных тонах разговор с Мартой, которая бы даже в первый момент потеряла дар речи, когда узнала, что Семирамид Петрович крайне левых взглядов человек (а говорил ведь, что он аполитичен), куда он частенько навещается к некой Надежде, которая разделяет во всём эти его взгляды на жизнь, и в особенности на его дуру жену.

Седьмой между тем делает свой аналитический вывод из увиденного. – Вы недовольны настоящим, типа это не ваше время. Хотя здесь могут свои отклонения и уточнения. Вы ведь указали на часы. – Начал рассуждать Седьмой. – Тогда может быть, вы, указав на часы, этим хотели уточняющее сказать, что время слишком быстро идёт, и вы не поспеваете за ним. Что ж, это вполне для вашего случая подходит. – Проговорил Седьмой. А вот тут Семирамид Петрович не удержался и вскипел. – Это вы на что, Ной Фёдорович, намекаете?! – побледнев в лице, Семирамид Петрович нервно спросил Седьмого, чьё имя нам отныне известно, и мы теперь будем называть вещи и людей своими именами, без

применения цифры (что сложно в наше цифровое время).

– Да ни на что я не намекаю. – Искренне удивившись такому нервному расстройству Семирамида Петровича, сказал Ной Фёдорович. – Я всего лишь хотел сказать, что научно-технический прогресс не стоит на месте и этого никогда не нужно забывать. – И, хотя Ной Фёдорович ничего такого не сказал, чего бы все не знали, Семирамид Петрович был удовлетворён его ответом. А вникать в то, что он мог бы подразумевать под научно-техническим прогрессом, который стучится в каждый дом, и если ты его будешь игнорировать, то он тебя в итоге всё равно застанет дома или по дороге к нему, но уже врасплох, Семирамид Петрович, как человек слабо разбирающийся в робототехнике, не стал.

Да и вообще, даже страшно себе подумать, а представить ещё жутче, как постучавший тебе домой научно-технический прогресс в виде робота, один в один похожий на соседа Леонтича (с кого-то же нужно лепить этих роботов, а Леонтич, когда трезв, не так потрёпанно и пошло выглядит, да и много не потребует за патент на своё андроидное производство), в последствии, когда ты не в урочный час заглянешь домой, может застать тебя врасплох с твоей супругой, по каким-то неведомым тебе обстоятельствам оказавшейся в этот неурочный час тоже дома (а что удивляться-то, а кто тогда бы открыл дверь этому научно-техническому прогрессу в виде робота Леонтича).

Ну и тот же Семирамид Петрович, человек не идущий в

ногу с научно-техническим прогрессом, и понятно, что совершенно ничего не знающий о роботах, об их функционировании и потребностях в электроэнергии (все создаваемые роботы экологически нравственны и чисты в своих микросхемах), неведь чего себе вообразил, застав одного из них у себя дома (в его оправдание можно сказать, что робот был изготовлен безукоризненно схоже с человеком, как уже упоминали, с соседом Леонтичем – так что перепутать можно было запросто), и не став разбираться, сразу вскипел и наполнился вопросами безусловно обвинительного характера.

– Это, бл**ь, кто такой?! – вот так громко вообразил Семирамид Петрович, что он тут, в жениной квартире, главный, когда увидел, что на его любимом кресле и в его пижаме комфортно расположилась до чего же знакомая рожа. Ну а Марта ни в чём таком не виновата, чтобы на неё тут ещё голос повышали и такими словами коверкали её честное имя. – Это ещё как, милостивый государь, Семирамид Петрович, понимать эти ваши, безусловно пакостные слова, свергающие меня в сомнение на ваш умственный счёт? – с яростным взмахом прикрыв на себе халат, доступ к содержанию которого отныне недоступен, ни глазам, ни тем более всему остальному, что имеет в наличии Семирамид Петрович, пока он не осознает свою неправоту и не покается, жёстко спросила Марта этого нахала, Семирамида Петровича, посмевшего сомневаться в её честности.

Ну а Семирамид Петрович, наткнувшись в своём возму-

щении на куда как более твёрдую позицию в виде невозмутимости Марты, оказался в растерянности и уже не столь уверен в себе и своей правоте. – Может я чего упустил? – мысленно почесав себе затылок, подумал Семирамид Петрович, переведя свой взгляд на этого типа в его пижаме, да ещё и в тапочках. Но реальность со своей подчёркивающей очевидностью вот она, и это ещё больше разориентирует Семирамида Петровича, уже и не знающего, что и думать о происходящем и о Марте. Впрочем, о Марте он знает, что думать, он ею восхищён – это же надо быть настолько безоговорочно нахальной!

И Семирамид Петрович собирается с силами и даёт ответ Марте. – Как моё желание разобраться, что в моё отсутствие здесь происходит. – Марта в упор на него смотрит и, посчитав его доводы разумными, немного смягчается. – Ваше право, Семирамид Петрович. – Говорит Марта. – Как-никак вы вносите свою скромную лепту в оплату этого жилища. – Семирамид Петрович чуть не лопнул от возмущения, услышав такое пренебрежение правдой и манипуляцией Мартой их вкладами в совместное счастье – да он один за всё платит и оплачивает все её покупки из магазинов.

– Будьте знакомы, – говорит Марта, рукой указывая на этого типа в пижаме Семирамида Петровича, вслед за её поданным знаком вставшего навстречу Семирамиду Петровичу, – это опытный экземпляр нашего домового консьержа, RX-2019. Я же его назвала Леонид, а то в цифрах я всегда

путаюсь. – И не успевает Семирамид Петрович осознать сказанное ему Мартой, и значит, не поверить или поверить ей, как этот тип в его пижаме, оскалившись в улыбке, протягивает значит, ему руку для рукопожатия. И Семирамид Петрович, глядя сейчас на эту ухмыляющуюся рожу в его пижаме, с протянутой рукой, должен сейчас и притом немедленно, сделать выбор – между безоговорочной верой и доверием к своей Марте, либо указать на то, какая он беспринципная скотина, для которого слова и заверения жены в своей честности, пустое место.

А тут ещё этот, до чего же знакомый и противный рожей тип, так недвусмысленно лыбится, глядя на Семирамида Петровича, – и ничего ты, тряпка половая не сделаешь, а сейчас же пожмёшь вот эту самую руку, которая ещё совсем недавно мяла собой совсем другие мягкие поверхности (ну ты и сам понимаешь какие), – и сбивает его со всякой спокойной мысли.

Ну а Марте, заметившей всю эту нерешительность Семирамида Петровича, пришлось его поторопить, цыкнув. И Семирамид Петрович, одёрнутый ею, с возмущением (само собой про себя): «Да что тут на хрен происходит!», ухватился за руку этого Леонида и ни фи́га не почувствовал в нём какого-либо отличия от человека. И в Семирамиде Петровиче, что поделать, вот такой он человек недоверчивый, в особенности к научно-техническому прогрессу, вновь укрепилось всё его ретроградство и мракобесие, и он решил по-

средством наводящих вопросов подловить этого Леонида (а впоследствии может и Марту) в его подлоге.

Но для начала он решает расколоть этого подлеца Леонида, маскирующего свою вероломную сущность под робота. – Это надо же до чего дошли эти любители пожить за чужой счёт! – Семирамид Петрович просто потрясён и вначале слов не находит при виде этих ухищрений современных ловеласов. И Семирамид Петрович крепко так посмотрел на этого Леонида, чью коварную и подлую сущность он насквозь видит, – да-да, Леонид Эрикович (не нужно объяснять, откуда он прознал отчество этого вероломного робота – по материнской плате RX), Семирамид Петрович хоть и далёк от робототехники и электроники, но его так легко не проведёшь, и он видит, что там у вас внутри: ни одной там микросхемы нет, а только одни хитрые схемы по его одурачиванию, – и потребовал от него ответа.

– Так ты всё-таки кто на самом деле? – Семирамид Петрович попытался образумить этого Леонида, обратившись к его мужскому началу, которое из чувства мужской солидарности, перестанет разыгрывать этот спектакль и выдаст Леонида, как притворщика. Так, например, у него вдруг вспучит живот, – а для этого есть все основания: на столике помимо двух бокалов с вином, стояла чашка с фруктами, а рядом в тарелке, ещё отдающие паром пельмени (а от этого сочетания у Семирамида Петровича всегда пучил живот), – и он от волнения не сдержится и благозвучно озвучит свою чело-

вечность.

Но этот Леонид, что за самонадеянная и эгоцентричная скотина, а может он конченный негодяй или человек без комплексов, ни в какую не хочет идти навстречу Семирамиду Петровичу и упорно настаивает на своей не человеческой сущности (в общем, трус и больше никак). И это было надо слышать, что он в ответ заявил.

– Я ро-бот, Лео-нид. – Механическим голосом, с насмешливой протяжностью всё это непотребство проговорил этот Леонид. И Семирамид Петрович не то чтобы прифигел, когда всё это услышал, а он можно сказать, что потерял веру в человечество и в голове закружился от непонимания происходящего. – Ну и наглец же этот Леонид! – подумал Семирамид Петрович, когда пришёл в себя. После чего он, решив, что Леонид крепкий орешек и с ним не о чем говорить, только время зря потеряешь, переводит своё внимание на Марту.

И хотя Марта всегда его удивляла своим упорством в отстаивании своих убеждений, да и ждать от неё признаний в собственных ошибках не имело большого смысла, – Семирамид Петрович, – никогда не скажет вот так она, – на этот раз я с большой болью вынуждена признать, что вы оказались куда как более дальновидней насчёт этого подлеjšего Леонида, чем я: он оказался не роботом, а рядящимся под робота соседом Леонтичем (так вот где я эту рожу видел, догадался Семирамид Петрович), – всё же она человечней любого робота, а тем более такого заинтересованного робота, как

Леонид, и её можно поймать на её человеческих чувствах (в общем, Семирамид Петрович решил манипулировать её чувствами).

– И что он у нас забыл? – так, за между прочим, чтобы его не заподозрили в предвзятости, интересуется у Марты Семирамид Петрович.

– Он проходит тестовые испытания. Так на первом этапе он должен ознакомиться со всеми жильцами нашего дома, понравиться и найти с ними общий язык. – Сказала Марта.

– И что, нашёл? – уперевшись взглядом в Леонида, сквозь зубы спросил Марту Семирамид Петрович. И ему повезло, что Марта не заметила скрытого подвоха в его вопросе и поэтому ему такие каверзные и двусмысленные слова сошли с рук.

– Не без труда, но он сумел завоевать моё доверие. – Так это сказала Марта, что Семирамид Петрович, человек отчасти толстокожий и не ревнивый, но когда дело касается его добра, то он за себя не отвечает в своей вспыльчивости, чуть не вспылал и не вывернул этому Леониду руку. И только то, что рука Леонида была крепка, как у робота, заставило его усомниться в верности своих действий, – а может он и в правду робот, – и остановило его. Но нет, Семирамид Петрович сердцем чувствует, что здесь что-то не так. И его ночная пижама, смотрящая на него с плеча этого чёртового Леонида, укрепляет его сомнения.

– А как понимать мою пижаму на нём? – с долей нерв-

ности в голосе вопрошает Марту Семирамид Петрович. – У него что, своей нету? – Ну а Марта в свойственной ей пренебрежительной к его вещам (а коснись разговор её вещей, так она такую истерику закатит, что только уши затыкай) манере, отвечает. – Я не понимаю вас, Семирамид Петрович, – звучно зубами акцентируя внимание на имени Семирамида Петровича, сквозь зубы говорит Марта, – это что ещё за вещевизм с вашей стороны. Не хотите ли вы тем самым сказать, что вам жалко эту пижаму, которая к тому же вам совсем не идёт?

А Семирамид Петрович, видимо, и в самом деле был расстроен, раз он, не подумавши, вспылит. – А ему значит идёт! – И, конечно, Марта не без оснований удивлена этим, не укладывающимся в её обычный порядок вещей поведением Семирамида Петровича (к тому, что он дотошен на свой собственнический счёт она привыкла, но вот, чтобы он повышал на неё голос, то это ни в какие ворота умещается). И Марта имеет полное право оскорбиться в своих лучших чувствах на Семирамида Петровича счёт.

– Да, – с вызовом заявляет Марта, – на Леонтии ваша пижама лучше сидит. – Семирамид Петрович чуть не лопнул от возмущения, услышав это предпочтение Мартой Леонтия перед собой. Где не ему, а Леонтию, как оказывается, его пижамы больше к лицу и идут. И Семирамиду Петровичу после таких слов даже не хочется спрашивать у Марты о своих тапочках, в которых сейчас пребывает всё тот же Леонтий –

ответ на это очевиден, и они ему больше к лицу, чем ему. А ведь где тапочки, а где лицо этого Леонтия. Но всё равно, из собственного эгоизма Марта будет до истерики защищать этого Леонтия, которому всё из его гардероба идёт. А вот это наводит Семирамида Петровича на одну, крайне взволновавшую его мысль. И он, посмотрев на Марту исподлобья, задаёт ей вопрос не в бровь, а в глаз.

– А вот скажите мне, Марта Андреевна, (Марта, услышав такое к себе обращение, на мгновение потеряла дар речи) человеку на ваш взгляд отчасти дурному и с паскудными мыслями, – отчётливо выговаривая слова, проговорил Семирамид Петрович, – а где личная одежда Леонтия? – Семирамид Петрович пригвождает своим взглядом Марту, как оказывается с отчеством (а то складывается ощущение, что эти независимые дамы и от природы своего рождения так же независимы).

– Вы, Семирамид Петрович, не перестаёте меня удивлять. – Собравшись с разбежавшимися было мыслями, с налётом на некоторые пикантного характера обстоятельства, сугубо касающиеся только их двоих, заявляет Марта с таким необычным видом (она неестественно взволнованна – она бывает, что сама заводится от своих же слов и их представлений: что поделать, она дама большую часть дня одинокая, и на неё подчас находит, вот она и пытается так с собой справиться), что Семирамид Петрович начинает за себя волноваться. – Вначале вам не даёт покоя ваша одежда, теперь же

вы добрались до брюк Леонтия. Вам что, своего гардероба недостаточно? – грозно вопрошает Семирамида Петровича Марта. А Семирамид Петрович всегда в себе теряется под взглядом этой грозности Марты. И он только в ответ лепечет: Хватает.

– Тогда, что за вопросы такие?! – Совсем не понимает Марта своего мужа-собственника и как может вскоре выясниться, фетишиста, задай она ещё пару другую направленных вопросов.

– И чем же он объяснил свой приход под наши двери? – задался вопросом Семирамид Петрович, как только вновь сумел справиться с силами.

– Он сказал, что у него подседа зарядка и нужно немедленно вставить вилку в розетку. – Без всякой задней мысли это сказала Марта, было успокоившись. И всё бы ничего, но тут вдруг этот Леонид подал голос, кивнув согласно головой: «Да-да, розетка», и у Семирамида Петровича в один момент в голове всё потемнело и он, движимый только одной мыслью: «А кто, бл**ь, будет оплачивать этот счёт за электричество?!», бросился на этого вора его электричества, Леонида.

И хорошо, что Семирамид Петрович благоразумно не стал вникать в то, что ему несёт весь этот научно-технический прогресс, которому только одинокие и вечно дома сидящие дамы будут рады, и оттого он так и не узнал, чем там могло закончиться дело с роботом RX-2019, под именем Леонид (он ему руку сломал, из дома выгнал и в дальнейшем не до-

пускал его в дом). Но от этого сложность его положения несколько не уменьшалась, ведь Ной Фёдорович продолжает на него наседать.

– Ну а если всё это не так, и ваши часы не отстают, и не забегают вперёд, то тогда можно предположить, что вы, Семирамид Петрович, недовольны самим собой или своей жизнью. А может и всем вместе. Что и неудивительно, посмотри на вашу вечно недовольную физиономию. – Сказал Ной Фёдорович, переведя свой взгляд от часов на лицо Семирамида Петровича, в котором он принялся выявлять подтверждения своим словам. – И что же вас, Семирамид Петрович, так вечно не устраивает? – с задумчивым видом так интригуяще задался вопросом Ной Фёдорович, что не только он сам и Семирамид Петрович, кого в первую очередь касался этот вопрос, задумались над этим вопросом, но и все здесь находящиеся люди.

– И почему интересно так бывает, – затесалась вот такая мысль в голову... а кому-то из сидящих за этим столом людей, с негодованием посматривающего на Семирамида Петровича, – что только самого того же Семирамида Петровича его собственная жизнь и не устраивает, – а в ней есть место всему, – а всех вокруг это не только устраивает, а многие бы хотели иметь для себя такие же заботы, как у этого неустроенного человека, Семирамида Петровича? Зажрался он, вот и весь ответ.

На этот счёт, скорей всего, были и другие взгляды, но они

не озвучивались, и оттого не приводятся вслух, а вот те мнения, которые были озвучены, то для них двери на эти строки открыты. – А! Я понял. – Вдруг о чём-то догадался Ной Фёдорович. – Вас не устраивает моя позиция по вашим предложениям по поводу названия нашего клуба. Вам кажется, что я придираюсь к вам. Это так? – задался вопросом Ной Фёдорович.

– И поэтому тоже. – И Семирамид Петрович, ожидаемо всеми, на одном не остановился, и как все вредные люди, которым достаёт особое удовольствие доставлять своим недовольством недовольство другим людям, оставил для себя окно возможностей для будущего своего недовольства (Ух).

Ну а Ной Фёдорович не первый день имеет дело с вредным характером Семирамиды Петровича, и он прибегает к уточнению, чтобы вогнать в осязаемые границы эту его вредность.

– Ну и что на этот раз вы для нас приготовили, Семирамид Петрович? – прямолинейно обращается к Семирамиде Петровичу Ной Фёдорович, добавив. – Говорите, не стесняйтесь.

– И не собираюсь. – Заявляет Семирамид Петрович, затем делает небольшую паузу, чтобы значит, себя подготовить, – нужно настроить голос и подчеркнуть лицом важность момента, – и говорит. – Икар. – После чего наступает уже другая пауза, во время которой все начинают переваривать услышанное. И хотя никто не спешит высказывать своё отношение к этому предложению, – даже никто в своём

недовольстве не ёрзает на стуле, – всё же Семирамиду Петровичу как-то не по себе. Он интуитивно чувствует, что его предложение опять зарубят, как и все его прошлые предложения. И вскоре выясняется, то интуиция Семирамида Петровича его не подвела.

– Не знаю, Семирамид Петрович, – как и ожидалось, слово взял Ной Фёдорович, – что у вас там, в голове, творится, – жёстко прошёлся по Семирамиду Петровичу Ной Фёдорович, – для чего вполне могут сносные причины, – у вас в домашних делах одно расстройство, вы ведь человек не прогрессивный, – но таким названием хоронить наш клуб, пока что не клуб самоубийц, я не собираюсь.

– Но в чём опять дело? – с негодованием спросил Семирамид Петрович.

– А вы ещё раз хорошенько прочтите историю Икара, основные вехи его жизни, и я думаю, что вы всё поймёте. – Твёрдым голосом сказал Ной Петрович, затем перевёл свой взгляд на часы Семирамида Петровича, и со словами: «А что насчёт ваших часов. То ваше время, Семирамид Петрович, ещё не пришло», разворачивается и по окружной траектории, вокруг стола, добирается до своего свободного стула. Здесь он разгружает себя, поставив принесённый им чёрный ящик на стол перед собой, затем кладёт на его крышку руки, с улыбкой на лице обводит своим вниманием собравшихся за столом людей и обращается к ним.

– Не думайте, что я не увидел, какой интерес вызвал у вас

этот принесённый мной ящик. – Постучав фалангами пальцев по крышке чёрного ящика, сказал Ной Фёдорович. – И вам всем, наверное, любопытно знать, что находится в нём. – Ной Фёдорович ещё разок обвёл взглядом внимающих ему людей за столом и добавил. – Что ж, не буду долго испытывать ваше любопытство и сразу приступлю к ознакомлению его содержимого. – На этих словах Ной Фёдорович провёл пальцами руки по краям чёрного ящика, затем открыл запорные устройства сбоку ящика и не обошёлся без театральной щины, со всем своим личным вниманием к происходящему в ящике, приложив ухо к верхней крышке ящика.

– Курлычет. – Многозначительно проговорил Ной Фёдорович. После чего он отрывает свою голову от ящика, берётся руками за края крышки, и с видом человека знающего нечто, чего никто здесь не знает, и при этом это его знание высокого порядка знание, начинает открывать крышку ящика – а все, значит, не сводят с неё своего взгляда. Правда всё это длится только одно мгновение, и как только с помощью Ноя Фёдоровича крышка слегка приоткрыта, как из неё вдруг вырывается на свет, а затем взмахнув крыльями, взматается вверх, к потолку, нечто живое (вроде как птица). Да так резко, что все вокруг, в оторопи и в нервном волнении на лице, откидываются назад, к спинкам своих стульев. Откуда они в лицевом онемении не сводят взгляда с мечущегося из одного угла комнаты в другой голубя.

И только один человек из всей этой компании, – и это не

трудно догадаться кто, – Ной Фёдорович не так взволнован, как все остальные. Нет, он, конечно, взволнован, но только по другому поводу. – Ну, говорите, не молчите! – начинает теревить своей взволнованностью людей за столом Ной Фёдорович. – Кто что видел? – А те только в ответ пожимают плечами, давая ему понять, что они вроде бы всё проморгали и ничего достойного упоминания не заметили. Что совсем неудивительно, когда этот голубь столь резв на подъёмный полёт.

И Ной Фёдорович, уразумев, что тут нужен индивидуальный подход, – ко всем сразу не имеет особого смысла обращаться, если хочешь выяснить для себя истину, – выбирает из этой компании людей самого бесхитростного и простодушного – человека страшной наружности, но зато без ненужных хитросплетений в голове, которые затуманивают взгляд – и обращается к нему. – Валтасар, ты что скажешь? Было что в клюве нашего голубка. – Этот страшный тип, к кому обратился Ной Фёдорович, назвав его Валтасаром (из чего начинают проясняться некоторые недоступные до этого момента вещи; по крайнем мере насчёт личности Валтасара, в точном случае, и личности Ноя Фёдоровича, по косвенным указаниям) хоть и польщён этой своей избранностью, но всё же несколько озадачен таким выбором себя, в качестве ответчика и человека обладающего лучшим зрением. И Валтасар, чувствуя особую ответственность за себя, ещё раз посмотрел в сторону голубя, присевшего на журнальный сто-

лик у стенки и чего-то там курлыкающего, почесал свой затылок и дал свой ответ. – Я не уверен, что что-то видел.

На что Ной Фёдорович, к некоторой обиде Валтасара, с досадой отмахивается от него рукой и переводит свой взгляд на рядом с ним сидящего человека, более пристойной и не такой дикой наружности, как у Валтасара, и спрашивает его. – А что на это скажет наш Альберт Нобилиевич. У вас как-никак глаз алмаз, и если бы не ваше особое мнение, которое вечно сбивает фокус вашего взгляда, то цены бы вам не было, Альберт Нобилиевич. – И, пожалуй, Ной Фёдорович поспешил посвящать в своё мнение о себе этого Альберта Нобилиевича, как сейчас нами выясняется, человека дюже обидчивого, хоть он и сам себе на уме (чего не должно быть, но вот с Альбертом Нобилиевичем и не такое ещё бывает).

И этот Альберт Нобилиевич, человек безотносительно справедливый к себе, не скрывает того, что он не собирается скрывать – он будет во всём, немислимо для должного понимания человеком с разумом, противоречить себе и Ною Фёдоровичу. – А что может сказать, Альберт Нобилиевич, когда к нему обращаются не в первую очередь, – вот с такого отстранения от себя, как обычно начал объясняться этот безотносительно относительный человек, – как только удивиться такой наивности спрашивающего в ответ. Меня не считали нужным столько времени спрашивать, не считаясь с моим мнением, полагаясь на любое другое, но только не моё, а когда вдруг поняли, что без Альберта Нобилиевича всё стоит и

не движется, то вдруг решили спросить. И как думаете, что после этого вам может сказать Альберт Нобилиевич.

И тут без срочного вмешательства со стороны, со стороны Ноя Фёдоровича, не разберёшься в этих хитросплетениях мысли Альберта Нобилиевича, любящего ходить по кругу. – Так что ты видел, дурень? – жёстко так и по делу спрашивает Ной Фёдорович этого заболтавшегося уже по самое не могу, Альберта Нобилиевича (трюк «Лабиринт Минотавра», потрясший в своё время столько людей, дело рук Альберта Нобилиевича, только с виду такого из себя всего трогательного и незащитного, когда на самом деле этот Альберт Нобилиевич жуткий тип).

– Ничего. – Сбитый с толку Ноем Фёдоровичем, даёт ответ насупившийся Альберт Нобилиевич. И Ной Фёдорович, поняв, что, таким образом, он толку от этих людей тоже не добьётся, выпрямляется и обращается ко всем вместе.

– Господа, товарищи и иные субъекты активности. – Обращается ко всем Ной Фёдорович. – Давайте посерьёзней отнесёмся к нашему общему делу. Всё-таки мы находимся в одной лодке по интересам. И так по-капитански зваться буду только я, пока кто-то из вас не разгадает представленный мной на ваше рассмотрение фокус. К тому же это я пошёл к вам навстречу, и полностью, за исключением несколько знаковых деталей, раскрыл перед вами внутренние рабочие механизмы по его становлению. И вам осталось только одно, слегка поднапрячь своё воображение и узнать в чём тут фо-

кус. – Ной Фёдорович, чьё необычное имя в связке с этим отчеством, теперь получило своё логичное объяснение (так звали первого допотопного капитана по жизни), посмотрел на людей за столом, ожидая от них проявления сознательности.

Ага, щас, дождёшься от них такой дисциплины мысли. И эти господа, товарищи и как их там ещё назвал Ной Фёдорович... А, иные содержательные люди, в общем, если они о чём-то и думали, но только не о том, о чём хотел Ной Фёдорович.

– И спрашивается, зачем всё это наше будущее дело так вымышлено обставлять? – задался вопросом один из таких содержательных людей, о котором с виду ничего такого удивительного не скажешь (он, скорей всего, интроверт, как и все замечательные своими талантами содержательные люди), но в нём иногда, когда он сам за собой не замечает, проскакивает эта его склонность к своим внутренним талантам. Что это были за таланты, то сейчас, с первого взгляда на него, совершенно не представляется возможным сказать. Но если заглянуть под стол и посмотреть на его босые ноги, которые он вынул из ботинок и чешет их одну об другую, то можно предположить, что он йог, или ещё чего похлеще этого, не для средних умов понимания человека, без рассуждения бросающего себя на амбразуру испытания.

– Ну, вы меня удивляете. – Не скрывая своих удивлённых чувств, говорит Ной Фёдорович, разводя эффектно руки в

стороны (это он умеет делать как никто здесь). – Я ещё понимаю нашего подопечного, – он мало что смыслит в наших делах и мне пришлось провести с ним небольшую ознакомительную беседу, типа ликбеза, по основам нашей профессии, – но вы то бывалые иллюзионисты, можно сказать, лучшие из лучших в этой престижитаторской профессии, и должны уж знать, из чего, из каких составных частей складывается успех всякого фокуса. И если вы забыли, то я напомню. Вовлеченность нашего зрителя, с его одновременным отвлечением на знаковую вещь (здесь по моей отчасти дело уже продвигается), напускной туман (за эти декорации, как раз вы отвечаете) и стена... О ней в своё время поговорим. – Укорил своих, как оказывается коллег, Ной Фёдорович (а вот теперь уже личность Ноя Фёдоровича частично приоткрылась).

И трудно теперь сказать, что убедило коллег Ноя Фёдоровича, – то, что он их укорил, или его похвальба им (вы лучшие из лучших, да ещё и профессионалы своего дела), – но тут у одного из его коллег глаза открылись, и не только буквально, и он откликнулся на этот призыв к их сознательности Ноя Фёдоровича. Это, кстати, был тот самый широкоформатный человек из кафе. Он, конечно, только отчасти себя таким считал, а так-то он, всего лишь слишком наполненный событиями человек. И оттого ему приходилось себя во всём ограничивать, в том числе и от поступающей к нему информации из вне через зрение. Вот он в этих целях, а не

как все думали, чтобы вздремнуть, через раз и прикрывал свои глаза. Хотя всё это, к его тяжёлому сожалению, было бесполезно, и он всё равно всё больше наполнялся, наполнялся... и теперь выглядел в чужих глазах почему-то не полноценным, хоть и слегка полным человеком, а зажавшимся по самое не хочу жирдяем.

А звали этого, скажет так, зажиточного в себе и не упускающего ничего своего из вида человека, как ни странно это прозвучит (а почему, собственно, странно?), Леонидом (Ах, да. У Семирамида Петровича были весьма странные ассоциации с этим именем). И вот этот Леонид приоткрыл глаза, посмотрел на Ноя Фёдоровича, и говорит ему. – Как на духу тебе, Ной, говорю. В клюве голубки был колосок. А вот от каких зерновых, то это не ко мне. – С чем Леонид закрывает свои глаза и тем самым избегает встречных вопросов. В общем, вовремя закрыть глаза на окружающее или на какие-то вещи, очень помогает в жизни.

– Ну тогда, знамение нам в руки и за дело. – Хлопнув в ладоши, радостно сказал Ной Фёдорович, и обратил своё внимание к чёрному ящику. Где он, положив сверху на него свои руки, для начала внушающим страх взглядом посмотрел на своих коллег по магическому искусству, замерших в ожидании нового фокуса со стороны Ноя Фёдоровича. Что и говорить, а иногда бывает просто спокойней, когда от человека ничего не ждёшь, чего в случае с Ноем Фёдоровичем не стоило ждать. А в данном же случае все знали, что от Ноя

Фёдоровича всякого можно ожидать, а это почему-то всегда значит какой-то фокус с его стороны. Вот они и опасались за свою нервную систему, к которой лучше всех был подготовлен Леонид, вновь прикрывший свои глаза и начавший сопеть в нос.

– Ну что, приступим. – Сказал Ной Фёдорович и начал приоткрывать крышку чёрного ящика. И хотя ящик уже раз продемонстрировал свою не простую сущность, – в нём может скрываться всякая неожиданность, если его крышку открывает именно Ной Фёдорович, человек не без фантазии и своего желания поразить своих зрителей, – всё же расслабляться не стоит, когда имеешь дело со столь активным на этом магическом поприще человеком, каким является Ной Фёдорович. Для которого не существует никаких правил, и оснований не менять все эти правила по ходу своей жизни он тоже не видит. А это что значит? А то, что если эти господа иллюзионисты, опираясь на одно из правил: «Снаряд два раза в одну и ту же воронку не попадает», рассчитывают на то, что второго голубя в чёрном ящике уж точно не будет, и значит, можно расслабиться, то они зря так наивны насчёт Ноя Фёдоровича. Хотя они всё-таки не столь простодушны и, если обратить своё внимание на их руки, – а они крепко вцепились в подлокотники стульев, – то они готовы ко всякому фокусу со стороны Ноя Фёдоровича.

Между тем, Ной Фёдорович под интригующую музыку, которая проигрывается перед всякой демонстрацией фоку-

са, стоящую в ушах его коллег иллюзионистов (это рефлекс у них такой), ещё раз обводит руками края чёрного ящика, на мгновение замирает и раз... И крышка без всякого иллюзионистского эффекта открывается. Но коллеги иллюзионисты Ноя Фёдоровича, по собственному опыту знают, да и в их арсенале есть подобные сложные и обманные трюки, что всё ещё не кончено и ещё всякое может быть.

– Чёрный ящик без двойного дна, не чёрный ящик. – Смотря на ящик взглядом «меня не проведёшь», так многозначно рассудил Альберт Нобилиевич.

– Знаю я этого Ноя, – достаточно грубо и предвзято подумал о Ное Фёдоровиче Семирамид Петрович, имеющий все основания и право так предубеждённо на его счёт думать, – запросто может утаить в рукавах своего пиджака того же голубя и сейчас подложить его в чёрный ящик. А потом, как бы спохватившись, посмотрит по сторонам, в поиске голубя, и не обнаружив его с потрясённой мимикой на лице, неожиданно отыщет его в чёрном ящике. Кстати, а где голубь? – задался вопросом Семирамид Петрович и принялся искать этого куда-то запропастившегося голубя.

А Ной Фёдорович к этому времени, со словами: «Ну и что тут у нас?», заглянул в чёрный ящик, затем опустил туда правую руку и после небольшого нащупывания чего-то там, вынимает оттуда... Вынимает оттуда... И третий раз, так всегда необходимый для всякого уважающего себя и свой трюк иллюзиониста (к тому же Ной зажал в кулаке вынутую вещь и

без этой временной выдержки не хочет показывать, что он там принёс): Вынимает оттуда... Монету большого достоинства, единственное, что о ней можно сказать, так как она размера больше среднего, и лежит «орлом» кверху.

Ной Фёдорович, положив монету на стол, обводит взглядом заинтересовавшиеся лица своих коллег и соclubников, естественно не сумевших удержаться оттого, чтобы не проверить свои экстрасенсорные способности, – это, несомненно, неразменный рубль (простых рублей в кармане иллюзиониста по факту его магического предназначения не может быть), и меня никто в этом не переубедит, даже сама монета, – вот так решил Семирамид Петрович, так и не отыскавший голубя, – и озвучивает именование этого предмета такого спора в головах иллюзионистов (Семирамид Петрович был не единственным здесь, столь самонадеянным человеком).

– Это мой философский камень. – Говорит Ной Фёдорович, указывая на монету. И хотя монета совершенно не похожа на камень, собравшиеся за столом люди, прекрасно знающие, как иллюзорен окружающий мир, и что глазам своим верить с первого взгляда не стоит, – они (глаза) впадут в заблуждение и тут же обманут, а может и того хуже, заставят влюбиться в того, кто совсем им не пара, – не стали вот так в открытую оспаривать это утверждение Ноя Фёдоровича, человека себе на уме и притом очень сильного не только в словесном диспуте, но и на руках.

Хотя у них возникли некоторые вопросы приземлённого качества. – Мне совершенно непонятно, – переполнившись непониманием Ноя Фёдоровича, подчеркнувшего принадлежность этой выложенной на стол монеты, возмутился про себя Альберт Нобилиевич, – К чему всё это? Чего он боится? Того, что её попытаются присвоить? – начал задаваться вопросами Альберт Нобилиевич, и по мере своего вопросительного недоумения начал постепенно остывать к этому вопросу. А всё потому, что он вдруг понял, что Ной Фёдорович, надо признать, поступил более чем благоразумно, обозначив границы возможностей своих коллег по магическому цеху.

– В нашем деле зевать никак нельзя, – понимающе покачал головой Альберт Нобилиевич, – и за реквизитом нужен глаз да глаз. А иначе... – Но Альберт Нобилиевич дальше не стал продолжать, а он, нащупав в кармане пиджака ручку, явно из реквизита иллюзиониста (только из чьего, не слишком известно), так она была на ощупь интересна, глубоко задумался над этой своей находкой – как оказывается, это Семирамид Петрович, отвлѣкшись, выпустил её из виду, и как потом выяснилось, то потерял с концами.

– Как будто и не было её никогда. – Потрясѣнный этим исчезновением и одновременно потерей ручки, которая только что лежала на столе перед ним, а теперь там пусто, пробормотал Семирамид Петрович, ощупывая стол на предмет тайных замков и ящичков. А ведь ручка не самая простая, из

тех шариковых, которые десятками продаются в общей упаковке, и даже не её благородный и в золотой обложке дорогой вид было самое главное, а цену ей придавало то, что она была подарком ему от Марты. А это уже слишком немало значило, знай Марту, как её знал Семирамид Петрович, и её отношение к собственным подаркам.

Ведь от неё подарков материального свойства и так не дождёшься, – а она в этом деле крайне принципиальна: Семирамид Петрович, вы я надеюсь и верю в вас, не возражаете, что лучший ваш подарок это я! – а уж если такое событие вдруг случилось, и Марта одарила вас, Семирамид Петрович, этой ручкой, то вы уж постарайтесь её не забыть у кого-нибудь в гостях и исписать её раньше времени.

И если насчёт внутреннего содержимого ручки можно было не беспокоиться, Семирамид Петрович держал всё это дело под полным контролем (на запас всегда имелось несколько стержней под завязку наполненных чернилами), то вот насчёт самой ручки, то до этого момента он о ней никогда не забывал, всегда нося её с собой (дома оставлять тоже было небезопасно, зная нелогичный ум Марты, от которой, как и от Ноя Фёдоровича, любой фокус можно ожидать; особенно с ручкой), но как выясняется прямо сейчас, всего этого недостаточно и мало для сохранности ручки для себя и себя перед Мартой.

– Уж я-то знаю отлично Марту. – Сглотнув комок в горле, принялся соображать Семирамид Петрович. – Она ни за что

не поверит, что к пропаже ручки я не приложил свою руку. «Твоё бездействие, уже есть преступная халатность, указывающая на твоё безразличие к моему подарку и значит, ко мне», – мгновенно выстроит свою логическую цепочку Марта, со всей силы и злости запахнёт на себе халат, со всё тем же посылом к Семирамиду Петровичу, который всегда сопровождает эти её действия.

Так что теперь становится более понятно, почему Семирамид Петрович всё то время, сколько мы его знаем, столь недоволен себя подразумевал – у него для этого действительно есть достойные его пожалеть основания. И сейчас он, глядя на представленный Ноем Фёдоровичем философский камень в виде монеты, разглядывал его с потребительской позиции.

– А каков номинал этой монеты по нынешнему курсу? – задался про себя вопросом Семирамид Петрович, разглядывая поверхность монеты, с которой на него и на всех тут вокруг, смотрели пять олимпийских колец. А это говорило о том, что это не простая монета, некоего платёжного достоинства, а это олимпийский рубль из советского прошлого. На которой можно было не только купить всякой всячины, а на него было интересно смотреть, и с ним в руках чувствовал себя как-то более основательно перед своим одноклассниками и вообще случайными знакомыми, но всё же красавицами, стоя у киоска с мороженым.

И вот когда твоя очередь подходила, и ты значит, должен

был озвучить свой заказ, – а чуть в стороне стоят твои, хоть и не самые привлекательные и интересные одноклассницы, но всё же, и с желанием поесть мороженого и надеждой в глазах посматривают на тебя, – то ты на вопрос продавщицы: «Что брать будем?», очень многозначительно смотришь на своих одноклассниц (двух самых мелких пигалиц из класса, кто только и согласился пойти с тобой за мороженым), фиксируешь на них оценочный взгляд (М-да), и, вернувшись к продавщице, со словами: «Мне три пломбира», протягиваешь ей не просто мелочь или какой-нибудь рваный рубль, а ты ей даёшь олимпийский рубль. К тому же с очень редкой гравировкой на своей лицевой части, за которыми уже гоняются местные коллекционеры всякого рода рублей, хулиганы по природе и знатоки искусств в душе.

При виде чего твои одноклассницы, прищурившиеся от отражения солнечного света от рубля, ударившего им в глаза, в некотором восхищении замирают, и на мгновение выпадают из реальности, не сводя своего взгляда с рубля (а может мелкая одноклассница с косичками, и от тебя, такого щедрого и с мороженым).

А это всё, что-то многое, да значит. Как минимум, у тебя останется сдача. Правда, о широте твоей щедрой души сейчас никто не задумается, кроме тебя, но это не главное. Когда для тебя главное то, что ты для себя и о себе понял – ты способен на такие, с широкой душой поступки. Что, возможно, в будущем, и сыграло свою знаковую роль, определив твою

жизненную стезю – тебе захотелось ошеломлять и удивлять людей своими, широкой души поступками. И тогда чем эта монета не философский камень.

Тем временем Ной Фёдорович выжидающе вопросов не посмотрел на своих коллег и, не дождавшись возражений или вопросов сомневающегося качества, полез рукой в чёрный ящик за следующим артефактом.

– Это, как вы уже догадались, – ставя на стол небольшую, плоской формы бутылочку, сказал Ной Фёдорович, – Амагест, растворитель всего и вся. – На этих словах Ноя Фёдоровича очнулся Леонид и, с интересом посмотрев на бутылочку, спросил Ноя Фёдоровича. – И на чём он настоян? – Ноя Фёдоровича слегка покоробил такой подход Леонида к артефактам, которым не только цены нет, но самое важное, что их и делает столь бесценными экспонатами, то, что им и объяснений нет; как минимум, научным сообществом. А этому Леониду, значит, всё ясно, и ему химическую формулу подавай этого субпродукта. Он его на поток поставит. Только спрашивается, зачем ему нужно столь много универсального всё растворителя.

– Никак хранилище банка вскрыть хочет. – Было подумал Ной Фёдорович, чьи мысли частенько обращались в сторону этих крепких дверей, с кодовым замками и сложной системой сигнализации и много ещё чего другого. Что поделат, недофинансирование больно бьёт по качеству магического представления. А тут можно одновременно решить вопрос с

недофинансированием своих проектов и заодно в качестве рекламы продемонстрировать свои возможности трюкача и заработать себе имя.

– Простой обыватель до нервного тика терпеть не может всех этих банкиров, проворачивающих с их сбережениями такие фокусы, что самому выдающемуся иллюзионисту и не снилось. А вот найдись такой человек, кто сумеет проверить ответный фокус с банкирскими счетами, то он себе при жизни обеспечит громкое имя (о памятнике пока говорить преждевременно), – бывало размышлял подобным образом Ной Фёдорович, сидя на лавочке и поглядывая, то к себе в пустой портмоне, по каким-то странным причинам ещё имевшим место в его кармане, когда он вечно пустой, то на массивные двери банка, откуда его вежливо попросили там не появляться своей, никакого доверия и кредитного рейтинга рожей.

– Правда тут встаёт серьёзного рода дилемма, – рассудил Ной Фёдорович, – остаться анонимом, но обеспеченным на всю жизнь человеком, или выбрать громкое имя, грозы банкиров, и тем самым обеспечить себе любовь сограждан и ненависть банкиров, которые никогда не успокоятся и будут до последней украденной монеты искать тебя. Над этим вопросом надо как следует подумать. – Решил Ной Фёдорович, отвлекшись от своих мыслей на выходящую из дверей банка молодую девушку красивой наружности и блондинки при том.

Но сейчас эти воспоминания Ноя Фёдоровича, как бы они не были ему дороги и интригующе интересны для нас, совсем не ко времени, а сейчас ко времени его ещё одна мысль и его ответ Леониду на его вопрос. – А может он на основе этого растворителя хочет вывести формулу безвозвратного растворителя своего я (понятно, что в физическом плане). – Рассудил Ной Фёдорович, поглядывая на массивную фигуру Леонида, явно с трудом уже с ней и с самим собой справляющимся.

А ведь нет сложнее и сильнее противника, чем ты есть сам. Особенно тогда, когда это «есть», есть тебя определяющий и во многом ограничивающий фактор. И оттого, сможешь ли ты ограничить этот ограничивающий твою жизнь фактор «есть», зависит, как ты будешь впредь есть – он (фактор) тебя или ты его. Ведь он, этот твой самый сильный противник, всё, всё, о тебе знает, и на каждый твой хитрый манёвр у него уже загодя приготовлен контрответ. И даже непонятно почему так выходит, что ты столько сил прилагаешь в противостоянии с самым для себя сильным противником, а это всё равно не приносит видимых результатов. С чем наглядно все тут и сам Леонид убеждаются, когда он им всем на глаза попадается, правда себе только отчасти. Просто всё это излишество в себе не умещается в области своего внутреннего понимания Леонида, и он не может себя полностью видеть – полным это совсем другое.

Ну а теперь ответ Ноя Фёдоровича на вопрос Леонида. –

Как и все артефакты, и бесценные вещи, на спирту. – Заявил Ной Фёдорович. И, не удержавшись, бросил знаковый взгляд на одну знаковую личность среди коллег иллюзионистов, с трудно опознаваемым видом (он слишком двойко и противоречиво выглядит), но при этом на раз выдававшим его страстную натуру. И этот человек, умудрённый опытом взаимоотношений с такого рода вещами, имеющим в своей основе озвученный Ноем Фёдоровичем ингредиент, несколько оживился, услышав этот знаковый ингредиент, на котором настоян растворитель из растворителей, Амагест. Ведь как ни не к нему нужно обращаться, если хочешь познать все глубинные тайны этой зловещей жидкости.

И если у тебя хватит духу стать последователем Илия (так звали этого гуру всякой растворимой жидкости и растворителей) и принять вместе с ним его учение об субъектности и объектности этого мира (Илия не простой иллюзионист, а он иллюзионист с религиозным уклоном – он работает с человеческим сознанием и оттого его представления наиболее грандиозны и сложны для понимания) посредством просветляющим разум напитком, то тебе могут открыться основные тайны мироздания, на которые такой мастак Илия, когда он пребывает в этом особом возвышенном состоянии своего духа.

– Запомни, основной принцип работы этого растворителя из растворителей сознания, Амагеста. – Мог бы вам всё рассказать о внутренней сути и составляющей Амагеста, и

принципах его работы Илия, если бы вы заслужили его доверие и уважение, став его ассистентом (Илия не может работать один и ему очень нужен ассистент, которых у него уже сменилось и не сосчитать сколько – что поделывать, когда быть ассистентом у Илии весьма сложно). – Вначале ты его растворяешь в себе, а уж затем он растворяет тебя в себе. – Умо-заключает Илия и на этом его откровения заканчиваются – Илия растворился в себе и слетел с лавки на пол, туда, куда всем наплевать, и оттого Илия всегда с трудом и перепачканный выходил из этого своего положения.

Ной Фёдорович решает не задерживать своё внимание на Илии, который для него достаточно предсказуем по своему химическому составу и отношению к стоящим артефактам, – а впрочем, для кого и спирт вода, – и он вновь опускает руку в чёрный ящик и вынимает из него следующий артефакт.

– Это красная ртуть. – Выставив перед собой маленькую колбочку, с кирпичного цвета жидкостью в ней, сказал Ной Фёдорович. – Я думаю, вам не нужно объяснять её физическое и ядерное значение. – С чем бы его коллеги могли поспорить, они и понятия не имеют, что это такое. Но никто из них не хочет себя выказывать первым неучем и профаном, который даже не знает, что такое красная ртуть, – это самое известное вещество, о котором никто ничего толком не знает, но зато все хотят его достать, и притом за большие деньги, – и поэтому все многозначительно молчат, показывая, что если чего они и не знают, то уж точно не красную

ртуть, которая у них и у самих дома есть в градусниках (она в темноте светится и не нужно включать свет, чтобы проверить температуру – вот главное свойство красной ртути).

И Ной Фёдорович, убеждённый этим их видом, ставит её на стол, к уже выложенным артефактам, и снова берётся за своё – протягивает руку к чёрному ящику и вынимает оттуда сразу две вещи: не определимого качества зёрнышко, если ты не сельскохозяйственный генетик и обручальное кольцо. А вот это уже очень интересно. И в глазах коллег иллюзионистов красноречиво читается вопрос: И что это всё значит?

– Это, как вы уже догадались, – Ной Фёдорович видно уж слишком большого и хорошего мнения о своих коллегах, раз он так уважаемо в их адрес выражается. А вот его коллеги иллюзионисты, люди не без своих достоинств и прекрасных качеств, где одно из них всегда на виду, их скромность, посчитали, что Ной Фёдорович мог бы обойтись и без этих справедливых слов в их адрес. И было бы лучше, если бы он не полагался на их разумения и знания, а сам бы сделал уточнение тому, о чём они, по его мнению, догадались.

И Ной Фёдорович, как будто их услышал и сделал очень кстати уточнение. – Горчичное зерно. – Закончил свою фразу Ной Фёдорович.

– А, горчичное зерно. – Многозначительно выдохнули коллеги иллюзионисты, так понятно посмотрев на это зерно. И, глядя на них, даже не возникало желания у них спрашивать, а что, собственно, они поняли из всего этого и что

всё-таки значит, что это зёрнышко именно такой-то зерновой культуры, а не какой-либо другой. И Ной Фёдорович, всё это видя в них и подозревая, что обратиться он к ним с вопросом: «И чего вы, гуси, из всего этого уразумели?», то, пожалуй, его коллеги иллюзионисты оскорбятся его недоверием к их умственным способностям и почувствуют себя неуютно рядом с ним, не стал задавать им уточняющих вопросов: «Так что всё-таки это зерно значит?», а перешёл к рассмотрению второго выложенного на свет предмета – обручального кольца.

И как все тут совсем не зря подозревают Ноя Фёдоровича в его бурной фантазии и желании всё переименовывать и называть своими новыми, ими выдуманскими именами, то это обручальное кольцо преждевременно называть кольцом. И наверняка, это какой-нибудь новой конструкции артефакт, к новому обозначению которого, приложил свой деятельный ум Ной Фёдорович. И как сейчас же выясняется, то это действительно так.

– Это, – взяв кольцо большим и указательным пальцами руки за края и, подняв перед собой, с внутренним душевным напором сказал Ной Фёдорович, глядя даже не на кольцо, а сквозь него на сидящих людей за столом, – так называемый краеугольный камень. – А вот такое заявление Ноя Фёдоровича, да ещё и приправленное таким его сквозным взглядом через призму кольца, не могло не взволновать сидящих за столом людей, увидевших во всём этом куда как больше то-

го, что может быть закладывал Ной Фёдорович в эту свою демонстрацию кольца, или краеугольного камня.

Он-то (Ной Фёдорович), всего лишь хотел достичь эффектной картинки (ну ещё и зацепить кое-кого), и вроде бы больше ничего, а тут вон как сложно и дальновидно вышло. А всё дело в том, что его соклубники иллюзионисты, в основной своей части имели весьма сложные и противоречивые отношения в своём семейном быту с носительницами вот таких колец, кто и на их безымянный палец в своё время накинуд им такое же кольцо, а другая потенциально уязвимая часть иллюзионистов, находилась на пути к этому окольцеванию или обручению, чёрт его знает, как правильно, и естественно всех их этот вопрос крайне волновал.

А то, что Ной Фёдорович через призму этого вопроса на них смотрел, то это ни у кого из них не вызывало сомнений – они все своими глазами видели этот его взгляд в игольное ушко кольца (в такого роде вопросе, без образной мистификации подчас не разберёшься). «И легче верблюду пройти через игольное ушко, чем доказать своей супруге, во всём имеющей на твой счёт сомнения, что ты не верблюд», – это так Семирамиду Петровичу к слову пришлось сказать.

Ну а тут Ной Фёдорович ещё масла подливает в огонь их волнения, совсем неспроста их спросившего. – И как думаете, что я сейчас, глядя на вас, вижу?

И всем тут в один момент стало неудобно на своём месте сидеть, под этим направленным на них, в фокусе кольца,

взглядом Ноя Фёдоровича, – каждому из них казалось, что Ной Фёдорович именно на него смотрит (это такой визуальный эффект получился) и к нему обратился с этим вопросом (я тебя, сукин ты сын, насквозь вижу, со всеми твоими машинациями, читалось во взгляде Ноя Фёдоровича), – и они принялись терзаться на своих местах, то есть ёрзать и отводить глаза в сторону на своих соседей.

Где больше всех выражал недовольство и притом явно, как уже не трудно догадаться, Семирамид Петрович. – И что он на меня уставился? – нервно спросил своего соседа, Альберта Нобилиевича, Семирамид Петрович, повернувшись к нему. Что не может крайне не удивить Альберта Нобилиевича, всегда удивляющийся такой самостоятельности мысли посторонних для него людей, вдруг решивших, что Альберту Нобилиевичу больше делать нечего, как решать за них их дела.

– И если вы уж решили обратиться за помощью к Альберту Нобилиевичу, то вы сперва введите его в курс своих домашних дел, – пригласите в гости к себе в дом, разрешите поцеловать ручку своей чем-то недовольной на ваш супружеский счёт супруги, создаёте подходящие условия для Альберта Нобилиевича, чтобы он мог во всём разобраться (оставьте его наедине с вашей супругой), – а уж затем обращайтесь к нему с вопросами. – Вот так считает Альберт Нобилиевич и согласно этому своему принципиальному взгляду на чужие проблемы воротит нос в сторону от Семирами-

да Петровича, решившего за счёт Альберта Нобилиевича поправить свои расстроенные дела.

А Семирамид Петрович, впрочем, не удивлён, да и к тому же он сейчас весь на нервах и поэтому не замечает никого вокруг себя – перед его глазами вновь стоит Леонид – робот под вопросом, к которому у него появились новые вопросы. И как не трудно догадаться, то Семирамид Петрович не оставил надежду выяснить раз и навсегда, кто на самом деле этот Леонид, подловив его на нестыковках.

– Что ж, – как-то сумев себя пересилить и не предъявить счёт за электричество к оплате Леониду, Семирамид Петрович, посмотрев на Марту, говорит, – если в этом была крайняя необходимость, то я тебя понимаю – благотворительность это твоё. Вот только я одного не пойму, – задумчиво говорит Семирамид Петрович, и, оторвав руку из лапищ Леонида, подходит к столику, где подняв один из двух бокалов, досказывает своё вопросительное затруднение, – разве роботам нужна человеческая подпитка. – Но Марту разве смутить этой своей недооценкой её мысленной деятельности, демонстрируя свои глубокие познания в робототехнике, о которой она ничего не смыслит, исходя из этого заявления Семирамиды Петровича, как оказывается, не только забывшегося человека, но и авторитарного сексиста.

Если значит, Марта имеет бархатные ручки и её спинка сгибается только в двух случаях: когда укладывает себя в постель и когда она под действием рефлексов наклоняется к

лежащей на земле монетке, – то она не имеет никакого понятия о робототехнике, как считает Семирамид Петрович, первый отравитель её жизни и бесчестный человек, раз так ни во что её не ставит.

Но вы, Семирамид Петрович, как и все представители вашего некрасивого рода, как это обычно с вами бывает, глубоко заблуждаетесь на Мартин и на весь женский счёт – они не в пример вам и вашим мыслям о них, сообразительней. И Марте, может действительно ещё с утра мало что знающей о робототехнике, достаточно было познакомиться с роботом Леонидом и провести с ним пару часов наедине и вдали от глаз мужа, чтобы всё-всё о конструктивных особенностях этого модельного ряда узнать.

Так что Семирамид Петрович зря старается, пытаясь относиться с сомнением к личности робота Леонида. Марта на все его вопросы найдёт достойный ответ. И если бы не бесконечная вера Марты в его благоразумие, то она бы могла подумать, что он ей не то что не доверяет, а откуда-то из фильмов набрался предубеждений к вечно одним находящимся дома супругам и записал Марту в число тех жён, кто замужем за козлов (рога на их голове наводят на такую мысль). А это грозит своими осложнениями в их отношения.

Но пока Марта устойчива мыслит в сторону Семирамида Петровича и своим ответом ставит его в очередной тупик. – Ну, ты меня удивляешь, Семирамид Петрович, своей отсталостью. – С укором посмотрев на Семирамида Петровича,

сказала Марта. – Леонид это тебе не робот из прошлого, которого смажь, электричеством напитай и на этом всё, а Леонид модель продвинутая, – он ведь не простой робот, а киборг, – и у него запросов гораздо больше. Ведь ему нужно поддерживать эластичность и натуральность кожи, а для этого нет ничего лучше калорийного продукта.

– А вино? – вдруг не сдержался Семирамид Петрович, перебив Марту. На что Марта могла бы заметить Семирамиду Петровичу, какой дурной пример он показывает Леониду, так себя не галантно ведя и перебивая супругу, но она воздержалась от этого, чтобы не заострять внимание Леонида на этих нюансах семейной жизни. А почему она не захотела стыдить при постороннем чел...тьфу, работе, своего мужа-нахала, то разве не понято, она уже чуть ранее, до прихода Семирамида Петровича, имела разговор с Леонидом на его счёт, где ему и объяснила, какая неблагодарная скотина этот Семирамид Петрович.

– Да-да Леонид, – склонив свою голову на не по-человечески сильное плечо Леонида, пожаловалась на свою тяжкую долю Марта, – бывают такие моменты в семейной жизни, когда тебя твоя половина совершенно не замечает и не ставит в счёт. – А Леонид тогда и не поверил, что бывают такие жестокие люди. Он-то думал, что отношения между людьми строятся на любви и уважении, а тут вон какое безобразие со стороны этого частного случая, Семирамида Петровича (а этот его образ мыслей в него был заложен в его микросхемы

и память его создателем, человеком близким к образу мышления Семирамида Петровича, и оттого он так был предвзвешенно благожелательно настроен к особам женского пола, ну и мужиков он не собирался в обиду давать).

И тогда Леонид, то есть в тот момент, когда Марта раскрыла ему глаза на этого полного одной жестокости и коварства Семирамида Петровича, по своей технической наивности предложил подправить микросхемы Семирамиду Петровичу, раз они у него находятся в таком расстроенном состоянии. Марта в ответ, конечно, посмеялась, в шутку сказав, что это Семирамиду Петровичу вряд ли поможет, а вот если ему кое-что закрутить в узел, то это прояснит его мысли.

Ну а Леонид, в свойственном ему понимании мира, через срез взгляда робота, со всей своей прямолинейностью поинтересовался у Марты, каким образом, он может помочь Семирамиду Петровичу и что у него нужно закрутить в узел, чтобы он взялся за ум. – Об этом Леонид в своё время, а пока... – Марта, в общем, не настолько зла на своего мужа, чтобы натравливать на него робота, и Семирамиду Петровичу дался шанс исправиться. Но как выясняется, зря.

И этот опять недовольный Семирамид Петрович смел ей заметить в ответ, что этот Леонид, по его сугубо личному мнению, уже давно испорченный робот, раз он заявляется к ним без особого приглашения и главное, что его во всём этом деле смущает, то он пришёл тогда, когда его дома нет.

Но это мы опять отвлеклись, тогда, как сейчас слово берёт

Марта, в ответ на вопрос Семирамида Петровича о вине.

– А вино ... – проговорила Марта и на этом всё, её образ расплылся, перебитый голосом Ноя Фёдоровича. – И только таким он и должен и быть. – Постукивая кольцом об стол, заговорил Ной Фёдорович. – Гладким со всех сторон. Но вы и сами в скором времени поймёте его значение и почему он таков. – Ной Фёдорович на этот раз без всякой визуальной ошибки остановился взглядом на Семирамиде Петровице.

Но на этом всё, поставленная во главу угла этой, и так слишком затянувшейся главы, цель достигнута, и можно следовать дальше. А большего нам всё равно сейчас не понять.

Глава

2

Отчасти проведённая в размышлениях и рассуждениях, которые не могли не привести так скучно трагившего свою жизнь человека, туда, куда они привели.

Вот спрашивается, но только сейчас, а так об этом никогда не спрашивается, да и кто спросит, когда всё и так очевидно, о чём думает человек, вдруг решивший прогуляться в такую пасмурную от сырости погоду, да ещё за полночь, не где-нибудь, где находится парадная сторона жизни и полно народу, а в местах не столь способствующих подъёму духа, а вот упадку, то это как раз для этих задворок жизни и центральных улиц, для которых они служат своей изнанкой, то есть подворотней.

– Да ни о чём он не думал, а вот что-то замыслил, то это определённо можно сказать, – вот к такой мысли склонился бы всякий другой человек, кто и сам не заметил, как оказался в подобном положении, но уже по весьма основательным причинам, он выпил лишнего, и натолкнулся на такого человека на своём фигуральном пустыре мысли. – И это на этот раз действительно так, но только не в том смысле, в каком предпочитают думать люди, относящиеся с недоверием к своим соплеменникам и предпочитающие обходить их стороной.

Так вот, этот задумавшийся человек, и при этом достаточно глубоко, что и привело его ноги вначале в какую-то подворотню, а затем к одной из луж, для которых здесь было своё раздолье и оттого их здесь было полно, наткнувшись на это размытое препятствие, на этот раз остановился, – в нём сработал рефлекс бережливого человека, на котором надеты добротные туфли (это говорит о том, что как бы ты не отвлёкся от действительности, всё равно рефлексы всегда с тобой).

И Семирамид Петрович, а этим задумавшимся человеком был он, с долей удивления посмотрел на это лежащее препятствие перед собой, затем с не меньшим удивлением посмотрел по сторонам и, видимо поняв, что в своих мыслях перешёл все пределы здравомыслия, – какого хрена я здесь делаю?! – с выражением лица, которое говорило о том, что он человек открытый и не чурается открыто выказывать свои

эмоции на лице, в данном случае страха, очень быстро, пока его никто в этом месте не застал и не встретил, рванул отсюда. Ведь в таком случае (при встрече с кем-то), и он совершенно не сомневается в этом и более чем уверен, обязательно возникнут свои вопросы друг к другу.

– А ты, ханыга, чего здесь потерял? – вот с такого самого простого запроса, как правило, и возникают будущие отношения между людьми, встретившимися в этой подворотне жизни. Где крайняя забота о своём ближнем, есть первейшее правило местного ореола обитания прожигающих свою жизнь в этих местах людей. Так что тебе вряд ли дадут пройти мимо, не оказав свою посильную помощь, постаравшись всеми возможными способами облегчить твою жизнь. А что сковывает и отягощает жизнь и ход всякого путника? Всё верно, тяжесть и груз в карманах, которые и будут освобождены от монетизации груза забот, которые тормозят путь всякого путника.

Но Семирамид Петрович, видимо уж очень сильно был привязан ко всему тому, что им было носимо в его карманах, – такой он уж приземлённый человек, на которого сила гравитации действует особенно привязано, – отчего он, как только спохватился, – Чёрт! Где я? – схватившись за свои карманы, со всех ног понёсся из этого захолустного места, где в один момент можно стать частью него и чего-то большего.

Впрочем, далеко бежать не пришлось, а стоило Семира-

миду Петровичу пересечь один из проулков, как выясняется, соединяющего эту изнанку жизни, с её парадной частью, проспектом, как у Семирамида Петровича всё в душе успокоилось и полегчало при виде света огней и прогуливающих по мостовой людей. А вот раньше он не испытывал таких восторженных чувств при встрече с самыми обыкновенными людьми. Видимо Семирамид Петрович в один момент пресытился людьми, а тут такое, на время удивительное дело, ну или может всё познаётся в сравнении. Но так или иначе, а Семирамид Петрович вновь смог вынуть руки из карманов, куда он их поместил в целях сбережения и сохранения их содержимого, и дальше уже мог пойти размахисто руками. Правда, он не спешит с этим делом. Возможно, хочет попривыкнуть, или же там рукам теплее.

За всем этим делом, Семирамид Петрович, направившись в одну из сторон, вновь коснулся своим вниманием одной из мучавших его мыслей, которая чуть ранее и стала источником его тупиковых отношений с действительностью. – Горчичное зерно, – задумчиво пробормотал Семирамид Петрович, – что же всё-таки оно может значить? – задался вопросом всё тот же Семирамид Петрович. – Что я знаю о зерне? То, что оно служит для того, чтобы его сеять. Но в нашем случае зерно не может быть обычным сельскохозяйственным предметом назначения, а зерно, и тем более горчичное, определённо несёт в себе символическую нагрузку. Точно! – догадался Семирамид Петрович. – Оно сеет в чело-

веке сомнения. Но в чём? – спросил себя Семирамид Петрович, остановившись у витрины магазина, из которого на него смотрела различного вида мотоциклетная техника.

И тут Семирамид Петрович вдруг вспомнил, как он, прогуливаясь по одному из торговых центров, решил заглянуть в подобного рода специализированный магазин. Где его на входе и встретил в техническом исполнении робот, который поприветствовал его самым обычным для робота способом: Добро пожаловать, человек, в мир машин и технической мысли.

И как сейчас только догадалось и отчётливо услышалось Семирамиду Петровичу, то тот робот из магазина, говорил точь-в-точь, как Леонтич, робот из его фантазий. Но Семирамид Петрович не был бы самим собой, человеком всё подвергающим сомнению, – тогда горчичное зерно было посеяно на весьма благодатную почву, – если бы тут же не подверг критическому анализу это своё рассуждение.

– А может робот из магазина, говорил голосом Леонтича. Что логичней и верней. – Рассудил с горечью Семирамид Петрович, как сейчас им же за себя и выяснилось, большого противника научно-технического прогресса. И, пожалуй, проживай он во времена инквизиции, то он бы был в первых рядах инквизиторов, которые бы были прогрессивны только в одном, в своих взглядах на методы добытия признательных показаний со стороны всех этих, столь далеко забегающих в своих мыслях людей.

– Так вот откуда ко мне эта мысль про прогресс в голову затесалась! – ещё раз догадался Семирамид Петрович, сопоставив свой поход в тот магазин по продаже мотоциклетной техники и встречу по выходу из подъезда своего дома, с этим неказистым и никогда у Семирамида Петровича не вызывавшего симпатию, Леонтичем, и не понятно за какие заслуги поселившийся в их клубный дом, только для избранных.

– Надо от неё уже избавиться. – Пришёл к решению Семирамид Петрович, и как человек не последнего ума и в чём-то грамотный, собрался путём перевода своего внимания, позабыть эту уже доставшую его мысль. Для чего он со всем вниманием посмотрел от себя во вне. Но там ничего такого особенного им не было замечено, и тогда Семирамид Петрович возвращается к сегодняшним событиям в клубе и выделяет из всего случившегося обручальное кольцо, представленное Ноем, как краеугольный камень.

– Хм, интересно. – Пускается в размышления Семирамид Петрович. – А что же всё-таки имел в виду Ной, когда в таком качестве нам это кольцо представлял? – задался вопросом Семирамид Петрович. – Если провести свои ассоциативные параллели, где всякий краеугольный камень есть своё основание для какого-нибудь сооружения, и принять во внимание то, с какой геометрической фигурой часто связано это кольцо, – а это точно не круг (он рассматривается в философской проекции), а скорей треугольник, – то можно предположить, какого рода сооружение собирается постро-

ить Ной. Но зачем? И что за фокус он хочет перед нами продемонстрировать? – вновь задавшись вопросами, Семирамид Петрович за всем этим делом и не заметил, как добрался до подъезда собственного дома.

Где его вдруг охватила странного состава тревога, вынудившая его оглянуться по сторонам, в поиске... А вот кого, то он даже сам себе не хочет в этом признаться, а вот нам отлично догадывается. И верность этой догадке придаёт вдруг расстроившийся вид Семирамида Петровича, в чьём приоритете видимо находилась встреча здесь с тем, с кем он не больно-то хотел встретиться (вот такой мысленный оксюморон). А так как эта встреча здесь не произошла, то есть своя вероятность того, что теперь он на эту встречу может натолкнуться уже у себя дома. А вот к чему она там может его привести, то Семирамид Петрович с тяжёлой душой догадывается.

Хотя Семирамид Петрович уже частично подготовлен к этой неприятной для него встречи с прогрессом в виде мнимого робота Леонтича, решившего таким ловким способом втереться в доверие к Марте и посредством неё отомстить ему за всё то хорошее, которое он мог бы, но не сделал для него, и он готов проявить хладнокровие, чтобы подловить Леонтича на его не машинной сущности.

И вот Семирамид Петрович доезжает на лифте до своего высокого этажа, где находится его квартира и у него сразу возникает мысль насчёт лифта. – Если там, в квартире, всё

же окажется этот Леонтич под видом робота, то нужно будет его спросить: А ты, как сюда к нам добрался, на лифте или своими ногами? А если он скажет, что ногами, то тут-то я его и подловлю на этом. Не робот ты Леонтич, а человек, раз больше полагаешься на человека, чем доверяешь техники. А если он скажет, что он потому-то и не воспользовался лифтом, что преотлично знает, как на её безопасности экономят эти подлые люди, а в частности лифтёр Леонтич, («Так вот он каким образом поселился в нашем доме, в дворницкую! – догадался Семирамид Петрович») и оттого не всем машинам можно доверить свою жизнь (ясно на кого он тут намекает), то тогда чем это парировать?! – вновь напрягся Семирамид Петрович, подходя к дверям своей квартиры.

Где он не стал сразу нажимать звонок, а его вдруг ухом притянуло к двери, и он замер на некоторое время, прислушиваясь. И видимо такой манёвр ему ничего не дал, раз Семирамид Петрович вынул из кармана ключи и задумчиво на них посмотрел. Затем он бросил взгляд в сторону дверного замка, и видно было, что он так и не может решиться, каким способом проникнуть внутрь квартиры. Ну а почему для него это сейчас имело такое большое значение, то это было связано со всё теми же мыслями о прогрессе, своём неприятии его и само собой о роботе Леонтиче, которые опять взяли его в свои жёсткие тиски.

Если, к примеру, воспользоваться ключами, и притом очень тихо, то можно практически незаметно для находя-

щихся внутри квартиры людей открыть дверь и вовнутрь проникнуть. А там действовать уже исходя из складывающейся обстановки. А вот это-то и затрудняет принять этот вариант захода внутрь квартиры. Вдруг Семирамида Петровича там встретит своим лицом к своему лицу та самая обстановка и беспорядочное положение вещей нательной одежды Марты и ещё там кого-то, которую он больше всего опасался и тревожился вот так глаза в глаза увидеть. Ведь тогда он и не знает, как себя, приличествуя этому, непредвиденному некоторыми лицами случаю, повести.

Не говорить же в самом деле: «Здрасте, я как вижу, вы меня сейчас совершенно не ждали увидеть, вот и не собрались с вещами». А бить в лицо, а тем более, пинать под зад своей Марте, он не приучен. Так что остаётся один вариант, – с глубокомысленным и растерянным видом замолчать, с укором смотря на Марту и на этого типа, стоящего на одной ноге и в своей неловкости натягивающего брючину, за что ему станет вдвойне неловко себя чувствовать, – который, конечно, поставит всех в крайне затруднительное положение, но это совсем не выход из этой, так сложившейся ситуации.

И Марта, пожалуй, видя как себя крайне неловко чувствует этот тип в одной штанине, не могущий пошевелиться под издевательским взглядом укоризны Семирамида Петровича, человека невыносимого и жесткого в своём эгоизме, – другой бы давно на всех них накричал и разогнал кровь в их щеках пощёчинами, но Семирамид Петрович не тот человек,

от которого можно было бы так легко отделаться, а он будет долго стоять и измываться над ними и той их неловкостью, в которую они по его милости и вогнали себя, – вскипит и накричит на Семирамида Петровича. – А ты чего это так рано появился, без предупреждения?!

А Семирамид Петрович, как уже говорилось, всегда испытывающий к наглости Марты особое чувство восхищения, растеряется, как это с ним бывало обычно, когда она на него накричит и опять глупость сморозит. – А я вам что, помешал?

– А разве это неочевидно? – Марта в свой удивлённый ответ, видно, что и понять этого Семирамида Петровича не может. А быть вот так непонятым своими домашними, Семирамид Петрович совсем не хочет, и он переводит свой взгляд на дверной звонок. Нажав на который, можно точно предупредить вот такого рода, возможно последующую неловкость. Где больше всех неловко почему-то всегда бывает тому, кто неожиданно появился и увидел всю эту подловленную его взглядом неловкость стояния в одной брючине незнакомого типа, которому неловко лишь за то, что он оказался в одной штанине, а вот то, что Марта на всё это смотрит вообще без ничего на себе и ей может быть знобливо и прохладно в теле, его не больно-то и волнует. А вот Семирамида Петровича этот момент крайне сильно волнует и заботит, в отличие от этого столь самолюбивого типа, и поэтому он не воспользовался ключами, а нажал на дверной замок.

И вот звонок прозвенел и Семирамид Петрович теперь весь во внимании ко всему тому, что раздаётся с той стороны двери. А там вначале, после его звонка, как-то всё затихло, а затем слышались приближающиеся шаги к двери. Ну а так как эти шаги возникли не из хаоса спешки и шумов падения различных предметов, а они вышли из своей упорядоченности, то это успокоило Семирамиду Петровича – там, как минимум, никуда не спешили, а это говорит о том, что для этого повода не было.

Но успокаиваться Семирамид Петрович тоже не спешит, он человек слишком увлекающийся своими сомнениями и всегда до последнего придерживается позиции недоверия к действующей картинке действительности, в общем, пока он лично не убедится в чём-то, то на слово вам ни за что не поверит. И вот когда шаги затихли прямо у двери, Семирамид Петрович принялся приглядываться к глазку, ожидая, заглянут в него или нет. А в него взяли и заглянули, – это косвенно указывало на то, что за дверью стоит Марта, – отчего Семирамид Петрович непроизвольно выпрямился в плечах, на чём постоянно настаивала Марта, тогда как он только при ней держался столь самоуверенно.

Но и этого мало Семирамиду Петровичу, чтобы быть полностью убеждённым в том, что к двери подошла Марта, и теперь он ждёт того, когда она примется проворачивать ключ в двери. Здесь-то его невозможно обмануть, он точно знает с каким усилием и упором проворачивает ключ Марта. И на

этот раз ключ в замке провернулся не так как прежде, тем самым посеяв в душе Семирамида Петровича новые сомнения, теперь уже насчёт Марты. А всё дело в том, что когда раздался шум шагов, то Семирамида Петровича что-то буквально в одно мгновение надоумило подумать о том, что научно-технический прогресс не так прост, как он до этого момента думал, и что он обязательно ему подкинет такую подлянку... то есть загадку, что он никогда в жизни её не разгадает.

А Семирамид Петрович, что на него совсем непохоже в таких моментальных и критических случаях, с иронией и отчасти с сарказмом хмыкнул. – Он что, в виде Марты ко мне придёт. – И только Семирамид Петрович посмеялся над этой своей, откровенно сумбурной мыслью, как тут же в испуге понял, как он оказался близок к разгадке этой загадки прогресса – он не с помощью робота Леонтича будет ему жизнь портить, а он возьмётся за него по настоящему, через андроиду Марту, один в один похожую на его Марту. Что, совершенно, не трудно сделать при современных технологиях и таком роботизированном отношении жён к своим опостылевшим мужьям.

– А ты, Марта, отдохни месяц другой на Гавайях, пока мы вправим мозги твоему глупому мужу, не верящему в научно-технический прогресс. – Примерно такими словами подкупили Марту какие-нибудь представители закрытого института по разработке искусственного интеллекта, где им

для его отточка нужно было провести испытания в реальных условиях. И лучше в самых сложных, на примере вот таких, как Семирамид Петрович, упорных и скептически ко всему настроенных типах.

– Если научно-технический прогресс, с помощью искусственного интеллекта сможет вот таких мракобесов и занудных типов, как этот Семирамид Петрович, обвести вокруг пальца, и он даже не заподозрит, что на месте его жены Марты был андроид, то можно себя тогда поздравить с прорывом в робототехнике. – Делая последние замеры в андроиде Марте, перед тем как её усадить на место настоящей Марты, рассуждал ведущий специалист по созданию искусственного интеллекта Марты, какой-нибудь дремучий Мафусаил Андреевич.

А вот Марта, слишком уж она самоуверенная и самонадеянная особа, отбывая на Гавайи даже и не поинтересовалась у этих типов о том случае, если Семирамид Петрович, когда у него в голове вдруг, ни с того, ни с сего, зайдёт затмение после в одиночку выпитой бутылки, захочет уснуть не у себя на диване, а ему захочется ощутить теплоту отношений с Мартой. И что спрашивается, тогда произойдёт, если Семирамид Петрович окажется более убедительным, чем андроид Марта (с настоящей Мартой такой фокус ни разу не проходил). Будет ли это считаться изменой, или как? Что, между тем, вопрос только нравственный и этический. А ведь может так случиться, что Семирамид Петрович, подпав под обая-

ние такого себя убедительного, захочет и дальше продолжать греться в объятиях Марты, и тогда как быть со всем этим его издевательством над природой андроида Марты, у которой итак уже интеллект повреждён Семирамидом Петровичем, поломавшим ей все алгоритмы и микросхемы. В общем, в опасную игру решили сыграть с Семирамидом Петровичем эти люди из закрытых научных институтов.

И теперь должно быть понятно, с каким тревожным чувством и волнением ожидал открытие двери Семирамид Петрович, ожидавший там, на пороге, встретить всё и кого угодно, но только не настоящую Марту. При этом он понимал, что его с такой достоверностью собираются обмануть, что он ни с первого, ни со всех последующих взглядов на Марту, не сумеет её отличить от подлинника. – Надо было хотя бы запомнить, какая у неё была причёска по моему уходу в клуб. – Покорил себя Семирамид Петрович за такую свою непредусмотрительность. – Она же мне сколько раз указывала на важность этого составного элемента своей головы. «Посмотри, остолоп, на мою причёску, – жёстко заявляла Марта, когда я в ответ на её вопрос: «Что во мне изменилось?», ничего не находил». – Быстро памятьливо вспомнив Марту, Семирамид Петрович вынужден был признать, что он опять не готов к встрече с Мартой, или не Мартой.

Так что, когда дверь открылась и на пороге появилась Марта, Семирамид Петрович дал сильнейший повод этой Марте подумать о том, что Семирамид Петрович уж очень

сильно не в себе и может даже очень выпивши. Так он, продолжая оставаться на месте, головой придвинулся вперёд и начал вглядываться в Марту. После чего, с лицом, выражающим недоумение, и вообще перешёл все разумные пределы, поинтересовавшись у Марты: «Марта, это ты?».

Но что интересно, так это то, что Марта, несмотря на всё это не укладывающееся ни в какие разумные рамки поведение Семирамида Петровича, не приступает к нему с требовательным лицом и видом, – ещё одна такая выходка, то ты, мямля, меня знаешь, – а она, хоть и не слишком радостно, но при этом и не так сложно и больно для него, спокойным и главное ровным, без всяких эмоциональных вставок голосом говорит. – Не стоим в дверях, проходим. – Что в свою очередь напрягает в своём волнении Семирамида Петровича, ещё не встречающего ни разу такой встречи со стороны Марты.

– Да неужели они всё-таки на это решились?! – мурашками пробежался испуг по Семирамиду Петровичу, ахнувшему про себя от страха этой встречи со своими реализованными в действительности затаёнными страхами. И Семирамид Петрович, лицом к лицу встретившись с воплощением в реальности своих сомнений в виде Марты (Семирамид Петрович ярый приверженец теорий заговоров, в которых ему отведено своё знаковое место), и пошевелиться не может от так ему страшно. И Марта, как на неё это непохоже (а вот на андроида Марту, наверное, да) два раза ему повторяет и

с однотипной улыбкой говорит. – Чего встал уж, давай, проходи.

И теперь Семирамид Петрович, хоть ему и до чёртиков страшно (чего, собственно, он боится, он толком и не знает), на негнущихся ногах проходит в прихожую и входная дверь Мартой закрывается. Дальше Семирамид Петрович на автомате снимает обувь и, каждую секунду ожидая от андроида Марты усыпляющего укола, чтобы с ним дальше было легче расправляться, выдвигается по коридорчику в гостиную. Войдя в которую, Семирамид Петрович застывает на пороге и ничего поделывать с собой от удивления не может, видя на своём любимом месте, на диване (на том, на котором он всегда отдыхал дома) ...Нет, не робота Леонтича (ещё одного заговорщика), а не менее заинтриговавшую его личность незнакомца. Который с довольным выражением лица сидел и смотрел на него, держа в одной руке чайную чашку, а в другой блюдце (типа он чай пил). И при этом по нему совершенно не было заметно, что его что-то смущало и могло поколебать решимость продолжать спокойно попивать чай, а может чего ещё покрепче, из подарочного сервиса, который Марта выставляет в особенных случаях. И тогда Семирамидом Петровичем спрашивается, что это за особенный такой случай, что Марта выставила праздничный сервис.

Впрочем, Семирамид Петрович догадывается, что это может быть – Марта таким способом отмечает свой отъезд на Гавайи и заодно первый день испытаний для него, который

и начался с такого рода провокации. – Как только наш подопытный явится домой, то мы проверим его рефлексy на работу, – планируя эту встречу, усмехаясь, рассуждал Мафусаил Андреевич, – я займу его любимое место на диване и буду попивать кофе с коньяком из подарочного сервиса. Посмотрим, как этот нытик отреагирует на это.

Но этот Мафусаил Андреевич одного не рассчитал, ни смотря на то, что у него в институте над программой опробования искусственного интеллекта в реальных условиях, трудится столько учёных и имелся свой суперкомпьютер, что на месте Семирамида Петровича находится именно он, человек не простого ума, а не кто-то другой. И он, когда его прижмёт, готов продемонстрировать чудеса ловкости и изворотливости. – Они ждут, что я начну волноваться и нервничать при такой своей встрече с Мафусаилом Андреевичем, да ещё и в такое позднее время, когда в гости приходят только по обоюдному согласию супругов, – вот чёрт, он мои тапочки надел! – быстро начал соображать Семирамид Петрович, – а я не поддамся на всё это и не буду скандалить и в возмущении скрипеть зубами. Я проявлю гостеприимство в лице и тем самым собою их со своих планов. – Решил Семирамид Петрович и не стал чрезмерно кривить лицом, а только спросил Марту: У нас что, гости?

Марта же по внутреннему разумению Семирамида Петровича явно ожидала от него другого услышать, – например, а это что ещё за хмырь уселся в моём кресле? – и она, обойдя

Семирамида Петровича стороной и, оказавшись в гостинной впереди него, совсем не похоже на себя, начала с подчёркнутой вежливостью представлять гостя и Семирамида Петровича друг другу.

– А вот и тот, кого мы все заждались, – указав рукой на Семирамида Петровича, таким образом представила Марта его этому гостю. На что этот странный гость, – его еле уловимая улыбка совсем не сочеталась с его мрачным видом, во всём чёрном, – отставляет чашку на блюдечко, блюдечко с чашкой на журнальный столик, и всё это с такой основательностью, как будто он здесь хозяин и живёт, а не Семирамид Петрович, после чего приподымается с дивана и встаёт на ноги. – Как на дрожжах вымахал. – Глядя снизу вверх на этого высоченного гостя, Семирамид Петрович начал волноваться.

Мафусаил Андреевич между тем, со своей странной улыбкой на лице делает шаг навстречу Семирамиду Петровичу и протягивает ему руку для ознакомительного рукопожатия. – Аноним Антонимович. – Под таким удивительным и явно провоцирующим Семирамида Петровича на нервное головокружение именем себя представляет этот ловкач, Мафусаил Андреевич. И Семирамид Петрович совсем не удивлён этому обстоятельству, – шифруется, гад. – Но при этом перед Семирамидом Петровичем стоит иного рода задача, в виде протянутой Мафусаилом Андреевичем руки. Семирамид Петрович прямо чувствует какой-то подвох в этом его действии. А не жать он не может. Только почему, он не может

понять. Может потому, что есть вероятность того, что Мафусаил Андреевич есть робот. И тогда от руки Семирамида Петровича ничего не останется, и он её расплющит.

Правда не сразу, а вначале поиздевавшись над Семирамидом Петровичем, из которого под воздействием этого ручного давления, будет слово за словом выниматься информация о его неблаговидном поведении по отношению к Марте. От которой он и гонорары свои утаивает, и мысли у него на её счёт всё больше бессодержательные и негативного характера. Где есть и такая, где он демонстрирует недовольство сложившимся положением в их семье, и он готов его пересмотреть, вплоть до развода. А узнай обо всём этом Марта, то Семирамиду Петровичу тогда уж точно навеки вечные придётся оставаться счастливым в объятиях Марты (а так хоть был шанс).

И Семирамид Петрович, когда все сроки прошли, и пауза затянулась, как нельзя надолго, с внутренним вздохом и, зажмурив про себя глаза, протягивает свою руку вперёд, и она в момент утопает в ручище этого Мафусаила Андреевича, во всём большого и великанистого порядка. Но вроде бы ничего такого, что может оторвать его руку, не происходит, а Мафусаил Андреевич, уже с более видимой улыбкой глядя на него, спрашивает. – И как же мне к вам обращаться? – На что у Семирамида Петровича имелась масса вариантов, но находящаяся здесь Марта не давала разыграть его воображению и Семирамид Петрович остановился на своём преж-

нем имени.

– Семирамид Петрович. – Говорит Семирамид Петрович. А этот Мафусаил Андреевич, видимо сумел прочесть его мысли и, исходя из этих знаний, интересуется у Семирамиды Петровицы. – И вас полностью устраивает ваше имя? Или всё же иногда у вас возникали такие моменты, когда вам хотелось всё поменять, в том числе и это ваше имя, которое тормозит ваши внутренние целеустремления и не даёт вам полностью раскрыться?

И на самое первое мгновение Семирамиде Петровице действительно захотелось признаться в таком ощущении и давлении на себя своего имени, которое действительно не даёт ему жизни в полной мере. И он даже в осознании этого приоткрыл рот, но тут краем глаза заметил всё за ним замечающую Марту и тут же прикрыл свой рот. – Ага, щас, скажу я тебе это! Когда рядом стоит Марта и всё слушает. – Наполнившись негодованием на этого хитрющего Мафусаила Андреевича, чуть не подловившего его на доверии, пробубнил про себя Семирамид Петрович.

– Не имя делает человека, а человек делает себе имя. – Ответил Семирамид Петрович, ловко выкрутившись из этой ловушки.

– Не могу не согласиться. – Ответил Мафусаил Андреевич, отпуская руку Семирамиды Петровицы. После чего Мафусаил Андреевич с тайным значением посмотрел на Марту и, вернувшись к Семирамиде Петровице, завёл странный

разговор. – А вот скажите, Семирамид Петрович, – заговорил Мафусаил Андреевич, – какое первое чувство вы испытали, как только по заходу в гостиную застали в ней незнакомого мужчину, и при этом в своих тапочках? – спросил Мафусаил Андреевич, по итогу своего вопроса посмотрев в сторону своих больших ног, на которых на пределе своих сил и возможностей, еле поместились тапочки Семирамиды Петровицы. Куда посмотрели и все здесь, в гостиной, находящиеся люди, где ближе всех к тапочкам и взбешённому состоянию находился Семирамид Петрович, только сейчас, близко посмотревший на свои тапочки, изнашивающие под давлением ног и самого Мафусаила Андреевича, величавой конструкции, и понявший всю глубину своего ничтожества.

И так Семирамиде Петровице стало обидно за попрание своих прав в своём же доме этим Мафусаилом Андреевичем, и непонятно на каких таких основаниях позволяющему себе такие вольности, что он был готов наступить на ногу Мафусаила Андреевича в тапочках и тем самым убить за раз двух зайцев – поставить жирную точку в удовольствиях Мафусаила Андреевича при ношении его тапочек и, во-вторых, отдавить этому гаду ногу. С чем Семирамид Петровица подняла глаза и посмотрела на Мафусаила Андреевича. А тот на него в ответ смотрит, и не просто, а с его полным пониманием. – Ну-ну, давай попробуй отдавить мне ногу. Вот только одного не забывай, что затем придёт мой черёд, и тогда посмотрим, кто устоит на ногах.

Семирамид Петрович, кончиками пальцев ног почувствовав, как это будет больно, отказался от своих прежних намерений и, вздохнул новой мыслью. – Вот оно, началось! – Семирамид Петрович понял, что сейчас начнётся для него самое страшное – тестовые испытания его интеллекта, на основе которого уже будет тестироваться искусственный интеллект андроида Марты. И Семирамид Петрович приготовился к самому для себя худшему.

И оно не заставило себя ждать. Так Мафусаил Андреевич выдавливает на своём лице улыбку и обращается к Семирамиду Петровичу. – А теперь, Семирамид Петрович, давайте заново знакомиться. – И Семирамид Петрович и не может сообразить, что это может для него и вообще значить. – Разве что-то за это время кардинально изменилось, чтобы нужно было опять знакомиться? Или он быстро всё забывающий человек, и ему нужно не по разу всё повторять. – Вопросительно заволновался про себя Семирамид Петрович.

– Так вот почему он добился от Марты таких доверительных для себя отношений! – ахнул про себя Семирамид Петрович, слишком пакостно и жестоко подумав об отношениях между Мартой и этим забывчивым негодяем Мафусаилом Андреевичем, чей памятьливый склероз на свои поступки, делает из него выдающегося ловеласа. И тем он и берёт скучающих по общению домохозяек, привыкших к упорядоченности отношений, для которых вот такие забывчивые люди, как Мафусаил Андреевич, настоящий клад – он тебя

каждые полчаса видит, как в первый раз, и готов с завидным постоянством добиваться ответных чувств от только что им встреченной дамы сердца.

А вот Семирамид Петрович, что за злопамятливая скотина, ничего не забывает, – особенно когда это касается его касательства, – и из-за этой его расчётливости от него никакой романтики не дождёшься. Так что вполне становится понятно, почему Марта была так не удовлетворена Семирамидом Петровичем. А вот если бы он походил домой в своей забывчивости, – хотя бы на время забыл о том, что он подкаблучник и мямля в глазах Марты, – то Марта и слова грубого в его адрес не успела бы сказать, как была бы им скручена в любовный узел и заткнись, стерва!

– Наверное, этот Мафусаил Андреевич испытывает особого рода удовольствие, пожимая руку незнакомым людям. – К единственному разумному выводу пришёл Семирамид Петрович.

Но то, что услышал от Мафусаила Андреевича Семирамид Петрович, не вписывалось ни в одну из концепций его разумений. – Я высококвалифицированный, домашний психолог. – По новому представился Мафусаил Андреевич, и при этом по его лицу проскочила такая нескрываемая ирония, – ну и что ты на это скажешь, Семирамид Петрович, пропащий ты человек, – что Семирамид Петрович, итак поставленный в тупик своего непонимания происходящего, окончательно потерялся, не зная, как на это реагировать. И

он даже посмотрел на Марту, ища от неё поддержки или хотя бы объяснения тому, что сейчас происходит.

Но разве от Марты дождёшься поддержки, да никогда. И она с не пробивным на чувства видом, как и в самом деле андроид, смотрит сквозь него на этого лапочку Мафусаила Андреевича (это так видится её взгляд Семирамидом Петровичем), пока ещё не забывающего её и, вызвавшегося оказать ей посильную помощь в обуздании эгоизма своего мужа – деспота (понятно, что это Семирамид Петрович).

Мафусаил Андреевич тем временем осматривается по сторонам для виду, а так он уже всё осмотрел, спланировал и подготовился к приходу Семирамида Петровича, и для той же видимости спрашивает. – Тогда быть может, где-нибудь присядем, чтобы нам было удобнее вести разговор.

– Ах, вот что ты задумал! – озарился догадкой Семирамид Петрович. – Хочешь по душам со мной поговорить и всю нужную для себя информацию из меня выудить. Хрен тебе. Ничего не скажу. – Передёрнулся в лице Семирамид Петрович, поняв всю подлую сущность Мафусаила Андреевича, о ком он и так был не большого мнения, а сейчас оно и вовсе ухудшилось. А как только Семирамид Петрович, сопоставив некоторые факты из своего юридического поля деятельности, где ему противостоял особо сложный клиент, всеми силами держащийся за свой брак и не собирающийся его расторгать без соответствующей компенсации, – а на что я тогда буду жить, если я работать с детства не приучен, – готово-

го на любого рода провокацию и диверсию (ему терять типа нечего), то он по-новому понял появление здесь этого Мафусаила Андреевича. Мафусаил Андреевич тот ещё прохиндей и манипулятор человеческим сознанием, подкупленный его противниками, чтобы выудить из него любого рода информацию, которая поможет противной Семирамиду Петровичу стороне, подвинуть его на решение сдать свою клиентку.

А как только Семирамид Петрович так подумал, то он не чуждый профессиональной этики человек, естественно воспылал негодованием к такому способу ведения юридической борьбы. Хотя не без того, чтобы не отдать должное противной стороне, так старающейся для своего клиента.

А между тем Семирамид Петрович, за всеми этими своими доразумениями и не заметил того, как был препровождён Мафусаилом Андреевичем до двух стоящих у одной из стенок гостиной кресел, где в одно был он усажен, а второе заняла собой Марта. После чего Мафусаил Андреевич, действуя как всего здесь хозяин, берёт от стола стул и, поставив его строго посередине и напротив них, занимает его. И не просто так, а не забывая демонстрировать своё главенство здесь, закинув ногу на ногу, где он рукой обхватывает лодыжку закинутой ноги и с дерзким видом смотрит на Семирамида Петровича, у которого быть может, есть к его тапочкам вопросы, которые разрываются от желания выпрыгнуть из хватов столь мощных ног Мафусаила Андреевича.

И хотя у Семирамида Петровича есть к этому хамлу во-

просы, он их не задаёт, прекрасно понимая, что тот специально его на них провоцирует, и поэтому будет лучше подождать того, когда к нему с ними обратятся. И на этот раз Семирамид Петрович не ошибся в своих расчётах, Мафусаил Андреевич обратился к нему, правда, с каким-то странным вопросом.

– А теперь представьтесь вы, Семирамид Петрович. – Обращается к Семирамиду Петровичу Мафусаил Андреевич. И понятно, что Семирамид Петрович, к которому обращаются по его имени отчеству, а до этого он уже под таким же именем представлялся, впал в непонимание Мафусаила Андреевича, непонятно чего от него хотящего. И как минимум, можно предположить, что Мафусаил Андреевич ни одному слову Семирамиды Петровича не поверил, по его мнению, человека, имеющего скрытую от всех биографию, и значит и другое имя.

А Семирамид Петрович, по всё тому же мнению Мафусаила Андреевича, однозначно не являющегося домашним психологом и разработчиком искусственного интеллекта, а он, скорей всего, тайный агент или охотник за провинившимися перед законом головами (тех же алименщиков), прячется под этим выдуманном именем (да уже само неблагозвучное имя Семирамид, указывает на его фальсификацию), чтобы проворачивать свои тайные дела. А вот какие, то для того чтобы это выяснить, и прибыл сюда Мафусаил Андреевич, пожалуй, и сам пользующийся выдуманном именем. А

так его зовут агент Смит, или более верней для наших мест дислокации, Степаном.

Но вся эта игра разума Семирамида Петровича требует времени для своего обмозгования, тогда как сейчас на это времени нет, и на него со всех сторон смотрят заинтересованные в его ответах люди. А то, что Марта ведёт себя так продолжительно тихо, начинает пугать Семирамида Петровича, начавшего уже ехать головой от своих фантастических предположений на её счёт. Где он решил уловить подходящий момент и ткнуть Марте в руку иголку, а может и в зад, если у него поднимется рука на зад Марты. И тогда по её ответной реакции можно будет судить, кто есть на самом деле такая Марта. Если она не отреагирует никак, то она видимо андроид, а вот если она закатит истерику и надаёт ему лещей, то Семирамид Петрович будет за себя спокоен – она человек (вон на какие жертвы он готов пойти ради установления безошибочной истины насчёт своей супруги, которая даже не подумала о том, к чему её мужа могут завести эти её заигрывания с нечеловеческим разумом).

Семирамид Петрович, между тем, хоть и не придя к пониманию Мафусаила Андреевича и к чему ведутся эти странные разговоры, сделал попытку возразить ему. – Я ... – только и смог сказать Семирамид Петрович в ответ, как был перебит всё тем же Мафусаилом Андреевичем, агентом Степаном (по внутренней классификации агентов Семирамида Петровича). – Вот значит как! – с переполняемым возмуще-

нием перебивает Семирамида Петровича агент Степан, тот же Мафусаил Андреевич. – Ему только дай повод и основания для проявления своей невежливости, так он локтями будет пробивать себе дорогу к тёплому месту в автобусе, даже не думая о своей супруге, чьи ноги требуют к себе заботы и особого отношения. – На этом месте Мафусаил Андреевич переглянулся с Мартой, которая с благодарностью на него посмотрела, после чего она с негодованием озрилась этого самолюбивого, человека-проходимца и невежу, Семирамида Петровича, совсем ей не понятно, каким образом он сумел втереться к ней в доверие и стать её мужем.

– Я всегда догадывалась, что ты, Семирамид Петрович, такой хамской направленности человек, и твоя вежливость ко мне идёт не от души и сердца, а рождается из под палки, – в один взгляд на Семирамида Петровича, локтевой сдвинутости человека ума, Марта показала, что она насчёт него думает, – а сейчас я в этом окончательно убедилась, и всё благодаря Мафусаилу Петровичу, открывшему мне на тебя глаза.

А Семирамид Петрович совершенно не согласен с тем, в чём его обвиняют. И он вновь берёт слово, и опять ему удаётся проговорить только самое начало из своего гневного спича. – Да я... – только и успевает сказать Семирамид Петрович, как тут же перебивается звучным утверждением Мафусаила Андреевича, откуда-то вынудившего блокнот и ручку и, начавшего делать в блокнот записи.

– Так и запишем, – говорит Мафусаил Андреевич, сбивая с темпа Семирамида Петровича, – не признаёт своих ошибок. И при любой возможности пытается оспорить не устраивающее его решение. Привык во всём считать себя правым, и нагл до самозабвения. – От таких выводов Мафусаила Андреевича, Семирамиду Петровичу, охреневшему от услышанного, аж скулы свело от всего этого. Но Семирамид Петрович умеет делать выводы, и он решает быть осторожным на свои высказывания в ответ на вопросы Мафусаила Андреевича, вон как всё изворачивающего. И Семирамид Петрович делает многозначительное лицо и теперь молчит, и значит, пребывает в уверенности, что он во всём прав и с него взятки гладки – так за него, исходя из следующего заявления Мафусаила Андреевича, решил тот же Мафусаил Андреевич.

– Так что вы молчите? – с какой-то внутренней подковыркой интересуется Мафусаил Андреевич. – Представляйтесь.

– Пусть Марта сперва, как вы этого от меня требовали. – Запускает свою шпильку в сторону Мафусаила Андреевича Семирамид Петрович. И, конечно, Мафусаил Андреевич имеет полное право быть взбешённым. Тут перед этим, столь хамливым человеком, Семирамидом Петровичем, распинаешься, идёшь ему навстречу, делаешь дельные замечания насчёт его не корректного поведения, а он ещё и проявляет открыто своё недовольство. И Мафусаил Андреевич прибегает к самому действенному оружию, своей ручке. – Вот зна-

чит как. – Предварив этим восклицанием работу своей ручки, Мафусаил Андреевич берётся за неё и под звук своего голоса начинает выводить в блокноте новые характеристики свойственные этому неисправимому человеку, Семирамиду Петровичу.

– Упорствует и стоит на своём, даже признав свою вину. – От такого рода выводов Мафусаила Андреевича, Семирамид Петрович чуть было не взорвался в негодовании за такое его передёргивание фактами, но вид Марты, выразивший крайнюю степень недовольства им, сдержал в нём эту выразительность. А Мафусаил Андреевич тем временем отложил ручку и, посмотрев на Семирамида Петровича, знаково кивнул ему головой, мол, давай, говори.

– Семирамид Петрович. – Как будто на допросе, после долгих попыток выдавливая из себя признание Семирамид Петрович. Ну а его мучителям естественно этого мало, и им нужны все имена, явки и пароли для связи.

– А как зовёте в домашних условиях, когда находитесь в халате и тапочках? – следует вопрос со стороны Мафусаила Андреевича, который, видимо, вошёл во вкус, и то, что Семирамид Петрович выдал себя, ему мало. На что Семирамид Петрович хотел бы заметить, что раз в его тапочках сейчас расположился Мафусаил Андреевич, то ему и отвечать на этот заковыристый вопрос. Хотя Мафусаил Андреевич мог бы парировать в ответ тем, что халата на нём нет, а это наиболее существенный предмет домашнего интерье-

ра, в котором прибывает домохозяин. А вот этот момент с халатом, по-новому сильно напряг Семирамида Петровича. У него появилось такое странное чувство, что этот Мафусаил Андреевич не зря упомянул халат. – Он, гад, его примеривал, или же на крайний случай, примеривался к нему! – осенило догадкой Семирамида Петровича.

И Семирамиду Петровичу в момент представилось, как происходила эта примерка его халата Мафусаилом Андреевичем. – А у твоего Семирамида Петровича есть вкус, – сказал Мафусаил Андреевич, осматривая халат Семирамида Петровича, который ничего такого не подозревая, ждал своего хозяина, вися на вешалке в строенном шкафу, куда Мафусаил Андреевич заглянул, чтобы осмотреть свои пути отхода, если Семирамид Петрович окажется здоровым и буйным типом. В общем, он не мог себя полностью доверить словам Марты, утверждающей, что его муж хлипкий тип, да ещё и нытик.

– Нытик не нытик, а когда дело касается своей собственности, то эти нытики могут быть крайне опасны. – Этим своим разумением Мафусаил Андреевич проигнорировал заверения Марты, и под благовидным предлогом того, что хочет сам убедиться в этом, – а ты, Марта, покажи мне, в чём он дома ходит, и тогда я всё пойму, – и залез в шкаф, где и натолкнулся на халат Семирамида Петровича, вызвавшего у него столько положительных чувств. И Семирамид Петрович догадывается почему – халат был несравнимо мал, и зна-

чит, Мафусаил Андреевич мог не опасаться быть побитым ревнивым мужем, Семирамидом Петровичем.

– Так вот он почему не надел халат, – Семирамид Петрович потрясся новой догадкой, – он ему не пришёлся в пору. А так бы он в нём давно бы расхаживал, тем более он так ему понравился.

А Марта между тем, во всё той же мысленной фантазии Семирамида Петровича, взяла своё недовольное слово и своим заявлением покорила слух Семирамида Петровича. – Это я ему его купила. – Беззастенчиво врёт Марта, прямо поражая Семирамида Петровича своей беззастенчивостью в деле искажения реальности и фактов. А он-то отлично знает, кто покупал этот халат, и как после его покупки Марта недовольно покачала головой, критически заявив: «Ну и вкус». – А теперь значит, вот как, это она его покупала! – у Семирамида Петровича нет слов, чтобы передать то, как он возмущён наглостью Марты. Но это ещё цветочки, а как только до Семирамида Петровича доходит понимание того, почему Марта себя так не по-честному по отношению к нему ведёт, то он прибить её тут же захотел. Но не успел, так как на пути его убийственной мысли встал Мафусаил Андреевич, со своим жестоким заявлением.

– Мне кажется, – с хитрым видом посмотрев на Марту, говорит Мафусаил Андреевич, – а если это не так, то ты меня поправь, что нам лишняя одежда на себе не понадобится. – После чего наступает глубокая тишина, и как бы Семи-

рамид Петрович не напрягал свой слух и не прислушивался, он не услышал со стороны Марты никаких возражений. Отчего Семирамиду Петровичу приходит довольно странная и может совсем не ко времени мысль. – А ведь если на месте Марты оказался андроид Марта, – а присутствие здесь Мафусаила Андреевича в этом своём качестве, есть подтверждение этому факту, – то уж очень странные дела тут творятся.

– Ну так что, – из вне до Семирамида Петровича доносится голос Мафусаила Андреевича, – как вас зовут?

– Пыжик. – Семирамид Петрович, к крайнему удивлению себя и Марты, не подумав о последствиях, сболтнул первое, что пришло ему в голову. И теперь у Марты, неминуемо для головы Семирамида Петровича возникнут к нему вопросы, и первый из них: И, кто тебя так зовёт, скажи на мою милость? – Но Марта не успела задаться вслух этими вопросами, когда как Мафусаил Андреевич уже задал свой вопрос. – И вам, как я понимаю, не нравится?

– Ну, да. – Ответил Семирамид Петрович, вдруг поняв свою оплошность. Но ему деваться уже было некуда, и он катится к своей пропасти по накатанной.

– И почему? – спросил Мафусаил Андреевич.

– Не мужественно звучит. – Сказал Семирамид Петрович.

– Хорошо. – Сказал Мафусаил Андреевич, затем заглянул в свой блокнот и, после небольшой паузы вернувшись к Семирамиду Петровичу, спросил его. – Вот скажите мне,

вы любите Марту, и если да, то постарайтесь припомнить, когда это произошло, с какого момента? – И ещё заданный Мафусаилом Андреевичем вопрос до конца не оформился в вопрос, и нужно было поставить в конце знак вопросительности, как Семирамид Петрович лицом почувствовал, какой страшный интерес вызывает его ответ на него у Марты, во все глаза принявшей смотреть на него сбоку. А Семирамид Петрович и забыл, когда он в последний раз так интересовал Марту, а тут такое(!). Отчего он и не знает, как всё это понимать – неужели не всё так безразлично у них в доме.

Но ладно бы только это затруднение Семирамида Петровича, вызванное Мартой может быть специально, чтобы подловить его на жестокости своего сердца, но перед ним поставлен вопрос, где всякая заминка с ответом на него будет не в его пользу квалифицирована. И Семирамиду Петровичу сейчас нужно быть посообразительней и скорей думать. А вот такого рода мысленная деятельность, ему всегда давалась с трудом и часто приводила к своим ошибкам. Так что Семирамид Петрович решил особо не мудрить, а сказать, как всё дело было и им помнится. В общем, выбрал самый ошибочный путь, путь правды, забыв о том, что она у каждого своя.

– Точно не помню. – С задумчивым видом сказал Семирамид Петрович. А Мафусаил Андреевич с таким подчёркнуто вежливым видом говорит: «Так и запишем. Не помнит», что ни у кого не возникает сомнений в том, как ему про-

тивно присутствовать здесь, рядом с таким непомнящим человеком, как Семирамид Петрович. Который ничего светлого в своей жизни не запоминает, а вот всякую пакость и гадость, то это он горазд всегда тебе напомнить. Ну а Семирамид Петрович ведёт себя в свойственной себе манере не пробивного человека, он пытается оспорить этот взгляд на себя со стороны Мафусаила Андреевича. – Да я забыл. – Говорит Семирамид Петрович. И лучше бы он вообще промолчал, чем так издеваться над здравым смыслом разговаривающих с ним людей. Ну а так как Семирамид Петрович, судя по его этому строптивому поведению, простых слов не понимает, то Мафусаил Андреевич вновь прибегает к ручке.

– Понятно. – Говорит Мафусаил Андреевич, делая запись в блокноте. – И не думает скрывать этого кощунственного для чувств Марты факта. – А Семирамид Петрович уже готов лопнуть от возмущения на такую интерпретацию своих разумений Мафусаилом Андреевичем. Но он не лопнул, а всё потому, что продолжил усугублять своё положение, продолжая оправдывать себя.

– Так ведь это было давно. – Вот прямо так, без зазрения совести, которой у него и нет после этого, ссылается на время этот паскудный Семирамид Петрович.

– Вот как. – Мгновенно реагирует на эти слова Мафусаил Андреевич. – Значит, память всё-таки в наличие имеется. И даже помнится, когда и в какое отдалённое время всё это происходило, а признаваться в этом не считаем нужным.

Вот вы значит какой, Семирамид Петрович. – С осуждением покачал головой Мафусаил Андреевич. А на Семирамида Петровича и непонятно что нашло, и он благоразумно не помалкивает в ответ, а интересуется. – И какой?

– Сложный случай. – Ответил Мафусаил Андреевич, не отрываясь от своего блокнота, куда делалась новая запись. С чем Семирамид Петрович не согласен и готов это утверждение оспаривать. Если уж он и случай, то не сложный, а самый простой. Но тут до него, а будет точнее сказать, прямо ему в голову вдруг вкладывается шепот: «Тихо», и Семирамид Петрович, в момент потерявшись в своём не соображении произошедшего, замолкает и, глядя перед собой на сидящего и чего-то пишущего в блокноте Мафусаила Андреевича, начинает прислушиваться.

И он вновь слышит шепот. – Надо было сказать, сколько себя помню. – И что-то Семирамиду Петровичу подсказывает, что это ему каким-то неведомым ему способом подсказывает Мафусаил Андреевич (уж больно этот шепчущий голос похож на его голос). Но что тогда за игру с ним решил сыграть этот Мафусаил Андреевич, в своей сущности непостижимый для Семирамиды Петровича человек. И Семирамид Петрович в целях своей безопасности не показывает вида Мафусаилу Андреевичу, что он слышал этот его шепот, передающийся ментальным путём, а искоса смотрит на него.

А Мафусаил Андреевич не менее чем Семирамид Петрович ловкий и предупредительный на свой безопасный счёт

человек, и он тоже никоим образом не выдаёт свою заинтересованность в том, чтобы что-то подсказывать Семирамиду Петровичу, в его глазах, эгоцентричный человек, а он всем видом показывает свою объективность взгляда на этого неисправимого человека. С коим он обращается к Семирамиду Петровичу с новым вопросом.

– Семирамид Петрович, вспомните навскидку любой день из вашей жизни и попробуйте, хотя бы приблизительно (это был укол в сторону дырявой памяти Семирамида Петровича), сосчитать, сколько «да» и «нет» вы говорите на день в ответ вашей Марте. – Задав свой вопрос, Мафусаил Андреевич откинулся на спинку стула и занял позицию хозяина местного положения, с которого ему забавно будет наблюдать за тем, как Семирамид Петрович будет мучиться в этих подсчётах. – Ну-ну, Семирамид Петрович, смотри не просчитайся. – Так и насмехается над Семирамидом Петровичем этот направленный на него взгляд со стороны Мафусаила Андреевича.

А Семирамид Петрович и в самом деле находится в большом затруднении насчёт этого вопроса, что сразу и выразилось в его эмоциональном вздохе, который он, дабы не нарушать спокойствие Марты, выразил очень тихо, почти про себя. – Ага, – про себя так выразился Семирамид Петрович, – попробуй ей только сказать слово «нет»! Щас! – А вот на этот раз Семирамид Петрович, несмотря на все свои затруднения в деле ответа на этот математический вопрос, –

хоть одно «нет» для реалистичности нужно вспомнить, – после сложного периода размышлений дал наиболее удовлетворяющий Марту ответ. Правда начальные слова Семирамида Петровича, который как всем показалось, опять взялся за своё, отрицание всякого факта существования разговоров между ним и Мартой, на своё первое время напрягли лица его слушателей.

– Что-то я не припомню, – заговорил Семирамид Петрович, в один момент вогнав в камень лицо Марты, – чтобы я не соглашался с Мартой, которая мне плохого не посоветует. – А как только Семирамид Петрович в итоге исправился и сказал то, что от него ожидали, да и эти его ожидаемые всеми слова были недалеко от истины, то Марта, как первое заинтересованное лицо (это был тест и для неё, как руководительницы этой ячейки общества под названием семья; и она его прошла на отлично) смягчилась в лице, и даже позволила себе улыбнуться Мафусаилу Андреевичу, чья роль во всём происходящем здесь никак не проясняется для Семирамида Петровича, вновь увидевшего в нём для себя врага и притом кровного.

А Мафусаил Андреевич только подливает масла в огонь возмущения Семирамида Петровича, ответив Марте улыбкой. После чего, не дав возможности Семирамиду Петровичу поразоряться на его счёт, даёт своё оценочное суждение этому ответу. – А вот это уже прогресс. – Говорит Мафусаил Андреевич. – Позитивный взгляд на отношения даёт свой

шанс на их реабилитацию и восстановление. – С улыбкой добавляет Мафусаил Андреевич и, переведя взгляд на Марту, обращается к ней с предложением. – Мне кажется, стоит сделать небольшой перерыв на чашку чая. – И к потрясению Семирамида Петровича, Марта не просто выражает полное согласие с этим Мафусаилом Андреевичем, столь для него неизвестной магнетической конструкции человеком, а спешно поднимается со своего кресла и скрывается в проёме дверей, ведущих в сторону кухни.

И только Марта скрывается в дверях, как со стороны Мафусаила Андреевича звучит обращение к Семирамиду Петровичу. – А вы, как оказывается, большой реалист.

– Что-что? – ничего не понимая, переспрашивает Семирамид Петрович, глядя на обращённое к нему лицо Мафусаила Андреевича.

– А разве непонятно, – с долей удивления говорит Мафусаил Андреевич, глядя на Семирамида Петровича с какой-то странной и где-то уже ранее виденной Семирамидом Петровичем усмешкой, – тот человек, кто видит кролика в шляпе, когда ему демонстрируют фокус с шляпой, а не как-то иначе.

– Вы это о чём? – побледнев в лице, всё ещё не понимая, что ему сейчас говорят, вопрошает Семирамид Петрович, со всей силы облокотившись об подлокотники кресла.

– Я о научно-техническом прогрессе, заставшим вас врасплох своим появлением, – да, кстати, подумай, каким образом эта мысль родилась в твоей голове, или же она была кем-

то вложена туда в мотосалоне, посредством робота на входе и затем девушки в моторизированном костюме будущего, – сделал оговорку Мафусаил Андреевич, вогнав в ступор потрясённой мысли Семирамида Петровича, вдруг осознавшего, что он стал жертвой чьей-то сознательной манипуляции, – вы его видите в своей незамысловатости, в виде робота, тогда как он без стука уже вломился в твой дом в виде того же домашнего психолога. И так во всех сферах твоей и всякой другой жизни. – Монотонным голосом проговорил всё это Мафусаил Андреевич. А вот еле пришедший в себя Семирамид Петрович, не так спокоен, и он, приподнявшись с кресла, с искажённым в нервности лицом, полез с вопросами к Мафусаилу Андреевичу. – Да кто ты такой?

А тот в ответ всё также хладнокровен, бесчувственен и вежлив. – А вы разве меня не узнали? – Прищулив свой взгляд на Семирамида Петровича, задался вопросом Мафусаил Андреевич. Семирамид Петрович приближается к своему визави ещё ближе и начинает всматриваться в него. И Семирамид Петрович узнаёт в этом Мафусаиле Андреевиче другого человека – это тот новичок, которого совсем недавно ввёл в клуб Ной, и он ещё находился на испытательном сроке. А это значит, что Мафусаил Андреевич совсем не Мафусаил Андреевич, а ... А вот как его представила Марта он не запоминал, а что насчёт самого клуба, то ситуация там ещё более сложная – пока ты в негоходишь на правах наблюдательного лица, твоё имя неизвестно, кроме порядкового но-

мера.

– Так вас прислал Ной? – шепотом спрашивает Семирамид Петрович.

– Может и так. – Пожав плечами, сказал ...теперь Семирамид Петрович и не знает, как его величать. А как в клубе, Пятым, то он ...Куда уж деваться, придётся так звать, пока у Марты не прояснится, как она его ему представила.

– А, я понял, – Семирамида Петровича вдруг осенила догадка, – это ваш вступительный тест.

– Даже если это так, то, что с того. – С прежней невозмутимостью сказал Пятой. Семирамид Петрович садится обратно в кресло и уже более рассудительно и с видом человека, обретшего уверенность, обращается к Пятому. – И что же вы хотите от меня? А вы непременно имеете какую-то цель, раз вышли на меня. – Пятой на совсем чуть-чуть поддвигается в сторону Семирамида Петровича и говорит. – Скажу так, меня не устраивает роль рядового члена клуба. И как я понял, то и вы не в восторге от установленных в нём порядков. – Пятой замолчал, продолжая внимательно смотреть глаза в глаза Семирамиду Петровичу, а тот в свою очередь смотрел в ответ.

– Не бойтесь, что я окажусь болтлив? – проговорил свой ответ Семирамид Петрович.

– А какой смысл и выгода? – вопросом ответил Пятой.

– Пожалуй, есть смысл рассмотреть ваше предложение. – После небольшой вдумчивой паузы, сказал Семирамид Пет-

рович. – И какие у вас планы? – вслед спросил Семирамид Петрович.

– Следовать к своей цели. – Сказал Пятый. – А что насчёт ваших? – спросил Пятый. Семирамид Петрович засовывает в карман пиджака руку и после недолгих поисков вынимает оттуда разместившееся на ладони зёрнышко. На этом моменте каждый из собеседников фиксирует своим взглядом это горчичное зерно и Семирамид Петрович озвучивает поставленную перед ним задачу. – Я должен отыскать, кто он. – Пятый берёт это зёрнышко, приподымает его на свет и, глядя на него, спрашивает. – И как думаете, кто он?

– Кролик, кто ж ещё. – Усмехается в ответ Семирамид Петрович.

– Кролик? – задумчиво посмотрев на Семирамида Петровича, переспросил Пятый.

– Всё верно. – Со всё той же уверенностью говорит Семирамид Петрович.

– И как будем ловить? – спрашивает Пятый.

– Как и прежде, за уши. Они у них вечно откуда-нибудь да торчат. – Переливается довольством Семирамид Петрович.

– Что ж, отыщем. – Соглашается Пятый.

– Тогда начнём с девушки в мотокостюме. – Теперь уже процедил сквозь зубы слова Семирамид Петрович. Пятый внимательно на него посмотрел и сказал:

– Если для тебя это так важно, то почему бы и нет.

На этом стороны этого разговора приходят к пониманию,

что на сегодня достаточно сказано слов, и Мафусаил Андреевич вдруг вспоминает, что его ещё где-то очень ждут, и значит, он не имеет право задерживаться в гостях. Семирамид Петрович, как гостеприимный хозяин сожалеет очень о том, что Мафусаил Андреевич ещё не может задержаться у него в гостях, – хоть до утра, а я себе постелю в прихожей, буду так сказать, охранять ваш сон, – и раз так получилось и у Мафусаила Андреевича нет никакой возможности отменить эту ожидаемую его встречу, то он хотя бы проводит его до двери.

Когда же они оказываются в прихожей в том же один на один составе, – Марта где-то во внутренних помещениях квартиры под задержалась, – то Мафусаил Андреевич, используя этот момент с задержкой Марты, наклонился в сторону Семирамида Петровича и принялся ему чуть ли не нашептывать очень странную и удивившую Семирамида Петровича вещь.

– Знайте, Семирамид Петрович, человек уж очень падкое на выгоду существо, и как результат всего этого, его можно убедить в чём угодно. И если он посчитает, что ему выгодно быть другим человеком сегодня, то он непременно примет эту для себя реальность. И какая из жизней будет считаться иллюзорной, то ни смотря на наличие с каждой стороны достаточных оснований утверждать, что именно эта сторона есть настоящая реальность, это ещё совсем не ясно, так как всё это, по его мнению, ещё не является достаточным дока-

зательством, чтобы делать такие выводы.

А вот что его к этому может подвинуть, то это мы и постараемся решить. А для этого нужно создать свои базовые условия, – две семьи, две жизни и всякое другое, – и исходя из них действовать. Ну а спросите, – обращается к Семирамиду Петровичу с удивившей его уверенностью и утверждением Мафусаил Андреевич, уставившись в него взглядом, – как перейти к данной данности, то отвечу. Через стрессовую ситуацию. – На этом месте Мафусаил Андреевич замолкает, не сводя своего пристального взгляда с Семирамида Петровича, огорошенного всем услышанным. После чего он говорит: «Передайте Марте, что я целую её ручки», и быстро на выход в дверь.

А Семирамид Петрович, ничего не понимая из сейчас случившегося, с упором на дверь смотрит на неё в полнейшем умственном ступоре и ничего не сообразит. – И к чему, и зачем он это мне сказал? – А тут ещё появляется Марта и чуть ли не расстроено спрашивает его. – А что, Мафусаил Андреевич уже ушёл?

– Ушёл. – Бурчит в ответ Семирамид Петрович, насупившись.

– И ничего не передал мне перед уходом? – да как смеет Марта задаваться такими вопросами перед Семирамидом Петровичем, если она ещё не забыла, её мужем, и настаивать на их ответе.

– Я ему передам. – Злобно проскрежетал зубами Семира-

мид Петрович, всё же удержав в себе и не выпустив на волю эти слова, вспомнив, что просил передать этот ловкий Мафусаил Андреевич. – Ручки значит, Марте поцеловать посредством меня вознамерился. – Всё в Семирамиде Петровиче перекосилось от представлений осуществления в реальности пожеланий этого наглеца Мафусаила Андреевича, явно действующего в связке с Ноем.

– Хотят задурить мне голову, чтобы...Пока не знаю для чего, но узнаю. – К этому далеко идущему выводу пришёл в итоге рассмотрения ручек Марты Семирамид Петрович, не забыв при этом заметить, что он никогда ручек Марты не целовал, – и с какой это стати, чай не его высокопревосходительство, чтобы брать на себя такую ответственность, да и вирус так и напрашивается тебя заразить, – и если он даже на такой шаг к её рукам настроится, то вообще не будет понят Мартой, а если она и удосужится его понять хотя бы частично, то решит, что он сбрендил и сошёл с ума.

И на этом моменте, Семирамида Петровича к его потрясению озарило откровение. – А это идея. – Восторгнулся про себя Семирамид Петрович, и еле себя сдерживая оттого, чтобы не поделиться с пришедшей только что ему в голову мыслью с самим собой, вслух сказал другое. – Нет. – Сухо ответил Марте Семирамид Петрович.

Марта же, фыркнув в ответ в его сторону, покидает пределы прихожей, а Семирамид Петрович, оставшись один, может теперь, как следует, обдумать то, что ему только что в

голову пришло.

– Свести с ума меня не плохая идея. – С безумной улыбкой на устах рассудил Семирамид Петрович. – И надо отдать им должное, он нащупали самое больное моё место. Но только они не учли одного. – Здесь следует пауза, во время которой Семирамид Петрович, скорей всего, осматривает эту неучтённость своих незримых врагов. После чего, понизив голос до низких частот, тихо проговаривает. – Того, что я их опережу. – И на этом всё, Марта из гостинной его требовательно зовёт: «И долго ещё ты там собираешься стоять?!».

– Сейчас! – орёт в ответ Семирамид Петрович, загадочно улыбаясь и тихо проговаривая. – Конечно, не сейчас, а тебе и не дано будет узнать, когда я к тебе приду, а когда не я.

Глава

3

Бойся заговаривать с людьми прилюдно болтающими ногами, сидя на лавочке, установленной на площади, прилегающей к твоему месту работы, строго напротив этого, устремлённого в самые небеса высотного здания.

– Милейший, – как-то так, очень странно и необычно для этих мест и для твоего слуха, завладевают вниманием эти болтающиеся без дела и болтающие с кем попало люди, неидентифицируемой наружности и интеллекта, удивляя и в тоже время озадачивая тех, к кому они, а в данном частном случае, к вышедшему из дверей этого высотного зда-

ния человеку в строгом костюме, с виду не подразумевающего никаких вольностей ни в чём (но это не отменяет факта быть подловленным на неожиданности), обращаются. И этот строгий человек без вольностей в своём интеллектуальном имидже, сбитый с ходу и глубоко серьёзной мысли этим к себе обращением неизвестного, делает остановку, с укором смотрит на этого типа, сумевшего зацепить его внимание, и делает ему дельное замечание.

– Кто так нынче говорит, – покачивая головой, говорит этот серьёзный человек, – да никто.

– Вы сами себе противоречите. Я ведь к вам именно так обращаюсь. – Парирует неизвестный. Серьёзный человек без вольностей во всём себе, легко бы мог заметить этому типу, что это не так, но на это потребуется затратить лишнее время, которое у него всё на пересчёт и серьёзный человек напрямую спрашивает этого типа. – Я слушаю. – Ну а тот ожидаемо, начал уходить от прямого разговора.

– А услышать готовы? – посмотрев на серьёзного человека исподлобья, с хитростью во взгляде, спросил незнакомец. И серьёзный человек при костюме с иголочки и статусным чемоданчиком из светлой кожи в руках, имел все основания оставить без ответа этот вопрос незнакомца, как неконструктивный и тратящий его драгоценное время, но он сам, не зная почему, не обдал того презрительным взглядом и не удалился, на что имел полнейшее право, как ответственный гражданин и налогоплательщик, а он ответно задал вопрос. –

Вы это о чём?

На что этот человек со скамейки, откидывается на спинку скамейки и, кивнув в сторону высотного здания, из которого только что вышел его собеседник, строгий человек, говорит. – Говорят, что обитатели этих столпов государственного строения, глухи к просьбам насущного и голосу сердца.

– Что насчёт просьб, то каждый случай индивидуален, а вот по поводу голоса сердца... – Серьёзный человек на этом месте задумывается, затем хмыкает: «Хм. Не знаю», и подоживает свои размышления. – Вполне вероятно. А, что? – спрашивает незнакомца серьёзный человек.

– Если так, то тогда хочу обратиться к вашему разуму. – Говорит незнакомец.

– Слушаю. – Кратко отвечает серьёзный человек.

– Как думаете, – наклонившись в сторону серьёзного человека, заговорил неизвестный, – кому из нас, мне, постороннему человеку, а если точнее, человеку с улицы, или вам, человеку, явно имеющему доступ к высшим секретам, скорей откроются хранилища этого банка.

– Странный вопрос. – Ответил серьёзный человек, почему-то не принявшийся опасаться этого неожиданного на такие вопросы человека.

– Не для человека с дыркой в кармане. – Ответает неизвестный, вывернув в качестве демонстрации свой карман брюк.

– Пожалуй, соглашусь. – Даёт ответ серьёзный человек,

внимательно глядя на вывернутый карман незнакомца, где, между прочим, и этого серьёзный человек не заметить не мог, не было никакой дырки.

– И что интересно, – удерживая в руках вывернутый карман, пускается в рассуждения незнакомец, – этот вопрос почему-то больше волнует меня, человека с дыркой в кармане, так невозможно далеко находящегося от этого хранилища средств, столь необходимых мне для поправки этого моего незавидного положения, тогда как вас, человека так близко находящегося к осуществлению своей мечты, в шаге от дверей хранилища банка, этот вопрос почему-то совсем не тревожит. – Здесь серьёзный человек хотел заметить незнакомцу о ... Но не успел, так как тот заговорил снова и своим добавлением вогнал серьёзного человека в тревожное состояние духа, чуть ли не в озноб.

– И так до самого последнего момента, – заговорил незнакомец, – он в шаговой доступности ходит день ото дня от этой своей затаённой в самой глубине тайников души мечты, пока его не отодвигают подальше от хранилища мечты, переводя на более низкий этаж. Где он тут же начинает, мучаясь, думать о своих неиспользованных возможностях и кусать свои локти, которые также, как и хранилище близко, а до них всё равно не дотянешься. Всё так? – обращается с вопросом к серьёзному человеку незнакомец. А серьёзный человек даже несколько опешил, услышав такие пессимистично-перспективные на свой счёт слова со стороны этого чело-

века с улицы.

Ну а почему он так настороженно отнёсся к этим словам незнакомца, то тут надо понимать характер его профессиональной деятельности, построенной не только на одной аналитике финансовых движений на рынках, а большая часть его финансового прогнозирования (серьёзный человек, как понимается, занимал должность финансового аналитика) строилась на инсайдах. Так что вполне понятна такая его всполошенная реакция на это сообщение незнакомца, так умело завуалированного под внутренний инсайд. – Меня хотят свалить! Но кто?! – внутренне, без внешнего выражения, всполошился серьёзный человек, принявшись судорожно соображать и выискивать в памяти тех, кто метит на его место, и кто уже начал предпринимать для этого действенные шаги. И уже через несколько секунд умственного времени серьёзного человека, эти контрпродуктивные люди были им найдены и выделены в отдельную памятную ячейку, чтобы их оттуда вскоре вытащить и расправиться.

А сейчас серьёзный человек вида не показывает, что его слова незнакомца заинтересовали, он их вообще не понял, как надо. И он сообразно этому своему непонимающему виду даёт ответ. – Я не понимаю, о чём вы ведёте речь.

– Это потому, что я обращаюсь к сердцу, – незнакомец опять берётся за свои странные разговоры, – Поговорите и вы с ним, спросите его, что ему на самом деле нужно, – уж точно не сухая статистика цифр, – и если найдёте для се-

бя ответ, то я ... – на этом месте незнакомец себя обрывает, чтобы посмотреть на свои ручные часы (серьёзный человек в свою очередь успевает заметить фешенебельность его часов), после чего он досказывает, что хотел сказать. – По нечётным дням (такой у меня бзик, через встречу ставлю мат нечету), в полдень, я здесь на скамейке строю планы на будущее для себя и недовольных своим настоящим людей.

– Как это? – явно заинтересовавшись, спрашивает серьёзный человек. На что незнакомец окидывает взглядом сомнения серьёзного человека и делает на его счёт свой вывод. – Вы ещё не готовы. Да и вы ещё не поговорили со своим сердцем. И по вас видно, что вас полностью устраивает сложившееся положение вещей вокруг вас. – Здесь незнакомец вдруг отвлекается в сторону, куда вслед смотрит и серьёзный человек, где он видит, идущую со стороны всё того же здания эффектную блондинку (почему именно блондинка, и нет ли в этом дискриминации не блондинок, то даже не знаю, что сказать, когда это так и было, хоть и выглядит слишком стереотипно). И только серьёзный человек зафиксировал её своим взглядом, как со стороны незнакомца звучит: «А вот её не устраивает», и не успевает он повернуться обратно, как перед ним во весь рост появляется незнакомец, который кидает ему: «До скорой встречи!», и теперь серьёзному человеку только его спина видна,двигающаяся в сторону этой блондинки.

– Как это понимать до скорой встречи. Не просто до встре-

чи, а именно до скорой. Что за самонадеянность! – возмутился про себя серьёзный человек, глядя ему в спину и, бесконтрольно, то есть используя одни ноги, – что за ним до сегодняшнего дня не замечалось и ему вообще было не свойственно, – выдвинулся в обратную сторону, откуда он до этого момента встречи с этим странным незнакомцем шёл (назад в это монументальное здание).

Но серьёзный человек ничего этого за собой не замечает, он полностью поглощён наблюдением за этим незнакомцем, идущим, как ему видится, в оболочке какой-то удивительной дымки, отчего его шаг кажется летучим, как будто он и не вступает на землю, а по ней плывёт. А вот куда он направляет свой ход, тоже видится серьёзному человеку в некой фокусированности его взгляда в виде оптического прицела, и прицел этот направлен прямиком в ту вышедшую из этого высотного здания девушку, которая идёт перпендикулярным этому незнакомцу курсом, по одной из дорожек, ведущих из всё того же здания, которая скоро должна войти в своё пересечение с тем путём, который держит незнакомец, и как видится серьёзному человеку, то они точно не смогут разойтись и обязательно на этом пересечении многих дорог встретятся.

Что так и произошло вскоре, а вот было это запланировано кем-то из заинтересованных в этой встрече лиц (незнакомец двигаясь ускоренным шагом, вполне мог бы быть бенефициаром этой встречи) или же пути господни неисповеди-

мы и всему виной случай, не столь важно, когда для каждого участника этой неожиданной встречи, она не показалась неудобной и лишней. Что можно было чисто визуальным путём увидеть, как это увидел серьёзный человек, на этом моменте остановившись и, застыв в своём внимании к происходящему там, на площадке у концептуальной скульптуры, установленной в центре этой площади, прилегающей к этому высотному зданию (пора бы уже его как-то охарактеризовать – пусть будет «мер и весов», значительно и внушающе звучит).

А увидел он такого рода случайную встречу, со столь удивительно выглядящей неожиданностью, со своей неловкостью, где в качестве оправдания используется кивание в сторону своей неуклюжести и рассеянности, и взглядами исподлобья, в которой участники всей этой, только на первый неискушённый взгляд неожиданности, начинают подозревать его величество случай в своей преднамеренности и вполне возможно, что неслучайности (всё с планировал и в проекте предначертал), что сразу и необразишь, что тут такое произошло и кто кого тут обманывает.

Правда, серьёзный человек в этом рассматриваемом им вопросе, в отличие от этой столкнувшейся парочки, прямолинеен и не использует сантиментов, так что он прекрасно видит, кто кого тут обманывает – все одновременно друг друга и в первую очередь его. И если насчёт своего друг друга, серьёзный человек ничего не имеет против и даже пони-

мает с чем это может связано (с исковыми претензиями друг к другу: это он налетел на меня, чтобы значит, сами понимаете; ничего подобного, это она совра... простите ваша честь, сократила своим видом мой путь и мне ничего не оставалось, как налететь на этот риф), то он-то тут причём.

Ну а эта так неожиданно друг на друга наскочившая пара людей, до этого момента ничего друг о друге не знавшая и вполне возможно, что и не имевшая никакого представления о существовании опять же друг друга, не может без того, чтобы не заинтересоваться тем, кто на неё налетел и той, кто на этом деле неосознанно настаивала. А как только между ними пробежала искра и даже слегка заискрило симпатией при виде симпатичности друг друга, то каждому из них захотелось побольше узнать друг о друге.

Что они там начали друг другу говорить, с места серьёзного человека не представлялось возможным услышать, и ему оставалась по их жеманным улыбками и ужимкам домысливать всё там с ними происходящее. И если поначалу серьёзный человек при виде всего происходящего между ними, наполнился негодованием на эту блондинку, которая столько себе много позволяет улыбаться первому встречному и вообще, она не слишком серьёзна, даже имея в наличии такую красоту, то спустя некоторое время, он крайне удивился при виде того, что предпринял незнакомец.

– А что это ещё такое? – удивлённо пробормотал серьёзный человек, во все глаза смотря на то, как тот странный тип

вынул из кармана пиджака небольшую трубку, похожую на дыхательный музыкальный инструмент. Далее он прикладывает этот инструмент к своим губам и... Сердце серьёзного человека вдруг защемило какой-то странной неустроенностью, его дыхание сбилось, а сам он замер, пронизанный проникающими в него звуками мелодии свирели. И его накрыло такое невероятное состояние отстранения от окружающего мира, что ему показалось, что физические законы на него перестали действовать и он начал парить в воздухе. И при этом его взгляд не может оторваться от этого человека со свирелью и той блондинки, которая тоже не стоит на месте, а как и он витает в облаке обволакивающей её дымке.

– Я не понимаю. – Бормочет про себя серьёзный человек, глядя на человека со свирелью и витающую в облаке блондинку. И это его звучное непонимание доносится до человека со свирелью. Он поворачивается лицом к серьёзному человеку, фиксирует на нём свой взгляд и кивком даёт понять, что он его услышал. А дальше серьёзный человек выпадает из этой реальности, а когда он приходит в себя, то он уже сидит на кожаном кресле, в холле здания «Мер и весов», где за его спиной разместилась стойка ресепшена, а впереди него расположилось панорамное окно, выходящее на прилегающую к зданию площадь. Куда и уставился смотреть серьёзный человек, пытаясь понять, что с ним сейчас произошло и выходил ли он отсюда.

На что вот так сразу и не ответишь, тем более в окно ниче-

го знакового не наблюдается, а та скамейка, где он был остановлен тем типом, пуста. И серьёзный человек одёргивает рукав пиджака, чтобы посмотреть на часы и путём временного сопоставления решить раз и навсегда, это невероятное для себя затруднение с выпадением себя из памяти и вслед за ней из действительности. – Но что это, чёрт возьми, значит! – ахает серьёзный человек, в один момент потерявшись в лице, видя на своей руке совсем не то, что ожидал увидеть. А увидел он на своей руке не свои часы, а те часы с руки того странного человека со скамейки. И серьёзный человек на мгновение замирает в одном недоумевающем положении, а как только приходит в себя, то кидается снимать с руки эти часы. Но у него ничего не получается, застёжка на них с секретом и единственное чего он добился, так это то, что его рука теперь огнём горит, как шапка на воре.

– Что это всё значит? – вопрошает себя серьёзный человек, будучи весь в испарине. С чем он смотрит в сторону площади, по направлению той знаковой скамейки и видит, что она уже занята. А вот кем, то серьёзный человек, может по причине своей взмысленности мыслей и крайнего желания увидеть там того типа, кто его так вывел из себя, и не может с точностью сообразить. Хотя по всем внешним признакам это он. Но при этом серьёзного человека не покидает ощущение, что это не совсем так и здесь есть какой-то подвох.

– Что ты от меня хочешь? – вглядываясь в человека на скамейке, спросил серьёзный человек того человека на ска-

мейке. Но тот и не думает никак реагировать, а всё сидит неподвижно и смотрит в одну точку. Отчего серьёзному человеку становится не по себе и до душноты трудно дышать. И он ослабляет на шее галстук, расстёгивает верхнюю пуговицу на сорочке и вдруг замечает всё те же часы на своей руке. Серьёзный человек смотрит на часы, затем на человека на скамейке и теперь с понимающим видом сам себе говорит. – Значит, ждёшь меня в назначенное время. Что ж, придётся прийти, раз на этом так настаивают.

Глава

4

Многие говорят, а многие рассказывают о том, что свято место пусто не бывает. И так оно и есть, как в этой главе и на практике выясняется.

Когда человек крайне преуспел в том, чтобы приунуть в себе и в лице взволнованно вспотеть, озадачившись, и всё это на нём видно при его выходе из того здания, где перед ним поставили все эти, с первого взгляда не выполнимые задачи, то первое, что он делает, так это выискивает для себя такое место, где можно упасть сидя и перевести дух от нахлынувших эмоций.

И вот такое место, этим, вышедшим из здания и из себя человеком обнаружено, – такие места, как правило, находятся строго напротив по выходу из таких зданий (уж очень предусмотрительные и по своему предупредительные гады занимают свои рабочие места в таких зданиях), – и он, этот

взволнованный человек, с решимостью никому его не уступить, напрямик к нему направляется и совсем прямо сейчас на него всем своим весом бухается и застывает в одном созерцательном положении. Так проходит некоторое время, находящееся в прямой зависимости от выведенности из себя этого человека, до прибытия в это здания и неподозревающего за собой таких черт склочного и невыносимого для других людей характера, и он, этот человек, принимается соображать.

– А я как оказывается, та ещё скотина! – усмехается этот, постепенно пришедший в себя человек, чему поспособствовал этот его взгляд на себя со стороны тех выносимых людей из этого небоскрёбного типа здания, в чьих служебных обязанностях прямо прописано, выявлять не подходящих по всем местным корпоративным статьям людей (что это за кодекс такой, никто не знает) и выносить их мозг бесконечными придирадками, прописанными внутренними служебными инструкциями.

Правда, сейчас на месте этой, ещё той скотины, находился другой человек, что не отменяет того, что он не меньшая скотина, и его волнение было вызвано совсем другим вопросом. А что его так взволновало, то, скорей всего, то, что сейчас находилось у него в руках и своим видом действовало ему на нервы. Хотя уже не так сильно, как при первом ознакомлении, и этот выведенный из здания человек, вполне возможно, что после точно такой же идентификации себя, как

скотины, немного успокаивается (что взять с такой скотины, как он, да ничего, и от этого понимания себя становится легче дышать) и решает спокойно ещё раз изучить те анкеты, которые ему вручили в этом здании напротив, в отделе по трудоустройству.

– Нет, конечно, их понять можно, они, если не всё, то многое должны знать о человеке, претендующего на одно из мест. Но, бл**ь, не с такими же презирающими всё и вся лицами! – присевший на скамейку человек, для начала немного выпустил из себя пара и уже затем взялся за изучение вручённых ему бумаг в этой службе по трудоустройству. А как только он взялся покрепче за эти анкеты, то вот сразу же ему на глаза попадает ранее незамеченный сюрприз, в виде вложенной между анкетами визитницы. Молодой человек, что поделать, таков уж нами и отделом кадров рассматриваемый человек, приметив эту визитницу, отделяет её от остальных бумаг, приближает к себе и читает: «Пространство и время, две константы, лежащие в основе всех изменений».

– Ну это я и без таких красочных подсказок знал. – Горько усмехнулся молодой человек, взглядом обратившись в своё не слишком отдалённое прошлое. Это когда он прибыл из провинции в этот миллионный город (обычная история) вслед за своей большой любовью, Верой (так уж обстоятельства жизни распорядились), чтобы естественно покорить этот город. Что казалось лёгкой и вообще пустяк за-

дачей, когда самая главная жизненная цель уже достигнута и любит тебя чрезмерно – это как уже можно догадаться, сама Вера.

Тогда спрашивается, зачем всё это нужно и разве счастье не обретают в шалаше. На что наш герой, пока не раскрывающий своё имя по причине его малой значимости (но с большими амбициями), может привести только версию Веры. А так он, если честно, ничего не имел против того, чтобы обрести счастье в шалаше, откуда он выходил бы только по большой надобности – ну там рыбки наловить на ужин или собрать местную дань с зайцев и медведей, обязавшихся доставлять к столу медку и ягод. В общем, по заверению Веры, её, конечно, всё устраивает в её молодом человеке, и лучше уже ничего для её комфорта и счастья не придумаешь и не найти, но она уж такая воображала, что не может на одном месте спокойно усидеть и ей хочется двигаться вперёд. И она очень крепко надеется на то, что и её молодой человек, в ту же сторону, что и она смотрит.

И, конечно, он туда же смотрит и готов всё бросить и поехать за ней на край света, даже если это вроде бы она должна делать (по домострою) и по всюду за ним следовать. Ну да ладно, время нынче не то, что вчера, и оно многое что поменяло и переставило с ног на голову. И если Вере так хочется проявлять инициативу, – там (имеется в виду большой город) больше возможностей проявить себя и быть отмеченной за свой талант (Вера как и все романтические натуры жила

театром), – то её молодой человек ничего не имеет против. Вот только нужно дома все дела уладить, а ты давай, езжай и устраивайся. А я скоро. На чём и порешили.

Вот только, – а так всегда и бывает, – они не слишком рассчитали время для сборов и разборов своих дел по месту, и если Вера убыла в большой город в точности по своему расчёту, то её молодой человек несколько подзадержался и сумел освободиться от всех своих забот и дел только спустя месяц (на работе потребовали двухнедельную отработку, домашние вдруг надумали переехать и пришлось принимать участие в этом деле, и всякие другие дела по мелочам).

И вот после месячной разлуки он прибывает на поезде в большой город и ... Вон она Вера, такая потрясающе необычная, и хотя она всё такая же, идеальная, молодой человек не полностью её узнает и его сердце от страха сжимается, не веря в то, что вот эта, до чего же чудная и прекрасная девушка, и есть его Вера. И молодой человек, выйдя на перрон, даже боится сделать к ней первый шаг, с глупой улыбкой глядя на неё.

Но Вера, хоть с виду и претерпела такие шикарные изменения, само собой в потрясающую сторону, всё-таки всё та же прежняя Вера, которая влюблена в него до сих пор, чертовка, и вечно над ним потешается.

– Ну ты и оборвыш, – окинув своего молодого человека оценивающим взглядом, подвела свой оценочный итог Вера. Правда, на одном она не остановилась и, глядя на своего мо-

лодого человека чуть наклонив в сторону голову, принялась рассуждать, – вот что делает с человеком транспорт. Небось, сажился в него вполне себе приличным молодым человеком, ухоженным, все брюки в стрелках и выглажены, и рубашка пахла одеколоном, а стоило пару суток потрястись в вагоне, то и былой сообразительности, и порядка, уже как не бывало. Одна сплошная взлохмаченность в голове, перекося в ногах и боюсь, что и в голове тоже нет порядка, а одно только помутнение рассудка и головокружение. – И Верин молодой человек уже был готов впасть в отчаяние, как Вера раскрывает свои объятия и, с укором во взгляде посмотрев на него исподлобья, шепотом говорит: «Ну иди же ко мне, дурачок, я так скучала».

А вот теперь голова молодого человека и вправду заголовокружилась, да с таким умопомрачением, что он и не заметил, как они покинули перрон вокзала и оказались почему-то в каком-то летнем кафе. Правда, Вера, заметив это вопрошительное удивление своего молодого человека, вдруг спохватившегося за своё осознание реальности, быстро ему всё объяснила. – Сейчас у нас в театре аврал, вот я и замоталась, ничего тебе не приготовив. Так что по-быстрому здесь перекусим и домой. – А молодой человек и не возражает, когда он от одного её присутствия рядом так счастлив. Да и судя по её аппетитно смотрящему на него взгляду, то она и сама сильно по нему проголодалась.

И молодой человек берёт её за вторую руку (первую он и

не выпускал) и, глядя Вере в глаза, хочет ей сказать такую незабываемую и прямо сердцем высказываемую откровенность, что закачаешься, но не успевает, сбитый этим треклятым телефоном, который принялся голосить. Вера с сожалением переводит свой взгляд на телефон, лежащий на столе, затем с ожиданием понимания смотрит на своего молодого человека и говорит: «Ты же у меня понятливый, сам понимаешь, все мои друзья хотят знать, как я счастлива». Для молодого человека, конечно, это новость о наличии у Веры тут друзей, но он не придаёт этому большого значения и, бросив взгляд на телефон, со словами: «А куда я денусь», выпускает из своих рук Веру.

А Вера только этого и ждала, и она, оказавшись на свободе, хватается за телефон и, переполненная довольством и радостью, начинает в него на всех словесных парах щебетать. А её молодому человеку только и остаётся кивать ей в ответ, когда она решает заручиться его поддержкой или сослаться на его мнение.

– Да прибыл. Как встретила? Ты ещё меня спрашиваешь. До сих пор дух перевести не могу, и наверняка догадываешься, почему. – Заливается радостью Вера, смешливым кивком указывая молодому человеку в сторону трубки – вот же дура, нашла о чём спрашивать. А вот молодой человек в этом вопросе не столь категоричен и придерживается другой, несколько отличной от Вериной позиции – для него это её почему, пока что выглядит абстрактно и не получило фи-

зического выражения. И он начинает уже хмуриться, когда Вера слишком увлеклась разговорами по телефону и уже на пятый звонок принялась отвечать. И хорошо, что его Вера такая к нему приметливая и заботливая, и она, заметив такую неустроенность на лице своего молодого человека, задерживает своё пристальное внимание на нём, затем, не слушая, на полуслове отключает говорящего ей в телефон абонента, и тем же, что на перроне, мерным голосом, спрашивает его:

– Устал с дороги?

– Угу. – Кивает он, а дальше ... А это дальше просто словами такое бурление чувств и разума, отодвинутого на задний план, не рассказывается, никогда неощутимо и невозможно что-либо понять, даже если пытаешься нащупать нити осмысления происходящего в эти мгновения счастья, которые в реальности и не мгновения, а целые вехи и периоды жизни, в свою временную протяжённость. – А дальше... – пытается вспомнить он, и не вспоминается. А всё потому, что он возвращается в нынешнюю реальность, в которую его возвращает изменение внешних контуров его нахождения на скамейке – рядом с ним присел человек и тем самым привлёк к себе его внимание.

Молодой человек поворачивает своё лицо по направлению присевшего рядом с ним, на скамейку, человека, и далеко не заходит в своём внимании к нему, остановившись на болтающемся конце его ботинка ноги, которую он закинул

на другую ногу и таким образом о себе сигнализировал.

– Как думаешь, – обращается к молодому человеку, присевший в его соседство человек, – есть там сейчас кто-нибудь, кто отложил все дела или просто мимоходом остановившись у окна, смотрит из этого небоскрёба на нас. – Молодой человек переводит свой взгляд на здание напротив, бегло пробегает по нему взглядом и даёт свой ответ. – Вполне вероятно.

– А какова вероятность того, что этот человек при виде нас, не впадёт на наш счёт в заблуждение, а точнее, не перепутает нас? – спрашивает молодого человека его сосед и не из прежнего своего независимого вида положения, а он развернулся к нему и заглянул ему в лицо. И вот тут-то молодой человек вдруг обнаруживает, что его сосед и по совместительству собеседник, до чего схоже в одежде с ним придет. И хотя он видит в нём только то, что сверху, он не сомневается в том, что и всё что ниже также выглядит, как и у него. К тому же ботинки он уже видел, и теперь только догадался, почему они остановили на себе его взгляд – они своей похожестью и заморозили его взгляд и мысли, пытающиеся разобраться, что их так в этих ботинках насторожило. А оно вон что оказывается.

Ну а что насчёт самого этого собеседника, то, как уже стало понятно и это было дано понять, то он был знаком молодому человеку на скамейке. Ну а само знакомство с ним произошло путём стольких стечений обстоятельств, и возмож-

но что, невероятных случайностей и событий, решивших настоять на этой встрече, что впору говорить об их предопределённости и ни в коей мере не о случайности всего произошедшего.

Так вначале они друг на друга натолкнулись в поезде и при этом не кратковременно, столкнувшись в тамбуре, когда один выходил из туалета, а другой заждался этого по сидельца и надолго его запомнил, а определённо памятно, раз между ними произошёл свой знаковый разговор. Затем, когда их дорожки разошлись по причине разности пункта конечного следования, они спустя долгое время, достаточное для того чтобы забыть об этой встрече и можно было считать, что уже встретиться не реально, да и зачем это нужно, опять же вдруг сталкиваются друг с другом на одной из городских дорог, в парке. И эта встреча только удивляет и пока что мало что объясняет, хоть и начинает видится со своим судьбоносным подтекстом, о котором если задуматься, то ещё больше возникает вопросов, чем ответов на них. А вот говорить о том, что если звёзды зажигаются, то это кому-то нужно, здесь совершенно не в тему, да и причём тут звёзды, когда встреча произошла днём, а пить до звёздочек уже и сил нет.

Ну и как завершающий штрих этого неожиданного во всех смыслах знакомства, эта третья, сегодняшняя встреча, которая кардинально отличалась от двух прежних встреч тем, что она была спланирована не судьбой или случаем, а о ней по-

заботились сами участники этой встречи, где один обозначил своё место нахождения, а второй, если у него возникнет необходимость в этой встрече, всегда сумеет первого там найти. А тут к тому же всё так удачно совпало, где второму участнику этой встречи, тому, у кого возникла необходимость в ней, а не тот, кто свои точные координаты нахождения в такое-то время, там-то обозначил, как раз и понадобилось в это место прибыть и там усилить для себя необходимость с кем-нибудь переговорить.

Ну а почему так сложно ведётся об этих людях повествование, без использования их имён, тогда как было куда как легче их понимать и идентифицировать с именами, то дело в том, что и они об этом удобстве насчёт друг друга не позаботились с самой первой встречи. А когда второй раз встретились, то за всем этим постигшим их удивлением, опять не поспешили демонстрировать в себе эту, здорово живёшь, культурность. Да и в общем, их и так всё устраивало и совсем не чувствовалась необходимость называть друг друга по именам, когда одного «ты» было достаточно.

Ну а на третьей встрече, можно сказать закрепляющей всякое знакомство, с переходом на новый уровень общения, как-то вообще не пристало что-то менять в своих взаимоотношениях, так удачно приведших к этой встрече. И если бы чего-то было не так, и была какая-то недоговорённость, то эта встреча и не состоялась. А раз она состоялась и прямо сейчас происходит, то какая быть может идти речь обо

всех этих условностях, придуманными людьми сами себе на уме, теми же джентльменами. Коих на дух не переносят эти встретившиеся между собой люди, явно мыслящими иными категориями ума и культуры.

– Эти джентльмены в своей родословной не знают никакой меры, а как любят перед всеми другими джентльменами выпендриваться своим титулами и связями, в том числе и не брачными, то тут если бы не придуманный ими самими этикет и желание других джентльменов на том же перечислении своих титулов настаивать, то им бы давно морду набили. А так они, чувствуя прописанными законодательными актами поддержку своей говорливости, пока не выговорят все свои титулы, то и не успокоятся. – Примерно так они рассуждали.

– Я и герцог, – с напыщенной физиономией, примется перечислять свою титулованность, и так уж и быть, самобытность, этот джентльмен, – и кавалер таких-то и таких степеней внимания к своей персоне со стороны Её величества. Плюс ни в коем случае нельзя забывать о подвязке, которую я ношу всегда с собой. Мало ли какие бывают случаи, и она всегда может пригодится великосветской даме, оставшейся без чулок, когда её муж неожиданно из похода возвращается, и практически сразу, после того как только кратко представится перед незванным гостем (джентльмены никогда не говорят о себе пунктуально, то есть напрямую, а лишь только со стороны), этим много титульным джентльменом: «Сэр, в первый раз вас вижу у себя дома и в спальне моей супруги, Ан-

ны, прошу великодушно меня извинить за эту спонтанность и спешку мыслей, я только что с дороги. Будем знакомы, я сэр Баламут, большое сердце. Рыцарь без страха и упрёка со стороны незамужних великосветских дам», не дожидаясь от него своих должных пояснений (видно, что устал с дороги и ему желается по скорее во всём разобраться, чтобы пригласить этого незваного сэра выкурить по трубке под рюмку коньяка), требовательно смотрит на свою супругу, Анну, – это значит так ты встречаешь в моё отсутствие столь приятных гостей?! Вообще отбилась от рук, паскуда, стоя перед ним в одном неглиже, – и само собой начинает в лице негодовать, заметив недочёты в её внешнем виде.

– Если уж так спешила приветствовать этого столь приятного во всём джентльмена, – вон как он хладнокровно себя держит и даже глазом не моргнул, когда я тут заскочил с саблей наголо, а он стоит только в одних подштанниках, сразу видно благородство, – то тогда почему не натянула на себя чулки, которые придают столько эффекту. – Переполнился негодованием на Анну её доблестный супруг, сэр Баламут каких в Йоркширских лесах редко встретишь.

И вскоре бы Анне несдобровать, не найди у себя в кармане подвязку этот не представленный сэру Баламуту сэр. – Позвольте не объясняться и не объяснять, возможно превратно вами понятую ситуацию с вашей супругой, в таком непозволительном виде представшей перед своим доблестным супругом, нежданно-негаданно вдруг домой заявившемся. –

Обратился к сэру Баламуту этот позабывший вдруг о всех своих титулах и представлениях сэр. – Такое положение вещей не требует для себя объяснений и пояснений, когда и так всё предельно ясно для бесконечно уверенного в себе, честолюбивого мужа, не знающего поражений на любых фронтах, для которого любая тень сомнений в сторону его супруги недопустима (она своим недоверием порочит его славное имя и честь). И только для мужа и самого бесчестного, не имеющего никогда честного имени, и тогда, чего о нём заботиться, у него всё равно к тебе не будет никакого доверия и возникнут вопросы, потребуются объяснения. – Со скромным достоинством посмотрев на сэра Баламута, закончил свою речь скромно умолчавший свою роль во всём этот деле неназванный сэр.

Здесь сэр Баламут хотел было задуматься над скромностью этого сэра, но тот его опередил, преподнеся этот скромный подарок, подвязку, почему-то сэру Баламуту. А сэр Баламут, явно растерявшись, да и к тому же не нужно забывать о его долгой дороге, приведшей его в разрозненность мысли, берёт и не отказывается от этого подарка – возможно сэр Баламут ко всему прочему, крайне прижимистый человек, и не выпускает из своих рук, всё что в них попадает.

И вроде бы как ситуация разрешилась благополучно и сэры могут пойти выкурить по трубке табаку, а Анна, наконец-то, привести себя в должный порядок (в самом деле, сколько можно своим раздетым видом нервировать сэра Ба-

ламута, которому может быть неприятно видеть, как его новый друг, не представившийся сэру, смущается при виде всего того, что она тут выставила напоказ), но стоило этим великолепно себя чувствующим сэрам посмотреть на Анну, на которой от злости лица нет, где она переполненная негодованием на обоих сэров, не сводит своего взгляда с подвязки в руках сэра Баламута и совершенно не понимает, зачем она ему (хотя, конечно, догадывается, – леди Гамильтон задарить, – но сейчас, когда на ней чулок нет, она об этом с него спросить не может, а тот, что за невыносимый сэру, этим пользуется), как их и понесло в раскатистый смех.

А у Анны на фоне этого смеха закатилась своя смешливая истерика, которая привела к тому, что с неё начало сползать ночная рубашка и оголяться то, что вывело из себя сэра Баламута, вынужденного задержаться в спальне с леди Анной, которой, по словам сэра Баламута, срочно потребовалась хорошая трёпка, – сам видишь, какая невыносимая стерва, – в результате чего он пошёл на негостеприимный шаг и отправил не представившегося сэра одного на веранду, в одиночестве курить трубку.

Но мы слишком отвлеклись, углубившись в исторические аналогии и пора бы вернуться к нашим по особенному знакам, кто на дух не переносит всех этих джентльменов, из-за их не знающей меры удержки себя представлять и представляться. И при этом все эти джентльмены терпеть могут лишь только одно, когда только одни джентльмены о себе

много возомнят и, перечисляя своих предков достижения, представляются. А спроси ты их о том, что они сами из себя представляют, то они и понимать вас уже перестали, носом от вас воротя, – я только свой йоркширский терьер понимаю и ко мне с вашим непонятным языком не следует подступаться. Я всё равно ничего не пойму и звать вас предпочитаю не знать и обходить стороной.

В общем, эти наши знакомцы были далеко не джентльмены и, скорей всего, поэтому, они были не понимаемы джентльменами, так же как и они ими, – понять не могу всех этих джентльменов, а в ответ звучит своя аналогия: понять не могу всех этих не джентльменов, что б свет на них всех клином сошёлся. – Ах, так! – всё-таки иногда, когда джентльмены себе такие спектрально-лучевые фокусы позволяют, они и не джентльменами понимаются. А как понимаются, так им и идёт ответка. – Да что б ты всю жизнь одной своей постной рожей в зеркало восторгался и на одной овсянке жил! – А джентльмен и не поймёт, как не джентльмен узнал о его скрытых желаниях. И если первая часть пожелания в сторону джентльмена нисколько его не задела и была принята как должное, то вот второе пожелание, которому придерживаться не всем джентльменам посредством, так проредило ряды джентльменов, что они все повывелись и теперь их и не встретишь.

Ну а мы всё-таки, хоть и со второй попытки, попытаемся вернуться к нашим собеседникам, довольствующимся теми

знаниями друг о друге, которые были все на виду и больше домысливались самими. Ну а простого «ты» вполне было достаточно, чтобы обратиться друг к другу и не быть им проигнорированным.

– Надо подумать. – Говорит в ответ тот «ты» у кого спросили (спрашивающий был также молод, так что использовать для обозначение одного из них «молодой человек» будет не совсем корректно).

– Подумай. – Говорит тот, кто спросил.

– Есть своя вероятность. – После короткого размышления, со своим беглым, зрительным пробегом по окнам здания напротив, сказал спрашиваемый.

– И какая? – следует вопрос.

– Немалая.

– А я вот скажу более уверенно, – ответил спрашивающий, – ставлю 99.9% на то, что любой из сейчас на нас смотрящий человек из этого здания, с этой процентной вероятностью заблуждается на наш счёт и путается. И первый шаг к этому ошибочному пониманию нас, это то, что любой человек сейчас на нас смотрящий, находится в своём напротив положении, в зеркальной противоположности от нас. Где для него наше левое является правым и наоборот. И вот эта, даже не ошибка, а скажем так, его точка зрения на нас, в итоге и приведёт к его заблуждению насчёт нас. – На этих словах он, если смотреть на окружающий мир с его точки зрения и пространственного положения, то находящийся слева от

своего собеседника, с вызовом посмотрев в сторону здания, откуда по его убеждению, наверняка, сейчас кто-нибудь да смотрит в эту сторону, поднимается на ноги и начинает разминать ноги, прохаживаясь вдоль скамейки.

В свою очередь тот, кто остался сидеть на скамейке, сейчас оставшись в одиночестве сидеть, если за ним сейчас наблюдали, уже не мог претендовать на своё пространственное позиционирование в координатах сторон, его теперь было нельзя назвать ни тем, кто сидел слева, ни тем, кто сидел справа. Единственное, что к нему сейчас подходило, так это наименование: одинокая точка в бесконечном пространстве времени.

Тем временем тот, кто сейчас также потерял для себя идентичность по пространственному принципу и положению, то есть, кто был ни левым, ни правым, а был на ногах, походил, походил из стороны в сторону, явно раздумывая над тем, какую в итоге сторону всё-таки принять, чтобы всех перехитрить, кроме само собой себя, в какой-то момент остановился напротив своего сидящего и смотрящего на него собеседника и сел слева от него (он был человеком во всём левых взглядов, на что возможно повлияло то, что он был правша, а они руководствуются в своих действиях левым полушарием, так что то, что он сел слева, было отчасти предсказуемо). Сидящий же в это время на скамейке его собеседник, на всё это имел свою отличную точку зрения. Но он не стал её высказывать и оспаривать точку зрения на се-

бя своего левого товарища, ведь лучше всегда во всём быть правым, чем нет.

И если с этой стороны, со стороны скамейки, всё как будто благополучно разрешилось, то вот те из людей, кто находился по ту сторону здания и смотрел сюда из окна, пожалуй, пребывали в полной растерянности, при виде всего этого во-круг да около скамейки хождения.

– И что всё это может значить? – самое разумное и простое, что могли спросить у самих себя те люди, кто стал невольным свидетелем всего происходящего около скамейки.

Хотя возможно были и те, кто ничего сверхъестественного и странного здесь не увидел и остановился на том, что сколько людей, столько и разной дури у них в головах.

– Значит, предлагаете создать новую модель, объясняющую реалии мира. – Глядя перед собой, завёл разговор тот, кто справа.

– Не совсем так, – ответил его собеседник, – я просто исхожу из того, что для каждого отрезка времени более логична что ли, своя модель мира. И что ещё отлаженно работало вчера и не давало сбоя, не обязательно себя так покажет сегодня. И по моему разумению, было бы неразумно останавливаться только на одном варианте, и не провести тестовые испытания, хотя бы в качестве запасного варианта, для другой модели мироустройства. И для этого есть все объективные причины. Основной движущий человека вперёд фактор,

в современной модели мироустройства, в основе которой лежит эволюция, любознательность, а в быту любопытство, исчерпал себя. Человек по горло не просто насыщен, а он переполнен информацией и теперь ему нужно нечто другое, что могло бы придать импульс его движению вперёд, в будущее. Человек должен отдохнуть от своей переполненности, перенаправив всю эту информацию в новое русло, в тот же сосуд смирения и начать по-новому мыслить.

– И куда пойдёт старая модель? – спросил тот, что справа.

– Чтобы построить новый мир, или модель новой реальности, нужно демонтировать старую. – Последовал ответ.

– Разрушить?

– Каждому со своего места по-своему видится. Я же предпочитаю использовать термин демонтаж разрушению. И, между прочим, для демонтажа всегда больше сил приходится прикладывать, чем при строительстве здания. А это указывает на то, что демонтаж строения это не один только «деструктив».

– Просто для того, чтобы разрушить, особого ума не нужно прилагать, а это и придаёт величину приложенной силе.

– Разрушить может да, а вот демонтировать, и при этом так, чтобы на месте демонтажа без лишних затрат построить новый мир, то тут без этого умственного ингредиента не обойтись. Так что ты сам себе ответил на свои затруднения о самости этой разрушительной силы. – И, хотя речь об этих затруднениях вроде как не заводилась между ними, возра-

жений на этот счёт не последовало, что указывало на всё-таки имевший место разговор о чём-то таком, и видимо он по времени произошёл раньше, скорей всего, на второй встрече. А тем временем это не всё, что хотел сказать говорящий и он продолжил убеждать своего собеседника.

– И если тебе, к примеру, надо убрать сглаз долой здание, не нанеся ущерба окружающему, – для эффектной картин-ки рассказчик бросил знаковый взгляд в сторону здания напротив, – то тебе понадобятся большие специалисты по этому, взрыв-техническому делу. Ведь тут не только нужно рассчитать необходимое количество взрывчатого вещества, но и правильно, с определённых мест его распределить по зданию, чтобы направленный взрыв так уложил здание, чтобы и пылинки с людей по соседству не сдуло. А уж если дело касается смены действующей модели существования, а это куда как сложный элемент мироздания, чем какое-то здание, то тут понадобится всего, – знаний, специалистов и много ещё чего, – в самой полной мере. Хотя сама схема демонтажа однотипная – заложить в нужном месте, в нужное время заряд и нажать кнопку. И дело в шляпе. – На подъёме завершил своё объяснение рассказчик.

На что его собеседник с пристальным вниманием посмотрел на него и с многозначным подтекстом спросил. – Хочешь сказать, что всё дело в шляпе? – Тот на него посмотрел со своим разумением и ответил. – Может быть и так. В любом случае, всё в итоге будет зависеть от того, у кого в руках

все нити, и в том числе и шляпа. – На этом месте возникла задумчивая пауза, во время которой всё вдумчивое внимание собеседников было обращено в сторону здания напротив. Ну а о чём они сейчас размышляли, о том, что на самом деле включала в себя последняя оговорка, сколько понадобится заряда, где найти специалистов для того непростого дела, или под какие основания заложить этот заряд, совершенно невозможно догадаться, так их лица невыразительно и возможно, что скрытно выглядели.

– И что за модель придёт на смену прежней? – после небольшой паузы задался вопросом тот, кто сле...нет, тот, кто справа.

– Пока об этом рано говорить, она ещё только формируется на новых основах мироощущения человека. Но общие принципы, на которой она будет функционировать, известны. Новая модель строения мира, также как и все прежние модели объяснения существующего мироздания, будет строиться на основе интерпретации человеком полученных с помощью своих чувств из окружающего мира данных, затем сведения их в общую матрицу и построения новой системной структуры, которая и будет регламентировать человеческую жизнь. Но со своим очевидным и сущим «но». Новая модель будет строиться на основе научно-технического прогресса, а не как все прежние модели, базирующиеся на эволюции. И не нужно обладать особыми знаниями, чтобы увидеть, что модель с научно-техническим базисом в своей ос-

нове, не только на пятки наступают эволюционной модели, а она на всех порах уже во многих сферах её опережает и замещает. И не признавать эту данность преступная глупость. И единственное, что сдерживает это нововведение, – как бы это не странно звучало, – те основы, которые заложены в фундамент этого здания. – Рассказчик кивнул в сторону здания и добавил. – Капитал.

– А как насчёт всего остального? – тихо спросил собеседник рассказчика. Для которого этот вопрос не вызвал своих, дополнительных вопросов, и он дал ответ. – Если ты имеешь в виду сердечную чувствительность человека, то скажу так, – заговорил рассказчик, – любовь самая большая иллюзия. Она кардинально видоизменяет представление человека о сути вещей и поступков той стороны, которая воздействовала на него этим природным инструментом. О чём ты и сам прекрасно знаешь. И если ты сумеешь отвлечённо, со стороны посмотреть на поступки своей второй половины, то сам убедишься в этом. – Рассказчик делает паузу, ожидая вопросов со стороны своего собеседника, но тот молчит и тогда он продолжает свои объяснения. – Но таковы уж требования и реалии современного времени, эта иллюзорность востребована лишь при природной модели существования мира. Для новой же модели мироустройства, этот инструмент коммуникации между людьми уже не будет необходим, и он, скорей всего, уже не впишется в современные реалии мира.

– Так вы хотите сделать из меня реалиста? – будто очнувшись

шись от сна, спросил собеседник рассказчика.

– Ни в коем случае, тем более это совершенно нереально, когда реальность есть материя по себе не имеющая чётких ограничительных определений. Ты всего лишь должен научиться отличимо распознавать одну реальность от другой. А для этого и нужна практика. – Говорит рассказчик.

– И с чего начнём?

– С законотворчества, с чего же ещё. – Удивляется рассказчик. – Всякое строительство новой модели мира начинается с прописания истин.

– Вот как. – Удивляет в ответ его собеседник. – И что есть на примете?

– Ну, к примеру, вот такая, – рассказчик посмотрел на приостановившуюся у концептуальной скульптуры гражданку симпатичной наружности, с собачкой декоративной породы на поводке, и озвучил только что им прописанную истину, – красота, даже не самая совершенная, повышает сердцебиение и повышает температуру тела. Что в свою очередь приводит к умственной активности мозг человека, наблюдающего за красотами другого лица.

– Интересное наблюдение. – Заметил собеседник вспотевшего в мыслях лица.

– Любое законотворчество строится на наблюдениях за окружающим миром и на основании его закономерностей и пишутся законы и прописываются истины. Что касается природных основ, на фундаменте которых стоит этот мир и с по-

мощью гравитации не даёт на части разваливаться и разлетаться, то эти вопросы не в нашей компетенции, а вот в деле человеческих взаимоотношений, где чего-то уже всё давно развинтилось и нет никакого понимания, что там на самом деле происходит и что к чему и куда идёт, пора бы уже навести должный порядок. – Здесь рассказчик, тот, что слева по его разумению, на мгновение замирает и в тот же миг наполняется живостью и энергией, и с нею обращается к своему собеседнику. – Вот тебе навскидку проверочный тест. – На одном вдохе говорит он, указывая рукой в сторону ... да всё туда же, перед собой. – На основе имеющихся знаний и лежащей картинке перед собой, создай свою, насколько можно устойчивую модель мироустройства этой части мира, как части общего. – Добавляется тот, что слева и включает в мысленный процесс своего собеседника тем, что, вложив силу в кулак, опускает его на колено своего соседа.

А тот получив этот нагоняй, ничего не ответил, а тут же включился в свой просмотр лежащей перед ним картины этого мира. И при этом он не просто во все глаза устремился туда взглядом, а он как будто только что включил стоящий перед собой телевизор, который моргнув светом экрана, одно мгновение по соображал над тем, что от него ждут, – а чего гадать и ждать от меня сюрприза, на каком канале я был выключен, на том и включусь (а за сетку вещания я не отвечаю и с этими вопросами не ко мне), – настроил себя на необходимый для просмотра лад и открыл на себя глаза те-

лезрителя, в нашем случае тот, кто справа.

А наш наблюдатель, за то время, пока телевизионная картинка настраивала себя на свою чёткость и загляденье (каждый кадр жизни по своему эксклюзивен), мобилизовал в себе все свои зрительные силы, а также свой умственный со знаниями потенциал, – я технически мыслящий человек, не без памяти и веры в себя и одного человека, и в общем-то, всё, – и начал свой просмотр лежащей перед ним картинки нового мира, для которого он должен за это временное мгновение разработать и построить свою действующую модель.

И человек со скамейки, тот, кто взялся за свой тест, как и всякий зритель, начал свой просмотр лежащего перед ними мира с центральной его части, которая находится на самом виду, со входа в это монументальное здание «Мер и веса». – А название-то у него определённо знаковое, – рассудил с этого момента наблюдатель, – тебя, а точнее твой счёт, вначале обмеряют взглядом, а затем исходя из его веса и запишут в достойные внимания или презрения люди. А вот эти, точно вершители человеческих судеб. – Сделал примечание наблюдатель, заметив прибытие к отдельному входу люксового автомобиля. Далее нужно было немного подождать человека в современной ливрее, – в строгом костюме, с подвесным на шее бейджиком и само собой в белых перчатках без пылинки на них, – который откроет дверь этого люксового автомобиля, и тогда по очереди из него выйдут один в один похожие друг друга респектабельного вида господа, которых

так роднит их презрительный взгляд ко всему этому миру.

И на этом месте можно было бы и оставить этих господ, живущих своим отдельным мирком, – ничего не поделаешь, такая уж несправедливая реальность этого мира, и если у твоих ног лежит целый мир, то ужимисто выглядит твой собственный мир, в котором ты можешь перемещаться и свободно в общении пониматься, – да вот только эти господа никуда не пошли, а остановившись там, на крыльце отдельного, бокового входа, решили поговорить о своём насущном и при этом, глядя не друг на дружку, а в сторону нашего наблюдателя.

Исходя из этого, отчасти удивительного и от другой части невероятного факта, наш наблюдатель счёл, что стал интересен для этих господ и как человек имеющий на всё про всё своё независимое мнение, да и к тому же он испытывал классовую неприязнь к господам, решил, что он просто обязан от воротить от них своё лицо. Мол, пусть знают, что и помимо их есть люди, заслуживающие для себя внимание. Да вот хотя бы вон тот человек труда, трудящегося на ниве экспресс доставки пиццы – наш наблюдатель перевёл свой взгляд на подъехавший и остановившийся на прилегающей к площади парковки фургончик с определяющим его род деятельности названием, откуда начал выбирать привезённое с собой в фургоне, молодой человек в униформе.

– Пожалуй, он здесь выступает как статист. – Решил наш наблюдатель, переведя свой взгляд на гражданку с собачкой,

которая и не пойми чего там стоит и ждёт. – Кого-то, да ждёт. – Сделал этот несущественный вывод наблюдатель, после чего поверхностно пробежался по имеющимся в наличии прохожим. Где в первую очередь для себя отдельно отметил парочку сурового вида людей, слоняющихся возле центрального памятника без всякого видимого дела. Так же его заинтересовала средних лет девушка, одиноко сидящая на одной из лавочек, установленных по другую сторону от памятника – она романтично выглядела (она кого-то ожидала и при этом без телефона, что уже замечательно и по своему интригует), вот и показалась этим интересной. Ну и как итог всему осмотру представленных этой картиной мира людей, находящихся в своей относительной статичности, это стоящий к нему спиной человек, задравший свою голову так запредельно вверх, что на него без опасений не посмотришь, и смотрящий в самые небеса, куда упиралось здание этого небоскрёба.

– И кого он там хочет высмотреть? – задался риторическим вопросом наш наблюдатель, переведя свой взгляд на то, что придавало динамику этой картине – тем прохожим, кто ответственно подошёл к такой своей идентификации, и не филонил, стоя на месте, и куда-то, только ему в известное место шёл.

Так одни из них проходили мимо, другие направлялись в здание инвестиционного банка (пора уже озвучить настоящее значение этого здания – такова уж специфика работы

тех учреждений, кто поместился под его сводами, они не могут без того. чтобы не набить себе хоть даже так цену – хотя это был не совсем банк, хоть и инвестиционный, а это был некий конгломерат финансовой направленности разного рода компаний, о чьей деятельности и не всегда и в самих компаниях было известно, ну а чтобы в словах не путаться, будем называть этого здание кратко банк – в такого рода зданиях ведь может что угодно храниться, от денег до идей), а были и те, кто с довольным видом выходил из его дверей. Не иначе многомиллионный кредит одобрили (а других здесь и не дают), а может даже уже и дали.

Вон с какой знаковой оболочкой лица идёт человек в клетчатом пиджаке, в одной руке с телефоном, по которому он громко говорит, однозначно себя поздравляя с этим многомиллионным успехом (только так себя и поздравляют – через других людей), – бл**ь, ты не поверишь! Эти дурни мне поверили, одобрили и они, эти миллионы, уже со мной, – а в другой его руке крепко держится кожаный портфель, который он на этих словах прижимает к себе, как самое родное на свете (ну и чтобы ещё не вырвали).

И вот этот человек с телефоном в одной руке и портфелем в другой, больше всех завоевал внимание нашего наблюдателя, хотя бы по тому, что он направлялся в его сторону, а когда он пересёк те границы, которые собой очерчивала та скамейка, на которой своё место занял наш наблюдатель, то не пошёл дальше своей дорогой, а зачем-то там, за спиной

нашего наблюдателя, остановился и, переделав его из зрителя в слушателя, начал его информировать насчёт себя и своего мировоззрения.

– Со всей своей ответственностью говорю, суть всякого брака это раздел. – Кого-то там направлял на путь истинный этот самоуверенный человек, и как он говорит, к тому же очень ответственный. – На первых порах, когда новобрачным делить, в общем-то, нечего, – их совместный капитал составляют только общие взгляды друг на друга, – их взгляды обращаются в сторону единственного, что у них сейчас есть, на инструмент, с помощью которого они будут строить эту свою ячейку общества, на права и обязанности, которые они и начинают между собой, не то чтобы делить, а скажем так, распределять. Где сторона более ответственная, – и не нужно объяснять, кто на этой стороне находится, – берёт на себя право заведовать правами, тогда как более безответственная сторона, – сам знаешь кто, – нагружается по полной этой ответственностью за всех и за себя и только посмей против вякнуть. Мигом просльвёшь безответственным человеком, который только об одном и думает, как бы на кого эту свою ответственность спихнуть.

– Интересно объясняет. – Вдруг, но при этом тихо, берёт слово тот, кто слева. С чем не может так же тихо не согласиться его сосед по скамейке. – Пожалуй.

– Мне, кажется, что с ним стоит познакомиться поближе. Как ты думаешь? – спрашивает левосторонний сосед.

– Ничего не имею против. – Следует ответ.

– Тогда я... – сказал сосед слева, приподнявшись было со скамейки, но тут он наталкивается на некую мысль и, вернувшись обратно, спрашивает своего собеседника. – Так что ты всё-таки решил? Всё или ничего, чёт или нечет?

– А разве это неочевидно, раз я здесь. – Следует ответ его ответчика.

– Тогда до встречи. – Говорит левосторонний сосед и, поднявшись со скамейки, идёт вдогонку за тем разговорчивым человеком с телефоном и портфелем.

– Конечно, чёт. А как ещё по-другому, если сегодня чётный день. – Усмехается человек на скамейке, после чего он закидывает анкеты в карман как попало, поднимается с места и держит свой путь прямиков ко входу в банк.

Глава

5

На правах своей юридической ответственности действуют, как карта ляжет, и дальше по своему плану.

Если не вслух, то уж точно про себя и для себя, не раз можно было от себя же услышать заявление о том, что ты, а точнее я, уж точно разумный человек, и уж не глупее окружающих людей. Ну а если в тебе кроме всего этого разумения присутствует свой апломб и амбиции, то ты на этих мыслях не остановишься и пойдёшь так много дальше, насколько далеко простирается твоё сомнение. Где тебя уже и это

твоё разумение не всегда устраивает, и ты готов себе даже в данном случае противоречить, если оно будет тебе под ногами мешаться в деле достижения своих поставленных целей.

И вот примерно с такими противоречивыми и противоречащими самому себе мыслями думал и иногда смотрел на себя, вокруг себя и вслед хорошеньким прохожим, некто господин Орлов, о ком у людей его знающих и у самого него были полные противоречий мысли. Так на слуху и ему в лицо у людей его знающих, были одни мысли, полные оптимизма на его счёт и взаимовыгодного сотрудничества, а вот про себя у этих людей рождались совсем другого качества мысли и разумения: как пить обманет и обмишурит.

Узнай о чём господин Орлов, если честно, совершенно не питавший на свой и чужой счёт никаких иллюзий, то он бы это счёл за разумную позицию этих людей, и самих-то не сильно отличающихся от него, потомственного стяжателя чужой славы, денег, проходимца по чужим судьбам и поэта водосточных труб. Ну а зная о себе, кто ты есть на самом деле и не более того, всегда легче живётся, нежели тем, кто себя всю жизнь ищет и ещё строит на свой счёт иллюзии. И господин Орлов, пребывая в таком достатке и разумении на свой счёт, чувствовал себя преотлично и как следует из этого его, полного достатка положения, следовал своему предназначению: с помощью инструментов юридического права, он рассеивал людские иллюзии и реализовывал его право на свою реальность, то есть приводил человека в чувство реаль-

ности.

И это только на поверхностный взгляд кажется, что человечество живёт в своей насущной реальности, где им движет его действительность своего существования, тогда как на самом деле, когда столкнёшься с единичным представителем человечества, то сразу начинаешь понимать, как ты глубоко заблуждался насчёт действительного положения вещей и разумного существования человека. Который, как после пяти минут с ним разговора выясняется, живёт не в реальном мире, а в своей иллюзии существования и понимания этого мира. Где ему, по его мнению, все обязаны и должны, и он на многое рассчитывает в отношении не только своих самых близких родственников, но и на ваш счёт (мелочью не поспособствуете). А вот когда нотариусом раскрывается и зачитывается завещание этих его близких родственников, а этот рассчитывающий на многое человек в своей уверенности на этот расчёт не знает равных в кабинете нотариуса, – а там, в кабинете, между прочим, присутствуют более близкие родственники умершему дяди для этого племянника, – то тут-то к его потрясению и выясняется, в какой иллюзии он до этого момента жил. И его дядя Префект Петрович, совершенно с ним не считался и в упор не видел нужд своего племянника.

А племянник Префекта Петровича, между тем набрал долгов и всё в расчёте на своего дядю, который так его подвёл. И теперь на улице племянника ждёт другая реальность в виде суровых и неразговорчивых людей, а не надуманная

им иллюзия с белым кабриолетом.

А вот вовремя познакомься он с господином Орловым, человеком без всякой иллюзии на ваш и кого другого счёт, то он бы вмиг рассеял эту вашу иллюзию, совершенно не подкрепленную юридическими фактами, зиждущуюся только на одних ваших предположениях.

– И с чего вы решили, что ваш дядя Префект Петрович, один из богатейших людей нашего города, вспомнит о вас в своём завещании, когда у него есть две прямые наследницы, дочери Алиса Префектовна и Зои Префектовна? – вот никак не может уразуметь этого племянника Префекта Петровича господин Орлов, всеядный представитель юридического сообщества. А племянник Префекта Петровича, балбес Антон и не скрывает своей глубокой уверенности в этом.

– А ему что, жалко. – Заявляет балбес Антон, на мгновение даже поколебав реалистическую позицию на это дело у господина Орлова, до этого момента и не встречавшего такую крепкую аргументацию своей позиции на чьё-то наследство.

– Даже если вашему дяде, Префекту Петровичу, построившему свою бизнес-империю на разорении людей попроще чем он, в голову такое и придёт, в чём я совсем не уверен, то что на это скажут его прямые наследницы, Алиса Префектовна и Зои Префектовна, которые как я слышал, не особо вас жалуют и далеко от своего папаши в его стяжательском мировоззрении не ушли. – Интересуется господин Орлов у

балбеса Антона. А балбес Антон по истине не пробиваем в своей самоуверенности.

– А кто их будет спрашивать, когда я так на дядю рассчитываю. – Балбес Антон прямо ошарашивает господина Орлова, уже начавшего сомневаться в своей квалификации и что может быть, он не поспевает за прогрессом, который собой вносит свои поправки в разумения людей. И, пожалуй, господину Орлову в этом случае не хватит всей своей квалификации, чтобы образумить балбеса Антона.

Но это один из тех исключительных случаев, которые собой подтверждают необходимость существования людей такой профессии как у господина Орлова, кто не отдаст вас на растерзание хмурых людей, а он выступит своего рода предсказателем вашего будущего, которое он предопределит путём своего юридического сопровождения ваших действий на пути к тому же наследству дяди Префекта Петровича.

– А ты балбес Антон не будь олухом, и, прежде чем рассчитывать на такую благотворительность и память о тебе своего дяди, собери побольше информации о его домашних и что на работе делах. – С дальним посылом обратится к балбесу Антону господин Орлов. И если балбес Антон окажется не олухом, кому голову забили всей этой прогрессивной информацией о прогрессивном обществе, где все только тем и живут, что думают друг о друге в терпимом качестве, то он мигом смекнёт, что от него требуется. – И что мне нужно узнать, чтобы это помогло дяде не забыть меня? – глядя

через прищур на господина Орлова, скользкого гражданина, задастся вопросом балбес Антон.

А господин Орлов, у кого есть свой интерес и расчёт на богатства Префекта Петровича, где ему ещё ждётся с Алисой Префектовной, особой слишком нервной для обстоятельного с ней разговора насчёт их совместного будущего, на которые наводили её мысли в разговорах с Орловым, уловил понимание балбеса Антона своих насущных задач. И он, приблизившись к нему на то самое расстояние, которое подразумевает конфиденциальность разговора без лишних ушей, тихо так ему говорит. – А ты засунь свой нос в его деловые бумаги. И сделай копии.

А балбесу Антону не нужно больше ничего объяснять, он догадывается, чем это предложение может ему грозить – нос прищелят, как минимум, а голову оторвут, то это уже по максимуму, а может и в самый раз. Но без всего этого ему точно будет не на что рассчитывать, и балбесу Антону, понявшему, что ему кроме себя не на кого рассчитывать, с расчётом на благоприятный для себя исход дела во все эти вмешательства в ящик рабочего стола своего дяди, приходится принять это предложение господина Орлова. Ну а как там дальше пошло дело, то это нас всех не касается, да и не к месту об этом сейчас говорить.

И так во всём благоразумен и реалистичен господин Орлов, для которого нет большего удовольствия, как наставлять на путь истинный людей на счёт себя и окружающего

так иллюзорно заблуждающихся. Ну а так как таких людей очень и очень немало, то, во-первых, он не знает отбоя в клиентах, а во-вторых, это позволяет ему жить на широкую ногу. Да так широко, что он в одиночку с этим делом не справляясь, открыл целую адвокатскую контору, где всем этим делом, вправлению мозгов людей, питающих на счёт себя какие-то иллюзии, и занимались.

Ну а господин Орлов, зарекомендовавший себя ценным специалистом, со временем слегка отдалившись от прямого участия во всех этих делах, теперь вышел на новый уровень – консультацию людей без иллюзий на его и какой-либо другой счёт. А это куда ответственней и сложнее дело, и требует от господина Орлова немалой цепкости и квалификационной умелости – здесь ему нужно было аргументированно доказать, что реальность его клиента куда как ближе реальности их контрагента. Что зато компенсируется большими гонорами и выходом с этими людьми в свет.

Так что то, что господин Орлов со временем стал совсем не чуть-чуть отдаляться от насущных реалий этого мира, а всё потому, что он всё время пребывал в высоких кабинетах людей могущественных, имело все свои основания быть. И то, что он отныне, и как он думал, во веки веков, будет смотреть на окружающий мир и людей его населяющих во своего высока, была для него своя не проходящая реальность. А раз реальность такова, какова она им в своей реальности видится, – а то, что это не иллюзия, то он по десять раз на дню это

проверяет, заглядывая в своё электронное устройство, где на него с экрана смотрят большие цифры его счетов, ну и бы- вает он себя щипает, глазам своим не веря при виде такого своего богатства, – то он и ведёт себя исходя из этой реаль- ности. Где он всемогущий и могущественный для окружаю- щих человек, а все вокруг для того и созданы создателем, чтобы быть ему в услужении и полезны в общем.

А если ты не проявишь в этом деле рвение, то господин Орлов и понять не сможет, для чего ты творцом создан и че- го ты тут забыл в его консультативном бюро, которое было создано на месте его адвокатской конторы, затем переехало поближе к источнику своего благосостояния, в здание одной могущественной корпорации, и стало там через себя прово- дить все в своей совокупности сделки этой корпорации. Ну а господин Орлов, не сгущая краски, снимал все гонорар- ные сливки, став для совета директоров корпорации незаме- нимым человеком, раз он является одним из основных дер- жателей акций. А отсюда все те преференции, которыми он наделён в этой, одной из многих финансовых корпораций, которые определяют устойчивость человеческого благополу- чия и жизни, посредством биржевых торгов определяя для человека направление и курс его жизни (сегодня его стои- мость и значит ценность такая, а завтра может быть совсем другая).

Впрочем, господин Орлов не самое простое хамло, до- рвавшееся до высших ступеней своего благополучия, а он в

своих поступках движим человеческой природой и знанием человеческой психологии. – Человеческая природа такова, – вызвав к примеру к себе в кабинет на собеседование претендентку на место в его консультативном бюро, физически и юридически подкованную специалистку, начнёт рассуждать господин Орлов, прохаживаясь по своему кабинету и со всех сторон рассматривая эту специалистку по всякому праву, сидящую в самом центре его кабинета на стуле, – что вы, даже ничего такого за собой не подозревая и совершенно этому не способствуя, подсознательно будете желать мне угодить всячески. Ведь от меня и только от меня, – остановившись напротив специалистки по юридическому праву и претендентки на место в своём консультативном бюро, заглядывая в её умное, при очках и вполне себе привлекательное личико, вот так уточняяще обратился к ней господин Орлов, на этом сделав глубокую паузу.

А она сидит и боится пошевелиться, не без оснований опасаясь того, что господин Орлов сейчас к ней обратится с некой, каверзного характера и пикантного свойства просьбой, а она при этом зная, насколько эта его просьба неприемлема для её внутренней женской сути, вдруг и не зная почему, не сможет ему ни в чём отказать.

А господин Орлов тем временем на неё пристально смотрит и видно по нему, что он отлично понимает все эти затруднения специалистки по юридическому праву. И от этого ему так радостно и весело становится на душе, что он не

обращается к ней с этой пакостной просьбой, а ему сейчас более интересней, держа над ней этот Дамоклов меч в виде этой просьбы, подёргать её за нервные окончания.

– Так что давайте будем честны друг к другу, называя вещи своими именами, не строя из себя не весть что и живя какими-то насчёт друг друга иллюзиями. – Продолжая смотреть на специалистку в упор, проговорил господин Орлов, явно на что-то неупотребимое вслух намекая. А специалистка, по чьему всему телу мурашками пробежало, смотрит на внутреннюю поверхность своих очков, до невозможности боясь заглянуть за их пределы. Где её будет ждать неоднозначно её разглядывающий и посылающий многозначительные сигналы взгляд господина Орлова. И ей нужно будет что-то на него отвечать. А вот что, то она это в некотором роде представляет и оттого боится, что с собой не справится и сделает для себя роковую ошибку.

Ну а господин Орлов продолжает давить на специалистку, загружая её голову новыми откровениями. – И давайте вы не будете стесняться проявлять свои истинные чувства приземлённости ко мне, а я за это в свою очередь буду вас поощрять. – Сказав это к побледнению лица специалистки, господин Орлов как бы от неё откланялся, переместившись к своему столу, на который он упёрся задом, продолжая наблюдать за специалисткой. – Но только запомните, – со своего нового места заговорил Орлов, – я иногда люблю подчёркивающий ваше ко мне уважение гротеск. Что это и как он

может выражаться, то всё не так уж сложно. Можете целовать мне руки, а можете и в пол кланяться. А если ваше уважение ко мне для вас сверх меры, то я ничего скажу против того, чтобы вы встали передо мной на колени. Но только не при всех. – На этом Орлов замолчал и как догадалась специалистка, то он принялся ждать от неё проявления к нему уважения. А оттого насколько далеко оно у неё простирается, и будет зависеть его решение о приёме её на свободную вакансию.

И как специалисткой ещё понимается, то времени для обдумывания у неё нет и ей нужно немедленно принимать решение. И специалистка, запутавшись в своём сердечном ритме и сумбуре мыслей, уже и не контролируя саму себя, мало что соображая, и не пойми с какими мыслями и решением, задом отрывается от своего стула и тут же в ногах от слабости подкашивается, падая в итоге на пол, чуть ли не к ногам ухмыляющегося сверху господина Орлова. Вслед за этим специалистка приподымает свою голову, смотрит вверх и видит там, направленный на себя полный пакостей взгляд господина Орлов, который так и говорит ей, что он ждёт, не дожждётся от неё проявления решительных действий. А иначе, вон она дверь на выход отсюда, где её никто, никто не ждёт. А вернее, ждёт неустроенность в её пошарканной и одичалой от поиска работы жизни.

Специалистка переводит свой взгляд на дверь, ведущую в кабинет господина Орлова, фиксирует на ней свой взгляд

и ...Стук в дверь ломает всю конструкцию планов господина Орлова, в один момент в лице с дёрганием переменившегося. Где он, быстро сообразив, меняет всю свою диспозицию по отношению к специалистке, и сладкоречивым голосом сейчас же заявляет специалистке, которой он вдруг подал руку, что он ей тут на живом примере продемонстрировал, – за что он просит у неё прощение, – какие бывают страховые случаи во взаимоотношениях между начальником и подчинённым. – И они тем и опасны, что могут неправильно поняты и не верно интерпретированы одной из сторон, посчитавшей себя в чём-то обойдённой. Но мы с вами не находимся в таком обязывающем друг друга служебном положении. Так что такого недопонимания между нами априори не должно возникнуть. Так что на этом наше собеседование окончено. Мы вашу кандидатуру на совете рассмотрим и о своём решении как-нибудь вам сообщим. – На этом закончил своё собеседование господин Орлов в рассматриваемом нами случае, который раскрывает многое о характере и внутренней жизненной сути господина Орлова.

И на этом можно было бы перевернуть эту одну из многих страниц его жизни, но посетитель, тот кто постучал в его двери, оказался более чем дотошным, и он не стал останавливаться на достигнутом, у дверей господина Орлова, по совместительству вице-президента корпорации «Мер и весов», а он открыл дверь без словесного разрешения со стороны вице-президента Орлова, не последнего человека в этом

здании корпорации, а практически второго, после президента, и так сказать, застал господина Орлова за этим актом его сердечной близости к налагаемым на него его должностью обязанностям (быть всем нужным) и заодно к нуждам простого человека. Где он не выказал себя бесчувственным человеком, раз он высокий, очень высокий начальник, поручив своим подчинённым разбираться с этим обращением простолюдинки, а собственноручно взялся за это дело, тем самым показывая, что нужды простого человека ему близки и понимаемы. И тут дело не в каком-то там пиаре, где он выказывает близость к простому человеку, чтобы прослыть акулой бизнеса с человеческим лицом, а ему и в самом деле всё это очень близко и в душе цепляет.

Но так всегда бывает, то твои, даже самые чистые помыслы, не всегда как они есть воспринимаются и понимаются. А человек со стороны и само собой со стороны, в фокусе своей субъективности на всё это смотрящий, видит всё это под иным углом зрения, из-за чего он запросто может впасть в ошибку, и всякой там себе глупости и дурости надумать. Типа господин вице-президент Орлов слишком усердно подошёл к этому делу собеседования, которым, если на то пошло и прописано в правилах и должностных инструкциях, должны заниматься специально обученные люди.

И хотя господин вице-президент Орлов всем тут известен своим усердием и чреватых последствиями подходом к исполнению служебных обязанностей служащих корпорации

(уж очень он дотошен и любит всякие проверки персонала, а по мнению служащих, докапывания до них), всё это, что своими глазами в кабинете Орлова увидел зашедший в кабинет посетитель, он с трудом может себе объяснить. И хорошо, что этот посетитель оказался понимающим человеком и к тому же с чувством юмора, а то бы он даже не знает, как бы господин Орлов сумел выпутаться из этого очередного, неоднозначно трактующегося вот такими соискательницами места в консультативном бюро Орлова положения.

И этот посетитель с чувством юмора, в свойственной ему юмористической манере интересуется у господина Орлова: Я не помешал?

И хотя ответ на этот его совсем не простой вопрос, а вопрос с подковыркой, очевиден, – ясен пень, помешал, – господин Орлов не цепляется к вошедшему, – ты, бл**ь, почему без приглашения вошёл, – а он, изящно улыбнувшись, говорит. – А разве не ясно. – После чего он даёт понять специалистке по юридическому и больше никакому праву, проявившей себя на собеседовании не слишком сообразительной, что её ждёт дверь на выход, а как только она под внимательными взглядами людей в кабинете покидает его пределы, то Орлов переводит свой взгляд на вошедшего человека и интересуется у него о том, что послужило причиной такого его, без предупреждения, появления здесь.

А вошедшему человеку это крайне удивительно слышать, когда господин Орлов прекрасно знает, что их сейчас там,

наверху, в конференц-зале ждёт президент и собрание совещательных лиц корпорации, для подведения промежуточных итогов деятельности и выработки дальнейшей стратегии корпорации, уже который месяц топчущейся на месте в своих балансовых отчётах. Что совершеннейшим образом не устраивает основных держателей её акций, – вы же сами с пеной рта не унимались, заявляя, как вас всё это достало и не устраивает, – и они требуют от руководства смещений акцентов их деятельности в сторону каких-нибудь прорывных технологий. А то скупка активов по демпинговым ценам, слияние и поглощение, уже не дают того эффекта, который от этих инструментов деловой жизни финансиста ожидаешь. Да и в общем, это до омерзения стало скучно и пора бы что-нибудь новенькое придумать.

Ну а то, что такие мысли господина Орлова могут вызвать панику на биржах и звучать отчасти кощунственно, а отчасти революционно, – неужели финансовый мир дошёл до своей итоговой, шариковой, без всяких страз ручки, слома всей денежно-товарной системы, на которой строилось всё благополучие людей-богатеев, – то это уже не так всех волнует, когда в финансовом мире установился кризис мышления. И основная тенденция, которая нынче движет всеми этими людьми, очень близко стоящим к капиталам, то это ожидание чего-то неминуемого, с обязательным крахом всех их и другого человечества надежд. И теперь все эти люди при капиталах, только одним и занимаются – гаданием и предсказанием то-

го, что станет тем спусковым крючком, который вызовет этот крах человеческой ликвидности.

– Несомненно, рыночные пузыри. – Утверждали одни финансовые аналитики, поглаживая свои выпирающиеся животы, чей пузатый вид наводил на мысли о том, чем на самом деле руководствовались эти аналитики в этих своих разуме-ниях.

– А я бы с этим поспорил. – Заявлял в ответ другого каче-ства аналитик при бабочке, но при этом никогда не спорил, а используя в своём лексиконе не проговариваемые обычным языком слова и само собой не понимаемые человеком с са-мым обычным высшим образованием, лишь разогревал пуб-лику и этих аналитиков, кто так разорительно для владель-цев всех этих пузырей мыслил. Дальше противоборствую-щие в своём аналитическом разумении стороны, с глубокой озабоченностью в лице и прямо с каким-то пророчеством в голосе, обменивались неллицеприятными для друг друга про-гнозами (а все финансовые аналитики крайне суеверные лю-ди, вечно живущие прогнозами, их составляющие и шагу без них не делающие), выраженными всё теми же специализиро-ванными словосочетаниями, которые без специальной под-готовки не выговоришь, а уж понять их и сами аналитики не всегда могут, и пытались превзойти друг друга в описании трагизма той ситуации, до которой довели прогнозы и ана-литика противной стороны.

– А вас, милостивый государь, ждёт кризис ликвидно-

сти! – вот прямо так, как ушатом холодной воды, этим откровением окатывает своего оппонента, финансового аналитика, того, кто раздувает панику, заверяя всех, что пузыри не могут раздуваться до бесконечности (а как же тогда расширяющаяся вселенная), другой аналитик, стройного строения и сразу видно, что завидующего своему оппоненту, у которого если что, то есть жирок про запас, случись завтра это лопнувшее происшествие.

Ну а его оппонент с жирком в животе, терпеть не может, когда в его адрес звучат такие указывающие на его нестройность намёки, что есть дискриминация по умственному признаку. И он, приняв эти слова своего оппонента близко к сердцу, естественно переполняется возмущением, да так сильно, что всех в студии, откуда велась эта аналитическая передача, с прогнозами на будущее финансовых рынков, стало сильно тревожить состояние этого пузатого аналитика. Как всем подумалось, решившего на личном примере продемонстрировать тут всем, как в реальности лопаются пузырь накаченный деривативами и пирожными. Так что всем пришлось зажмурить свои глаза, что бы в них при лопании этого пузыря не попало пирожными.

Но этот финансовый аналитик с пирожными внутри себя, справляется с этим своим переполнившим его возмущением, и в ответ даёт совсем неутешительный прогноз для своего худого оппонента. – А я как посмотрю на вас, – заявляет полный достоинств и аналитики аналитик, заставив всю сту-

дию и зрителей присмотреться к его стройному оппоненту, – то меня не покидает ощущение, что как минимум вы, уже вошли в рецессию. Которая и настраивает вас на подобный ход мыслей. – И как всеми видится по этому сухостойному аналитику, то всё так, как на его счёт сказал его оппонент. А из этого всего делаются весьма нехорошие для этого сухостойного аналитика выводы – его пессимистического характера прогнозы и аналитика не даёт ему возможности прокормить себя и значит, она может считаться деструктивной.

А вот по его не такому стройному оппоненту сразу скажешь, что его позитивное мышление на будущее рынков, хоть и не без своих закидонов в сторону временного схлопывания и пуганья инвесторов раздутостью рынков, – обещание рисков мотивирует вкладываться рядового инвестора, кому тоже нужен свой адреналин, – куда как прибыльнее, чем обещать невеселье что.

Между тем господин Орлов обо всём этом вспомнил (что его ждут) и, взяв со стола приготовленную для него папку с конфиденциального характера документами, собрался было принять приглашение этого вошедшего к нему человека, являющегося, как можно уже догадаться, доверенным ему лицом, но заметив по его лицу увлечённость некой запавшей ему в голову мыслей, согласно своему разумению мигом сообразил о чём он может думать, а как всё это понял, то задался к нему вопросом. – И что так смотрим? – Ну а так как этот его вопрос был больше риторического характера, то

Орлов не стал ждать ответа на него, а сам на него ответил.

– А что так тебя удивляет. – Усмехнулся Орлов. – Такой уж я человек обстоятельный, несколько мнительный и добросовестный, если рассматриваемое мною дело касается рабочих моментов. И если это дело требует моего собственно-ручного, личного участия, – а бывает так, что без субъективности взгляда на дело никак не обойтись и не решить возникшую проблему, – то я не постесняюсь и не побоюсь запачкать свои руки, чтобы найти приемлемое для всех решение. Плюс я человек совершенно недоверчивый ко всей этой прогрессивной, научно-технической мысли, которая помяни моё слово, когда-нибудь человечество доведёт до своей ручки, точки сингулярности. Ну а тогда даже подумать страшно, что всех нас ждёт. Да ты вспомни к чему привело использование нами передовых технологий в деле кадровых решений. Когда мы в качестве, хорошо, что ещё эксперимента, кадровика человека, отвечающего за кадры, заменили считающейся машиной.

А вот об этом доверенному лицу господина Орлова можно было и не напоминать. Он как и все люди в корпорации, чей код допуска до конфиденциальной информации был практически без ограничений (здоровый смысл это единственное ограничение не дающее ему право совать свой нос куда не следует – а вот следовал ли он этому правилу, то никто об этом не знает кроме него), обладал этой, со временем засекреченной информацией. Где беспокойные умы из руковод-

ства, те, кого, скорей всего, не устраивали кадровые решения той части руководства, кто отвечал за эти кадровые решения, сумели-таки продавить решение об использовании искусственного интеллекта в деле собеседования претендентов на вакансии. Где в итоге и выяснилось, что человечество ещё не готово к такому насчёт себя категорическому суждению со стороны бездушной машины. А человек, как бы он не преуспел в деле обездушивания себя, всё-таки до конца ещё не сумел выветрить из себя эту жизненную душевность, которая и не может принять всё то, что на его счёт настаивает принять этот автоматический механизм, чьи понятия и рассуждения насчёт качественного потенциала человека строятся на основе заложенных в него алгоритмов и схематичных планов.

И хотя этот роботизированный вариант представителя кадровой службы был беспристрастен, неподкупен, его никак нельзя было смутить возможностью обвинить в субъективности его взглядов на отдельные части претендентки на вакансию, – а по этой причине, под давлением самой свободолюбивой части человечества и было принято решение использовать этот кибернетический организм на этом поле человеческой деятельности, – и делал свои выводы без всяких двусмысленностей, прямо указывая на недостатки претендента на вакансию, – недостаточно умственно развит, просто идиот, а не пошёл бы ты в другое место трудоустроиваться дворником, – это всё в своей совокупности вдруг не устрои-

ло практически всех.

И что удивительно, так это то, что больше всех выражали недовольство те, кто как раз ратовал за использование этого автоматического устройства, чьи взгляды на них, как оказывается, ничем не отличаются от тех шовинистических и дискриминационных взглядов тех людей при кадрах, от которых они хотели отгородиться с помощью этой техники. И что самое плохое для них, так это то, что против техники не выдвинешь иск за её столь ненадлежащие взгляды на себя. Правда, виновные всё же были найдены. Ими оказались программисты, кто отвечал за внутреннюю начинку этого устройства. Ну а так как кроме них никто в этих микросхемах не разбирался, то было решено отложить до поры до времени использование искусственного интеллекта в этой области человеческой коммуникации.

– Пусть уж лучше по старинке нас дискриминируют. Здесь за нами хоть остаётся право на последнее слово. А с этой машины и взять нечего. – На этом и порешили с этим искусственным интеллектом те представители из руководства, кто в начале ратовал за использование этого искусственного интеллекта, а затем как только поняли, что он лишает их всех преимуществ дискриминационного порядка, за которые их все уважали и боялись, то и отправили его на доработку. – Пусть ему там в микросхему впаяют уважение к человеку, невзирая на его пол и образование. А то, понимаешь ли, вздумал разделять человека по категориям. Не устраива-

ет его, видите ли, что претендент на вакансию человек малограмотный и никогда не работал. А может он человек весь из себя хороший, а это отчего-то им не учитывается. Перед машинами все люди равны и нечего тут из себя строить и не пойми кого. – На этом и порешили те люди из руководства, кто всегда за справедливость.

Между тем доверенное лицо господина Орлова вернулся к настоящему, господину Орлову, ждущему от него понимания, и озвучил своё видение происходящего. – Риски не оправданы и не соответствуют выходному результату.

– А я не сомневался, что ты так скажешь. Не человек, а робот. – С горечью в голосе заявил Орлов, выдвигаясь на выход. Где он, подойдя к двери, остановился, посмотрел на своего доверенного человека и спросил его. – Вот скажи мне, дорогой мой человек, Семирамид Петрович, а ты-то что знаешь о всех этих рисках. Когда ты так постно смотришь на окружающее и как мне известно, не принимаешь никакого деятельного участия в его жизни.

– Я женат, Андрей Викентьевич. – Одёрнувшись в лице, сухо произнёс Семирамид Петрович, доверенное лицо господина Орлова.

– Я знаю. – Ответил господин Орлов, выдвинувшись на выход из своего кабинета. Ну а дальше он своей незамысловатой дорогой на самый верх, где находился конференц-зал, в котором и проводятся все эти заседания самых важных и значимых людей корпорации.

Ну а собирались здесь все эти важные и значимые люди для того, чтобы, так сказать, создать знаковые предпосылки для дележа этого мира, как это им будет в своей расчётливости удобно сделать. Но одно дело собраться все вместе и при этом в одном месте, и даже уже собраться поделить этот мир, а другое дело сложившаяся конъюнктура рынка, никак этого прямо сейчас не позволяющая сделать. И вообще в мире многое складывается не так, как хотелось бы и позволяло без особых затрат совершить эту сделку по разделу мира, а многое в этом мире стоит с противоположных позиций на эту их позицию по разделу мира.

Где главное против, это другие представительные и значимые люди, также собравшиеся в одном, но в другом месте, и собравшиеся поделить по своему разумению этот мир. И эти люди не менее собранней, чем эта группа людей, и у них в наличии имеется не меньше инструментов для проведения в жизнь этой своей политики. И что, наверное, самое трагичное из всего этого, так это то, что эти собранные люди никак не стоворчивы и они не желают ни при каких обстоятельствах отступить от своей точки зрения на этот делёж.

И всех их, что уже не подлежит обсуждению, ждёт жесточайший торг насмерть, со своим убыванием. Где оставшиеся в живых знаковые люди, и может быть ещё при средствах и инструментах влияния, в количестве, которое позволит им прийти к мировому соглашению друг с другом, наконец-то, сумеют этот мир поделить.

А пока что всё движется не спешным образом, с переброской мяча на сторону соперника. Ну а как всё это происходит, то тут ничего необычного, самым рутинным способом: совещание со скрипом ручек, поверхности кресел под задами заседателей и в нервных случаях зубов. Где докладчик, стоя у настенного экрана с наглядными материалами и графиками на нём, докладывает, а все остальные в пол уха его слушают, что-то у себя в голове высчитывая и мотая мысли на свой ум.

Ну а какая же причина на этот раз всех этих важных и значительных людей здесь всех вместе собрала? То если не вдаваться в свои детали и частности, то больше, конечно, недовольство ходом дел держателями основных пакетов акций корпорации, а уж всё остальное, как решение сиюминутных проблем и выработка стратегии развития корпорации, то в этом держатели акций мало что понимают и поэтому сразу же требуют голову им тут не морочить и немедля, бл*, перейти к делу – к своему подотчёту.

И если итоговые цифры им не нравятся, а они всецело на управляющих их активами людей рассчитывали и не так как им вздумается, то они с грозными лицами могут сделать и оргвыводы, переголосовав и выбрав другого управляющего для своих вдруг обесценившихся активов. И здесь третьего, как до сегодняшнего собрания всем им казалось, не дано. Если все в плюсе, то ты всех устраиваешь и продолжаешь наслаждаться жизнью председателя совета директоров, ну а если квартальный отчёт указывает на минус в балансе, то у

всех акционеров начинает чесаться на твой пропащий счёт и почему бы не компенсировать им убытки за твой опять же счёт.

Но на сегодняшнем заседании совета директоров вдруг выясняется, что их корпорация не в плюсе и не в минусе, а стоит на всё том же месте и не двигается ни в одном направлении, что и квартал назад, а это наводит акционеров и директоров на никакие мысли. Они так сказать, не могут определиться, в каком направлении мыслить и что насчёт всего этого думать. Они ведь привыкли только в двух направлениях думать, где для каждого направления заготовлен свой алгоритм ответных действий. А тут им предлагается некая точка отсчёта, и не пойми чего, и в какую сторону, которая требует от них чуть ли не экспромта в мысленных действиях, чего они, привыкшие мыслить привычными схемами и программами действий, и разучились делать.

– Мы должны определиться и понять, куда наш корабль движется, – ко всем тут задаётся странным вопросом Иван Павлович, прямо ввергая всех членов совета директоров в умственный ступор. – Что это за ещё корабль такой? Какого он водоизмещения и крепко ли держится на воде? Так же хотелось бы знать, кто на нём капитан и как там насчёт провианта? Ну а мне, в частности, хотелось бы знать, хватит ли на всех спасательных шлюпок или на крайний случай жилетов? – нервно и волнительно дёргаются подбородки членов совета директоров, почему-то очень уверенных в том, что

их корабль обязательно ждёт катастрофа, со своими неизменными последственными действиями, дракой за шлюпки и жилеты, которых, как всегда в таких случаях бывает, на всех не хватает.

И единственное, что держатели основных пакетов акций могут на это всё ответить: так это прямо, без всяких фигурных инсинуаций в виде упоминания всех этих спасительных кораблей в виде ковчега, спросить у сегодняшнего руководства, что оно предлагает делать в этом инвестиционном случае, когда стартовая позиция находится на исходной точке. А сами при этом взглядом упираются в эту исходную точку и пытаются рассмотреть в ней для себя нечто значимое (может быть и тот самый спасительный ковчег).

Ну а руководство корпорации, в лице его президента Ивана Павловича, с таким же интенсивным упором смотрит в эту точку, пытаясь выяснить для себя её внутреннюю структуру, на основе которой будет разрабатываться дальнейшая инвестиционная стратегия корпорации. И только один господин Орлов себя чувствует относительно всех не так зациклено на одной проблемной точке и целеустремлённо. А он отстранённо на всех, со знанием дел всех этих людей вокруг смотрит, и ему по большому счёту скучно и неинтересно на всё это смотреть, когда всё обо всех тут знаешь, и главное из этого знаешь, что от них ничего нового не стоит ожидать. И оттого, наверное, господину Орлову так невозможно себя сдерживать зевается.

Ну а зевание на людях, да ещё так сладко и не с прикрытым рукой ртом, всегда очень заметно для окружающих людей. И как бы эти люди не были интеллигентны и с культурными на счёт себя мыслями, они всё равно ничего не могут поделать против своей внутренней, полной зависти природы, и сами начинают вытягиваться в лицах, в огромном желании так же сладко, с прикрытием глаз зевнуть.

И хотя это серьёзное заседание акционеров в своей повестке дня не предусматривало такой умственной разминки, да и не все здесь поймут такое твоё направление мыслей в сторону зевания на твои инвестиционные дела, отчего-то многим пришлось себя крайне сдерживать от такого самовыражения себя, щипая себя за ногу. А вот Иван Павлович, президент корпорации, по уважительной для него причине, – он в этот зевающий момент находился на ногах, у стенда с информационными материалами, – не смог себя уберечь и противостоять этому провокационному на себя давлению своей человеческой природы, со своим стадным чувством подражательства, и взял, да и зазевался.

И при этом он определённо был застан врасплох этой зевотой, раз не успел ни отвернуться, ни прикрыть себя рукой. А как только понял, что ему этого не прикрыть, то выпустил мышцы своего лица на волю рефлексии и так в зевании закатился, что увидевшие всё это участники этого заседания, даже испугались на мгновение за свои инвестиции, которые этот Иван Павлович, имея такой размах в глотке и явно, что

и аппетит у него хороший, запросто может проглотить в своей неуёмности рационального мышления.

И хорошо, что Иван Павлович быстро сообразил, что в этом зевающем деле всякая задержка может привести к непредсказуемым кроме ответной зевоты результатам. Ну а чтобы люди не сильно на всё это демонстрируемое тобой отвлекались, нужно перевести их внимание в сторону источника возникновения этого отвлечения – к господину Орлову.

– И что всё это значит? – обратился с вопросом к Орлову Иван Павлович, как будто он и так не знает.

А сама по себе зевота, это не просто твоя физическая рефлексия на совокупность внешних и внутренних факторов, за что её часто и принимают там, – этот человек глубоко мыслит, – где живут приземлённой, бесхитростной жизнью, и большого значения не придают скрытым знакам и посланиям, а вот здесь, в этом мире недоговорённостей, недомолвок и в той же умалчиваемой степени определённости, всякая мелочь имеет своё значение и знаковость. И этот зевок господина Орлова, кто слыл за человека незаурядного ума, – он сделал головокружительную карьеру, от финансового аналитика до вице-президента, и к нему не только прислушивались, а и приглядывались, явно чего-то опасаясь (и вот тут-то и раскрывается интерес Орлова к дяде племянника, кто владел немалой долей акций корпорации), – и ничего просто и за просто так не делает. И эта его зевота так прилюдно продемонстрированная, явно что-то да обозначает. А вот

что, то это и предстоит всем тут разрешить.

При этом зевать вот так демонстративно на таких вот собраниях не каждый себе может позволить. Что указывает на то, что господин Орлов занимал одно из самых высоких положений в этом финансовом мире, среди людей с глобальными мыслями насчёт современного миро-построения, где без своей иерархии не обошлось.

Так на самой первой и низшей ступени этой иерархической лестницы, человек себя осознавший не простым человеком, а много чего могущий, склоняется к тому, чтобы чихать на всех и на этом он будь здоров живёт. Далее, при продвижении им к вершинам управления, он каменеет лицом и мыслями, и перестаёт понимать всех этих людишек, мельтешащихся у него под ногами. Ну а если ты человек всё-таки незаурядного ума, то ты на этой ступени своего развития не остановишься, и встряхнёшь с себя всю усталость и незыблемость своего миро положения, и пойдёшь дальше в своём, как минимум, самовыражении. Где вот такая скучающая зевота, а никак не сонная, как могли бы подумать поверхностные и приземлённые умы, есть проявление твоей умудрённости жизненным опытом, не без своего перенасыщения знаниями всего и вся. Меня, мол, уже ничем не удивишь, я всё это уже слышал и знаю, к чему всё это приведёт.

А вот к чему всё это приведёт, многим здесь на собрании людям совершенно невдомёк (кроме само собой Орлова), вот они и начинают не сводить своих взглядов с Орло-

ва, который явно что-то такое важное знает, что всем может грозить в будущем, или по крайней мере, он сумеет с прогнозировать эту беду. Ну а то, что всех их людей при финансах ждёт непременно беда, то это даже не обсуждается, когда они привыкли жить в стрессовых ситуациях ежедневно, – ведь капиталы нужно сохранить и приумножить, а это уже большой стресс, – и ничего другого не ожидают хотя бы ещё потому, что именно ставка на беду, а лучше, конечно, на глобальную, приносит наибольшие дивиденды. И им лишь одно нужно угадать, в какой области человеческой жизни ожидается катастрофа, чтобы сделать в эту область жизнь свои вложения.

– Да вот есть у меня мысль, со своими параллелями. – Вальяжно развалившись на стуле, покручивая в руках ручку, под внимательными взглядами людей вокруг заговорил Орлов. – Если взмах бабочки в Токио иногда может вызвать дождь в Нью-Йорке, то, чем я хуже её. А если этот так, в чём я нисколько не сомневаюсь и если будет нужно, то я готов это обосновать с помощью теологических инструментов, то вот эта моя зевота, чем не основание, если не для дождя в Нью-Йорке (с этим делом и бабочки справляются), а скажем так, для чего-то более глобального. – Господин Орлов на мгновение задумался и, вдруг озарившись во взгляде, выдал такое, что сразу никто тут и не понял. – Например, для апокалипсиса! – чуть не подскочив с места, громко заявляет господин Орлов, в тоже мгновение вогнав всех находя-

щихся здесь в конференц-зале заседателей в свой умственный, наполненный тревожностью мыслей ступор. Где самым распространённым вопросом вставшим колом в головах всех этих инвесторов был: Что он этим хочет сказать?! Неужели, нас всех ждёт чёрный понедельник, с катастрофическим падением рынков?!

Правда были и такие, кто смотрел на всё более шире, и они, задавшись вопросом: «А может торнадо прямо в самом городе, раз он упомянул бабочку?», посмотрели в панорамное окно, которое ограждало этот конференц-зал от уличного пространства на этой высоте поднебесья. А там вроде бы ничего такого не наблюдается, но всё равно не утешает этих людей, уже уверивших себя в том, что точно будет буря.

И хотя господин Орлов совершенно ни у кого не вызывал доверия, что, в общем-то, было свойственно всем этим, инвестиционного образа мыслей людям, где единственным, чем они не могли похвастаться, потому что не имели этого у себя в наличие, так это доверительностью отношений с окружающим миром, где даже и к самому себе часто не было никакого доверия («Слабохарактерный и малохольный ты, Гриша, – обращался к примеру один из этих инвесторов к самому себе, – ведь дашь же слабинку, если тебя в не трезвом виде о чём-то попросит девушка, сама сладость и желание. И не сомневаюсь в этом. – Всегда честен с самим собой этот Гриша, вынужденный признать в себе всю эту слабохарактерность»), всё же в таком деле, как инвестирование, нуж-

но быть чуть-чуть ипохондриком и нельзя быть в чём-то до конца уверенным. Ну а то, что к Орлову нет никакого доверия, то это из той же пьесы.

Так что вполне вероятно, что на этот раз Орлов не от дельца нечего нагнетает на них не уверенности и проявляет пессимизм, что ему всегда было свойственно, а для всего этого пессимизма есть все свои основания быть – вон какая во всём финансовом мире стагнация и все ведущие финансисты, скрепя зубы начинают признавать, что прежняя система финансового сосуществования идёт к своему слому и у них не осталось уже никаких инструментов, чтобы как-то повлиять на волатильность рынков и выйти в плюс. В общем, все упёрлись в невидимую стену и не знают, что дальше делать. А может у Орлова есть какой-то инсайд, о котором он так по своей глупости проболтался. И всем сейчас впору думать не о своих прибылях, а о том, как бы сохранить то, что у них есть и на чёрный день отложено в домашних и банковских хранилищах.

Ну а как только эта мысль пришла в голову всем этим инвесторам, людям всегда очень отзывчивым к разным страхам и опасностям для своего благосостояния (они все были отчасти параноиками), то тут-то их мысль заработала в этом направлении своей подготовленности к этому катастрофическому событию и своему спасению.

– Золота по моим расчётам на первое время должно хватить. – Быстро сообразил на счёт возможных катаклизмов на

рынках и глобальных катастроф в человеческом плане всё тот же Гриша, человек с большим воображением и хитростью мышления насчёт своего спасения на этом и на том свете. Где для спасения на этом свете он больше рассчитывал на свои вложения в физические ценности, а на том свете он рассчитывал на свои обширные связи, которыми он обзавёлся на этом свете. А так как он никогда не клал яйца в одну корзину, а это в его случае значило, что он на всякое своё попадание в будущем рассчитывал, то он обзавёлся связями из разных слоёв человеческой жизни. Так что попади он в рай или ад, то и там, и там, у него будут знакомые, кто за него слово замолвит перед теми, кто там всё за всех решает.

– И что вы, Григорий Пантелеймонович, можете за себя сказать? – обратится к нему с вопросом Пётр из небесной канцелярии, пытаясь путём невинного слова подловить Гришку на его гордыне и самолюбии. А Гришка ещё в чистилище навёл справки у людей знающих, что здесь как и по чём. И Гришка само собой не ловится на эту ловушку, и он с видом человека ко всему готового, смиренно говорит. – А что я могу о себе сказать, кроме одной нелепости. А вы, если вам это насущно нужно знать, пойдите и спросите у людей здесь уже определённых своим благочестием, проявленным ими при земной жизни, что я за человек такой. И достоин ли я райской жизни.

Ну а Пётр, конечно, всяких людей и людишек на своём посту повидал, и знает все их хитрости и на что они готовы,

чтобы попасть в рай (на самую подлость и обман). И Пётр крепко так посмотрел на Гришку, и многозначительно ему так сказал. – А мы спросим. Думаете, что не спросим. – А Гришка молчит и ничего не отвечает, понимая, что этот придирчивый ко всякому греху в тебе и погрешности Пётр, – как будто и сам без греха сюды попал, – только и ждёт от него ответных возражений. Ну а Пётр, видя, насколько тёрт этот калач Гришка, заходит с другой стороны к нему. – И кто за вас слово может замолвить, а может быть и во всеуслышание заявить?

Ну а Гришка для виду немного подумал и с долей преждевременной расслабленности (что поделать, Гришка часто заносчив и поспешен) ему говорит. – Знаете, я не буду собой выказывать затруднения для жизни людей простых, а сразу обращаюсь взглядом в сторону того, кому на роду было написано не быть равнодушным к человечеству человеком. Позовите папу Григория, моего тёзку.

А Пётр, всё это услышав и не пойми от кого, на мгновение и дар речи потерял. Ведь он самый первый из списка пап папа, и он всех наперечёт пап знает, так как сам их в списках на этот престол утверждает, – бытует такое утверждение среди вот таких пап, – и ему как-то неслыханно слышать, что у пап есть мирские дела с каким-то мирянином, хоть и претендующим на место в раю. А за такое его панибратство с папой, где он посмел оттесать его тёзкой и вовсе убить его мало (но за такие дела преследуются в раю и поэтому такие ме-

тоды приведения в чувства ослушников не приветствуются). И понятно, что Пётр тут начинает выдумывать всякие препоны для Гришки, вознамерившегося такие вещи заявлять. И Пётр хитро так, через прищур глаз посмотрел на Гришку и спрашивает его. – А какого такого папу Григория вам позвать?

А Гришка и не понимает в чём тут заминка, видя во всём этом препирательстве Петра его язвительный и привередливый характер. Я, мол, пострадал за это место на небесах, а всему этому люду, для того чтобы попасть сюда, теперь и ничего делать в особенности и не нужно. Не пакости по большому, и в общем, всего этого достаточно, чтобы тебя наверху, в раю, ждали. Вот он и старается максимально осложнить проход в рай людей, всю свою жизнь старавшихся не навредить человечеству, не слезая со своего дивана, испытывая тяготы такого своего местожительства, глядя с утра до ночи телевизор.

– Самого последнего. – Заявляет Гришка. И тут же ловит на себе полный радости взгляд Петра, как понимается Гришкой, ничего ему хорошего не сулящий. Что сейчас же им и выяснилось. При этом в такой словесной подробности, что Гришка охренел от такой иезуитской хитроумности этого Петра (а то, что Гришке на ум начали приходиться такие им неизвестного качества слова, то всё объяснимо тем, что с кем пару минут пообщаешься, то этой гадости от него и наберёшься).

– А разве вам неизвестно, – чуть ли неоткрыто усмехается этот Пётр, – а скорей неизвестно, чем известно, – делает он оговорку и озвучивает то, что хотел сказать, – что последний, по вашим словам, Григорий, Григорий XVIII, не есть папа, а он признан за антипапу. – И Пётр на этих словах не удержался оттого, чтобы с победоносным видом посмотреть на Гришку. А Гришка, охреневший от такого бюрократизма небесной канцелярии, готовой на всякие несусветные выдумки, чтобы не допустить человека заслужившего своё место в раю до своего места, – они вообще охренели тут от безнаказанности, для них уже папа не папа, а какой-то антипапа, – в сердцах плюнул под ноги Петру и решил пойти напрямик в ад, где, скорей всего, таких препон для попадания туда нет.

Но как ошибался Гришка, уверовав в открытость для каждой заблудшей души этого адского места, где по его наивности думалось, нет всей этой бюрократии и можно быть откровенно честным со всеми. А там, как им по прибытии в это смрадное даже на входе место выясняется, ждёт точно такой формализм при встрече, бюрократический взгляд и не пойми кого на входе, и даже обращённые к нему вопросы несут в себе всю ту же содержательную направленность и внутреннюю демагогию.

– Значит, решили, Григорий Пантелеймонович, что вам у нас самое место? – интересуется этот чёрт в очках на входе. А Гришка и не собирается кривить душой и врать, когда он

можно сказать, оказался у последней черты. И ему желается быть во всём откровенным. – Это не я решил, – заявляет Гришка и кивнув головой вверх, добавляет, – это им так посчиталось проще.

– Вот как! – с долей удивления сказал чёрт в очках, переведя свой взгляд сверху на Гришку. – И что их в вас не устроило? – интересуется чёрт в очках.

– Моя внутренняя конституция и знания. – Откровенно заявляет Гришка.

– Знания?! – опять удивляется чёрт в очках. С чем и спрашивает Гришку. – И что это за такие знания, что вас не берут в рай?

– Да знаю я всё про их богадельню, – заявляет Гришка, – ну и заодно людей из рода пап, которые как вдруг выясняется, и не папы вовсе, а какие-то антипапы. – Ну и понятно, что чёрт в очках смущён всеми этими заявлениями и знаниями таких выдающихся людей этим Гришкой, с виду и образом мыслей вроде как для их места самый подходящий, но как тут выясняется, имеющий в себе червоточину, не дающую ему полностью морального права требовать для себя беспрепятственного прохождения в их обитель греха. И чёрт в очках говорит: «Одну секунду», и скрывается за внутренними дверьми его кабинета, где и велось это собеседование с Гришкой.

Ну а Гришка и не сомневается в том, что вновь будет обманут. И не только во времени, но и в надеждах. Что так и

произошло, когда этот чёрт в очках вернулся в кабинет не через секунду, а где-то через полчаса, в сопровождении странного типа с козлиной бородкой и при рогах.

– Вы, Григорий Пантелеймонович, наверное, уже догадались, кто я? – совершенно для Гришки непонятливо улыбаясь и вот таким образом настаивая на своей знакомости, заявляет этот тип с бородкой. А Гришка, ни смотря на то, что этот тип ему кажется своей физиономией знакомым, и понятия никакого не имеет, кто он таков. А вот так признавать его за человека ему знакомого, с кем он, может быть, состоит в приятельских отношениях, Гришка не привык и не собирается делать.

– Сатир, что ли? – Гришка своим вопрошанием прямо корбит всё лицо в оспинах этого типа с бородкой. Но он, тем не менее, сдерживается от переполнившего его возмущения с помощью наступая своей ноги на ногу этому чёрту в очках, в момент заткнувшегося в своей улыбке.

– Я вижу, что вы, Григорий Пантелеймонович, человек пытливого склада ума. Что для нашего хозяйства самое то. Но ваши попутные знания всех этих знаковых людей, не дают нам права губить в нашей глубинке ваши перспективы на будущее. И по нашему душевному измышлению, мы приняли решение, отправить вас назад, в свет. – Гнусно улыбаясь в лицо Гришке, заявляет этот гражданин неизвестной для Гришки конструкции. Отчего в Гришке, так уставшего с долгой дороги и в ногах, – а то, что он летел под горочку, ни-

сколько не умаляет его трудности в преодолении этого пути, – озлилось всё внутри на этого гражданина бюрократического мироустройства. Для которого сердечного признания и слова мало, а ему поди что нужно предоставить на каждый свой грех справку на бланке строгой отчётности, и чтобы там была круглая, а никакая другая печать.

И в Гришке всё так возмутилось на этого гражданина бюрократической наружности (все они козлы), что он подскочил с места с кулаками наготове и заорал. – Ах ты, формалист чёртов?! Да я тебе сейчас покажу, где раки зимуют. – И только он так возник против бюрократизма и проволочек, как, раз, и он опять в кабинете небесной канцелярии, перед лицом всё того же Петра, явно не ожидавшего его вновь увидеть и оттого чуть не упавшего со своего стула.

А Гришка хоть и взлетел так для себя неожиданно и стремительно обратно, на этот раз не растерялся. И он, прежде чем, огорошить Петра своим заявлением: «Чё, не ждал?!», сообразил заглянуть в лежащие перед ним бумаги. Где многое для себя, за других людей, и в частности за этого Орлова и понял – чтобы попасть в эти небесные чертоги, нужно быть званым. А почему так это решил Гришка, то всё очень просто. Он на лежащем перед Петром листке прочитал: «Андрей первозванный». А как только он это прочитал, то его пробило этим догадливым озарением. А также ещё тем, что этот Орлов, типа Андрей первозванный, судя по его имени, определённо что-то такое знаковое знает, что его приведёт

сюда, в эти небесные чертоги в скором времени, а вот всех остальных, будет и не пойми что ждать. Так что нужно к нему прислушаться и постараться из него выудить эту необходимую для понимания будущего информацию.

Правда, Гришке, а точнее Григорию Пантелеймоновичу, совершенно не удаётся сосредоточиться на своём внимании к Орлову, а всё потому, что он человек увлекающийся, и если ему в голову какая-то мысль зашла, то он пока с ней не разберётся, то ему сложно быть внимательным. Ну а сейчас он занялся подготовкой к своему спасению. Где на пути к нему сделан только первый шаг: прикуплено на первое время золота два пуда. А этого, по разумению Гришки, явно недостаточно, чтобы спастись и прокормиться, когда в этом апокалиптическом будущем, которое им всем тут предрекает Орлов, нет чётких критериев истины, то есть не установлена система ценностей и непонятно будет, что почём торгуется.

– Надо будет закатать побольше банок с разносолами, а не губу, как привык. – Остановился на этой мысли Гришка, вдруг вспомнив свою докапиталистическую молодость, где он не был ещё настолько оторван от земной жизни и ещё что-то делал руками, а не жил в расчёте на чужой ручной труд и глупость человеческую. И Гришка в этот момент откровенности позволил себе самокритику, чего он давно по отношению к себе не позволял. – Только они в трудные времена и спасут, а не какая-то валюта, и не пойми со временем, что это за слово такое. Хм. – Усмехнулся про себя Гришка и, вдруг

наткнувшись на обращённый в свою сторону потный взгляд банкира Немировича, человека невыносимого во всём для Григория Пантелеймоновича, терпеть не могущего людей с потными взглядами и мыслями на тебя и твою действительность, закипел в его адрес злобными мыслями.

– Закатал губу, – глядя на Немировича, злобно ему в мыслях ответил Гришка в ответ на его предложение, невыносимое для тех условий своего пребывания (апокалипсиса), в которых себя сейчас мыслил Гришка, – мильон мне предлагать за банку закатки. А вот это ты видел! – было сунул дулю под нос Немировича Гришка, но быстро одёрнул руку, видя в раскрытом рту Немировича агрессию против его дули, где он намеревался откусить ему палец совсем не со зла, а от голода.

А это всё ещё больше укрепило Гришку в решимости сегодня же взяться за это дело, закрутки банок с разносолами.

А в кабинете между тем идёт своё мысленное движение. Где Иван Павлович обратился со своим мнением к Орлову.

– Хочешь сказать, что твоя зевота не просто рефлекторный дыхательный акт, а это некая причина, созданная из неких внутренних соображений природной сущности сегодняшней ситуации. И она посредством тебя отправленная в мир, через цепь взаимосвязанных явлений приведёт какую часть мира, а может и весь мир к некоему знаковому событию. Здесь зевнулось, а на другой стороне земного шара откликнулось. – С долей иронии в лице и словах, спросил

Иван Павлович. А Орлову не только не смешно в ответ, а он совершенно не видит, над чем тут можно иронизировать.

– Как минимум, это не исключается человеческой природой и существующим миростроением. – С полной серьёзностью во всём себе заявляет Орлов. И все его слушают и при этом его слова не вызывают недоверие, а ему почему-то хочется верить. – И отчего-то фигуральная аналогия с чиханием на одной стороне земного шара и ответный насморк у всей планеты, у вас никогда не вызывала желание иронизировать. А ведь между тем, вы, откликнувшись на этот мой посыл, сами запустили эту цепь неотвратимости. И теперь, чтобы вы не делали, её невозможно остановить, пока она не дойдёт до своего следствия и замкнёт свой круг.

– И чего нам всем ждать от вашего зевка? – интересуется Иван Павлович, как всеми понимается, до чего же упрямый и упёртый тип. Его Орлов так обстоятельно, с прямыми доказательствами пугает, а ему хоть бы хны, и он не ведётся на все эти его послы. – Знамение ему подавай. – Догадались многие из находящихся в кабинете людей, зная консервативность мышления Ивана Павловича, которая, бывало, дорого им стоила, когда он отказывался прислушиваться к современным веяньем в деле монетарной политики.

– Я уж как-нибудь, по старинке обойдусь, вкладываясь в золото, – совершенно никого не боясь и, не стесняясь, Иван Павлович смело так не скрывал своего ретроградства, – а все эти слепые трасты и офшоры оставьте для себя.

А что спрашивается, есть знамение в их финансовом мире? Это, если не инсайд, то что-то вроде этого. Где лицом, продающим, а может из мстительных, справедливого характера побуждений выдающим вам эту информацию, является не кто-то изнутри той самоорганизации людей, которая влияет на курс и движение рынков, – либо к схлопыванию, либо к их разрастанию, – а этим лицом может быть и не лицо вообще, а какая-то внешняя управляющая этим миром структура, та же природа, которая с помощью своих знаковых сигналов (тайфунов там или землетрясений) предупреждает человечество о таком надвигающемся природном катаклизме, от которого уж точно никуда не спрячешься в этом полным людей городе, а уж насчёт функционирования всех этих бирж и рынков, точно не стоит заводить речь на время вдруг разбушевавшегося всемирного потопа, или землетрясения. А может и до того времени, пока люди вновь для себя не придумают увлекательное для себя занятие по перемещению материальных средств с помощью нарисованных бумажек.

– Чего ждать? – многозначительно так переспрашивает Орлов. Затем с видом человека много знающего и столь же много скрывающего, обводит взглядом присутствующих в кабинете людей. Где он на некоторых лицах делает фиксируемые всеми остановки, что немедленно вызывает у всех, в том числе у того человека, на ком остановился взгляд Орлова, вопросы: «Что, чёрт возьми, он в нём (во мне) увидел?». После чего Орлов оставляет этого человека в глубоком на

свой счёт заблуждению, – что, чёрт возьми, я о себе знаю такого, что может представлять для всех огромный интерес, – и в итоге добирается до Ивана Павловича.

– Отклика. – Заявляет Орлов. Чего само собой недостаточно для всех здесь находящихся людей, и они ждут от Орлова объяснений.

– Может поясните. – Интересуется Иван Павлович, сейчас выступающий общим рупором всех здесь находящихся людей.

– Отчего же не пояснить, поясню. – Говорит Орлов. – Человек во всём реакционен, от слова рефлексия. И его зевота, есть всего лишь его рефлексия на некие внешние обстоятельства. А вот на какие, то если вы пораскинете своими мозгами, то в момент сообразите. – И, хотя Орлов в этом своём заявлении, можно предположить людьми без задней мысли мыслящими, предположил у людей находящихся здесь, в кабинете, наличие мозгов и значит ума, а людьми не так поверхностно мыслящими было предположено совсем другое, – он, падла, на что тут намекает, – никого из них не устроил этот ответ Орлова, и не пойми с какой стати, понадеявшегося на их изобретательность ума. Нет уж, если хочешь что-то сказать, то доводи до ума свою мысль, а иначе мы имеем полное право тебя понять, как нам заблагорассудится.

И Орлов видимо сообразил, с какой придирчивой публикой он имеет дело, раз он взялся за объяснение своих слов. –

Человек перенасытился информацией до такой степени, что ему до отупения стало скучно. Вот он и начал так неприкаянно себя мыслить, зевая на всё в этом мире. И чтобы вернуть его обратно в себя, а он несомненно оторвался от самого себя и реальной жизни, всё больше пребывая в виртуальном, иллюзорном мире демагогии, его нужно обратно приземлить. Иллюзия живёт ровно до того момента, пока её считают реальностью. А для этого нужно вернуть в прежнее ценностное значение, ни в коем случае не потребительство, а материальность этого мира. Что это значит? Скажу в общем. Человеку нужно вернуть физический контакт с реалиями мира, что давно утрачено им. Где между человеком и действительностью сооружено столько прокладок в виде информационных манипуляторов в психологическом и джойстиков в физическом плане. И тогда только человек сможет вновь себя обрести в настоящем своём качестве. Что, надо признать, невозможно сложно сделать в настоящее время, когда настоящий человек этого времени убеждён в такой своей человеческой значимости, где он вершина пищевой и цифровой цепочки. И поэтому нужно принимать кардинальные меры для переустройства на свой счёт человеческой мысли. Нужна шоковая терапия, где бы человек убедился в том, как он на самом деле жалок и ничтожен перед лицом реальности. А иначе, когда наступят смутные времена, – а к этому неотвратимому событию всё и идёт, – человечество, пребывающее в своём иллюзорном мире, оторванном от реальности, опять не бу-

дет готово к будущему. – На этом Орлов поставил точку и обратно сел на свой стул, с которого он подскочил во время этого своего эмоционального высказывания. Ну а сев обратно на свой стул, он театрально упёрся локтями рук об стол, на которые в свою очередь он упёрся головой, которую он обхватил своими руками, и в таком виде стал всем вокруг действовать на нервы.

– Что он всем этим хочет сказать?! – закипели в мыслях все вокруг люди, в тревоге за себя глядя на этого подлеца Орлова, всегда так ловко умеющего вогнать их в страх и в ступор своего и его непонимания. Он тут всякого им наговорит, а им потом сиди и ломай голову над всем им сказанным. А пренебрегать им сказанным никто не осмеливается. А всё потому, что Орлов хоть и порядочная скотина, но его прогнозы на будущее часто сбывались. А не иметь это в виду, как минимум, не предусмотрительно.

И как ожидалось Орловым, поглядывающим по сторонам из-под своего наклонного и ручного прикрытия, то все эти господа вокруг, принялись ломать голову над всем им сказанным, пытаясь выскоблить оттуда крупницы истины. Как из катренов Нострадамуса, его современники пытались для себя выудить свои предначертания, а наши современники подогнать произошедшие исторические события под них, так и эти люди с капиталами, кто в своих действиях как бы ориентировался на финансовую аналитику, тогда как на самом деле, на самое что ни на есть прогнозирование, где вместо га-

далки с картами им гадают не на кофейной гуще и не на картах, а на графиках финансовой турбулентности рынков, человек при дорогом костюме и бабочке на сорочке из английской мануфактуры, пытались из этого нагромождения смыслов и слов выяснить, что всех их и рынки ждёт.

– Значит, нужно вкладываться в реальный сектор экономики. – Мигом сообразил банкир Немирович.

– Виртуальное богатство уже не столь прибыльно, несмотря на хорошие темпы роста. Физическое богатство, хоть и не столь прибыльно, но оно ощутимо растёт в цене, давая реальное осознание ценности жизни. – Решил Григорий Пантелеймонович вкладываться по-крупному в реальный сектор экономики.

– Иллюзия живёт лишь до того самого момента, пока человек её считает реальностью. Хм, интересно. – Задумался Иван Павлович. – Принимаемые человеком вещи за ценности, до того лишь момента ценны или говоря нашим финансовым языком, ликвидны, пока они человеком так воспринимаются. И многое для него ценно лишь из его иллюзорной блажи. И рассей эту его иллюзию, хотя бы на тоже искусство, что уж точно искусственно и иллюзорно в двойне, то всё это искусство и ценности особой не будет представлять для человека. – На этом моменте Иван Павлович посмотрел на Орлова, а затем перевёл свой взгляд в сторону окна, из которого виды, конечно, открывались потрясающие ваше сознание, особенно, если вы боитесь высоты птичьего полёта, но не это

главное, что можно и увидел в это, на всю стенку окно, Иван Павлович. А, имея воображение и целеустремлённость, как у Ивана Павловича, можно было увидеть нечто очень далёкое, и не только в пространственном плане, а скажем так, в плане перспектив, то есть в будущем времени.

Где, к примеру, в одной из самых знаковых художественных галерей, наряду с картинами, под авторством известных всем знатокам искусств, коллекционерам при деньгах и художественным экспертам художников, вдруг появляется полотно совершенно никому неизвестного художника. При озвучивании имени которого, первое, что в голове возникает спросить, так это: Кто это такой? И он что, рисовать умеет?

– Как видите? – последует ответ агента, представляющего этого художника, ещё даже живого, и его, только по его заверению, высокохудожественное полотно. И как спрашивается, ему можно поверить, если он лицо заинтересованное и тому подобное.

И, понятно, что никто не собирается на это смотреть без своего знакомого искусствоведа, кто насквозь видит все эти картины из современности или же выдающих себя за раритет прошлого, а также самих этих художников, выдающих себя за кого только ни попади, и гениев и Веласкесов, но только не тех, кем они на самом деле являются. Так что на этом разговор закончен и до следующей встречи, к примеру, до того времени, когда представляемый вами художник трагически погибнет. И уж тогда, когда будет ясно, что он больше ниче-

го не нарисует, а это как оказывается, дорого стоит и высоко ценится в художественном мире, милости прошу в нашу художественную галерею.

Но на это раз видимо вышло из ряда вон недоразумение, где наряду с признанными во всём мире художниками, была вывешена картина вот такого непризнанного и никому неизвестного художника, который поди, что господи, ещё жив живёхонек и ещё не умер.

И ладно бы она была повешена где-нибудь в сторонке, ближе к запасному выходу, под лестницей, – это, может быть, хозяин галереи за небольшое вспоможение продвигает в люди амбициозного миллионщика, решившего покорить мир художественного искусства, – но эта, так себе картина, заняла чуть ли не самое центровое место в галерее. Где справа от него была помещена в своей неприкрытой голытьбе Венера Веласкеса, что во времена возрождения не считалось неприкрытой правдой и вызовом существующим порядкам и поистрепавшейся в аморальности морали, а слева, само собой в том же притягивающим восхищённые взгляды виде, та самая Даная, одного крайне известного Рэмбо...? Нет, ...ранта.

И тут без вопросов самого возмутительного и интригующего характера мимо этой центральной картины не пройдёшь. – Какого хрена здесь делает этот мужик косоглазый? – А как только этот вопрос во весь голос вопрошающего и посмотревшего на эту центральную картину проговорится, то к нему сперва придёт понимание того, что эта разносто-

ронность во взглядах этого изображённого на картине мужика, выраженная художественным приёмом портретиста через косоглазость, вполне себе к месту и что только так и должен изображаться мужик, с бесхитростностью в себе и взглядах вокруг, когда он оказывается в непосредственной близости и посередине между двух голых баб.

А как только коллекционер различных дорогих художеств, а может на его месте окажется самый обычный зритель для такого рода галерей, новоиспечённый миллионщик со своей пышной во всём подругой, перед которой он решил выпендриться вот таким высокохудожественным образом и заодно подать заявку на включение себя в эксклюзивный клуб ценителей искусства и прожигателей в своей эксклюзивности жизни, узрит насколько не глуп сей даже не художник, а исполнитель всех этих художеств, то он пальцем руки, на котором надет перстень с огромным брильянтом, подзовёт к себе местного искусствоведа и поинтересуется у него, сколько эта мазня стоит.

А как только он узнает не сопоставимую с его разумением сумму стоимости этой картины, которую за неё запрашивает этот неизвестный никому малевальщик, то он, этот малевальщик, может быть, в первый раз получит для себя заслуженное именование: «Вот это художник! Вау».

– А я-то ещё за обычного простофилю принял этого художественного типа, а он вон какая сволочь. – Уже не с прежней снисходительностью посмотрел новоиспечённый бога-

тей на эту картину, сперва вызвавшую у него столько благодостных эмоций, коими он не преминул поделиться со своей титулованной на многих конкурсах красоты спутницей, перед которой он не хотел почему-то ударить в грязь своей отъевшейся физиономией, и оттого выказывал себя таким большим ценителем искусств, чуть ли не эстетом.

И хотя это у него получалось не слишком вразумительно, со своей природной самобытностью, настоящей совсем на другой культуре, само собой не возрождения, а с самого рождения он какой есть взрождённый, это нисколько не мешало его спутнице, Пелагее Армандовне, мисс одного вселенского конкурса, отчего местные галеристы часто путали куда нужно смотреть, восхищаться своим спутником, Емельяном Лоскутовым.

И когда Емельян Лоскутов, обнаружив эту картину перед собой, громко заметил своей спутнице: «А этот мужик совсем не дурак, хоть и кажется», то Пелагея Армандовна залившимся смехом полностью поддержала Емельяна в этом. Правда не без того, чтобы не проявить женское коварство и не поинтересоваться у Емельяна, а чтобы он делал в таком же случае, окажись прямо сейчас с другой от него стороны обнажённая дама.

Емельян же человек со своей прямоотой и не такой хитростный, как мужик с картины, и он как только услышал от Пелагеи такую возможность нахождения с той стороны от него, куда он сейчас не смотрит, такого открытого качества

дамы, то сразу же заинтересовался и обернулся в указанную сторону. Но там ничего обещанного Пелагеей им не встретилось, и он несколько озадаченный насчёт Пелагеи Армандовны, позволяющей себя так обманывать его ожидания, смотрит на неё с суровым взглядом и делает ей замечание.

– Нет там никакой неприкрытой бабы, Пелагея Армандовна. И я даже не могу понять, для чего вы всё это сейчас придумали. – Чуть ли не процедил в зубы всё это Емельян, изрядно напугав Пелагею Армандовну, вдруг понявшую, что она слишком далеко зашла в своих предположениях насчёт умственного потенциала Емельяна. И теперь ей нужно было срочно сообразить, чем сгладить это недовольство в глазах и разумении Емельяна.

– Так я про ту, на которую пялится этот мужик с картины. – Пелагея Армандовна умело переводит стрелки на Данаю с картины, и Емельян, посмотрев на неё, сплюнул и своей всё загребушей рукой убедил Пелагею Армандовну в том, что он её точно не променяет на всякую крашенную тётку. – Тем более ты прекрасно знаешь, что я не люблю баб при теле. – Заметил Пелагее Армандовне Емельян, выпуская из своих рук некоторые мягкие подробности Пелагеи Армандовны, которая она перед собой напоказ никогда не выставляет, что не мешает встреченным ею прохожим видеть их во всех своих подробностях, но только сзади.

А между тем Емельян пребывает в некотором умственном затруднении, после того как услышал озвученную искусство-

ведом сумму стоимости этой картины. Ведь ему, если честно, то и даром не нужны все эти картины, даже если их будут ему навязывать в качестве бонуса к какой-нибудь настоящей покупке. Но он уже во всеуслышание, – а вокруг уж слишком скоро собрались как раз те люди из того клуба, в чьём содействии по признанию себя за человека, достойного внимания и принятия в первые дома Лондона он был заинтересован, – и тоном подразумевающим наличие желание её купить, проявил свой интерес к ней. И теперь отступить от намерения её купить было делом почти что невозможным, если только не проявить знания и толк в искусстве, чего у Емельяна отродясь не было по причине его самобытности, или же нужно будет всем вокруг продемонстрировать свой характер. А вот последнего у него не занимать.

– М-да. – Многозначительно так сказал Емельян, а сам в этот момент принялся оглядываться по сторонам на предмет понимания того, кто его тут окружает. А окружают его, как Емельяном сейчас выяснилось, самые достойные люди, всё сплошь коллекционеры, видные авторитеты в мире искусства и само собой сэры. Где ближе всех к нему оказался самый привередливый и придирчивый к новоиспечённым миллионщикам, стремящимся к признанию и легитимизации себя среди аристократии старого света, сэр Гарольд Дендервильский, само собой герцог и по одной из бастарских линий, претендент на королевский престол.

– Месье Емельян, – с первых же своих слов, сэр Гарольд,

названный за свой одутловатый вид Емельяном сэром Компотом, проявил свою предвзятость к Емельяну, и тем самым покоробив его слух. Где он Емельяна видимо на дух не переносил (он пах не тем парфюмом, который имеет хождение на том острове, где проживает этот придиричивый сэр Компот), и оттого не только не спешил, а не считал за благо для своего местожительства принимать Емельяна за соотечественника, хоть и пришлого. А так как сэр Компот (так он и будет называться из-за своей привередливости к людям другого умственного мироустройства) терпеть не мог в особенной для себя невозможности различных месье, то он и оформил Емельяна через это месье.

– Я не мог не заметить, что вы более чем выразили свою заинтересованность в этой картине. Так что же вас в ней так привлекло? – с отточенной до изысканности плотьядной улыбкой спросил сэр Компот Емельяна. У которого при виде всего этого отточенного ханжества сэра Компота только руки чешутся и ничего больше не думается, как только их почесать об эту улыбку сэра Компота.

– А вот скажите, сэр Компот (прозвучало, конечно, сэр Гарольд, но Емельян так этого сэра ценил, что в его не йоркширском выговоре, так и проскальзывали эти компотные нотки), – повернувшись к сэру Компоту, обратился к нему Емельян, хороший товарищ, хоть и коммерсант с некоторых пор, но уж точно не месье, кого он вообще не понимает, – что было использовано для создания этого картинного шедевра?

– Что вы имеете в виду, месье Емельян? – явно специально с первого раза не понял Емельяна сэра Компот. Чтобы значит, указать ему на непреодолимую пропасть между своим и его интеллектом и менталитетом, типа нечего и думать вам, простолюдин и чуждый для нас человек, Емельян, о том, чтобы быть нам, аристократам, ровней, а также ещё раз подчеркнуть и заметить Емельяну, что он для сэра Компота всегда будет месье.

За что Емельян при других обстоятельствах давно бы вынес всё это разумение из головы сэра Компота кулаком, но как говорилось выше, сейчас обстоятельства не те, и Емельян, еле совладав с собой, решает повториться.

– Что и какой инструмент был использован для этой создания этой картины? В общем, что он в неё вложил. – Задал вопрос Емельян. И на этот раз сэра Компот вопрос понял, но при этом сделал такой удручённый на Емельяна вид, показывающий, как он совершенно не понимает таких несознательных в искусстве людей, как Емельян.

– Чтобы создать такую картину нужны превосходные краски, полотно и знание человеческой природы. – С невероятным пафосом сказал сэра Компот, свысока посмотрев на никчёмного Емельяна.

А Емельян видимо настолько приземлённый человек, что его совсем не пронимает трагизм своего существования, на который ему так на прямую сейчас указывает сэра Компот. И Емельян, вместо того чтобы покаяться себя вести и во всём

начать слушать светоча нравственности, сэра Компота (для начала нужно перестать его так называть), берёт, и с пренебрежением, и усмешкой заявляет. – И всего-то. Так это всего-то три копейки. Тогда как сумма его требований к покупателю соизмеряется многими нулями, и вдобавок скорей его глупостью, чем ещё чем-то другим. А больше я ничем этот курс обмена и не могу объяснить.

И понятно, что сэр Компот, услышав такое кощунство в этих стенах, чуть не поперхнулся пуговицей с рукава своего костюма, которую он на эмоциональном подъёме откусил и чуть было ею не закусил своё нервное состояние. И что самое постыдное для сэра Компота, и что он себе до конца своих дней никогда не простит, так это то, что он не смог себя повести выдержанно, со всей своей невозмутимостью. А он вместо всего этого, чем всегда подчёркивался его аристократизм, повёл себя эмоционально не воздержанно, попытавшись доказать этому хамлу Емельяну, – это он уж понял только потом, – недоказуемое.

– Художник в свою картину душу свою вложил. И в этом её главная ценность! – На повышенных тонах заявил сэр Компот, сверкая в ярости своими глазами.

А Емельяна ничуть такая ярость в глазах сэра Компота и выбранный им тон для своих объяснений не тревожит, и он как стоял на своём, так и продолжал упорствовать. Но при этом он начал себя вести более развязно по отношению к сэру Компоту, который совершенно не давал для этого повода.

Так Емельян, повернувшись к сэру Компоту напрямую, прямо на его глазах принялся загибать пальцы на своей руке, приговаривая. – Значит, я так всё это дело понимаю. – Емельян, явно пользуясь моментом, где сэр Компот был застан врасплох своим неблагоприятием, посчитав и не пойми с чего, что сэру Компоту может быть интересен кто-то другой, кроме него самого, завёл речь о своём понимании.

– Этот художник потратил три копейки в не доминированных рублях на краски и кисточки, ну и ладно чёрт с ним, копейку на холст. Затем нарисовал на холсте то, что ему, а не нам, его зрителю, было по душе. И за всё это в итоге затребо-вал нас раскошелиться не на свою себестоимость, тьфу, на те же три копейки, плюс затраты на свою производительность, а на самую что ни на есть астрономическую сумму. И знаете, как всё это называется? – жёстко так задался вопросом Емельян к сэру Компоту, однозначно имеющему отношение к формированию этой окончательной цены за картину (свою толику процента). А сэр Компот сейчас только одно знает, он может получить в зубы при попытке обосновать заявленную цену в качестве разумной. И поэтому, наверное, сэр Компот стоит и помалкивает, отлично зная, насколько дороги в их стране услуги дантистов.

А Емельян, видя, как смирен стал сэр Компот, как человек не особой жёсткости и. в общем-то, не злопамятный, отлегаёт от своих намерений насчёт сэра Компота, которого, если честно, то проучить бы не мешало, и делает небольшое

отступление в деле своего ответа на свой же вопрос. – А на счёт того, что он вложил свою душу и художественное умение в свою картину, а это и есть её основная ценность, то это всё на самом деле есть иллюзия, которую мы сами и принимаем за чистую монету, и в зависимости от нашей дурости платим. Так вот, сэр Компот, – Емельян уж совсем распоясался, позволяя себе такое запанибратское отношение к сэру Гарольду Дендервильскому, где он ухватил его за пуговицу пиджака, представляющую его и являющуюся его неотделимой частью.

А сэр Компо...то есть Гарольд, и поделаться ничего не смеет, так он ошарашен этим к себе позволением со стороны Емельяна, который определённо на этом не остановится и попробуй только сэр Компот дёрнуться, то он точно потеряет одну видную часть от своего костюма, а именно пуговицу. А это уже не первый предмет из его костюмного ансамбля, который он теряет от этой встречи. И понятно, что сэр Компот не может себе позволить такие большие траты, и он стоит и не шелохнётся, будучи полностью во власти Емельяна, с кем он сейчас находится в столь натянутых отношениях.

А Емельян, может быть, как раз и хотел, чтобы сэр Компот, наконец-то, сорвался на нервный крик и заодно с того крючка, на который он его подцепил, но раз такого не происходит, то Емельян продолжает демонстрировать окружающим их людям, насколько они близки с сэром Компотом. – Вы, как и я разумный человек, и математику, а значит и эконо-

номику знающий, – продолжил говорить Емельян, ошеломив сэра Компота этим своим предположением о разумности сэра Компота в той же степени, в какой и он. – Да как это понимать?! – перекосясь весь в лице сэр Компот, услышав такое кощунство. А Емельян тем временем не сбавляет темп и насадет на сэра Компота, сделал вопросительную оговорку.

– Да, сэр Компот, – как бы озадачился Емельян, наткнувшись на некую мысль, как из его прозвучавшего вопроса можно было понять, подразумевающую, что у сэра Компота нет никакого образования, а всё в нём только напускное, – а что вы заканчивали? – с таким видом Емельян спрашивает сэра Компота, как будто об этом сэра Компота и не нужно спрашивать, когда по его глупой и унылой физиономии и так всё видно – сэр Компот только с виду образованный, тогда как на самом деле, он знать не знает счётной и какой другой грамоты, по причине врождённой и заложенной в него его аристократическим воспитанием самоуверенности – вести какой либо счёт не его уровень и считаться с кем бы то ни было, его недостойно.

И может быть так всё и было, но не может же сэр Компот признать вслух правоту какого-то Емельяна, и сэр Компот с видом человека, у которого задеты самые его высокие чувства, чувства собственного достоинства в данном случае, со свойственной себе эпичностью заявляет. – Оксфорд.

А Емельян, что за человек такой неугомонный и невыносимый, начинает со всех сторон озирать сэра Компота, кото-

рому от такой навязчивости взглядов на себя Емельяна становится не по себе и хочется заметить Емельяну, что так признательно в приличном обществе себя не ведут. Но сэр Компот не успевает сделать это назревшее заявление, так как Емельян его опережает своим новым, потрясшим сэра Компота до глубины своих лайкровых колгот заявлением. – Что-то не похоже. – Вот так, во всеуслышание огорошивает всех вокруг Емельян, с хитрым прищуром глядя прямо в ноздри вздёрнутого верх носа сэра Компота.

И сэр Компот, а также все вокруг влиятельные господа из того самого закрытого клуба самых влиятельных людей, и понять ничего не могут за Емельяна, а также за сэра Компота, то есть Гарольда, который им всем был как брат, а тут такое о нём вдруг выясняется, – сэр Гарольд самозванец. И теперь все с открытыми навывкат глазами, а кто-то (сэр Компот) и с открытым ртом, стоят и ждут от Емельяна объяснений.

А Емельян не считает себя обязанным кому-то ни было объяснять, что он имел в виду, так сэра Компота сокрушая с его постамента непререкаемого авторитета, а он продолжает продвигать свою мысль. – А там говорят, не плохо учат арифметики и экономическим дисциплинам, раз стоимость обучения там таких бешеных денег стоит. Есть такое? – Емельян обращается с вопросом к сэру Компоту. А тому ничего другого не остаётся делать, как поддакнуть Емельяну: «Есть такое», а иначе подозрение насчёт его необразованности, получив для себя новые факты, укрепитя в сознании других

сэров, уже косо на него посматривающих со стороны.

– Так вот, маржа в случае со всеми этими художниками выходит просто фантастическая. – Емельян продолжил свои рассуждения. – А в каких случаях она бывает такая запретельная? – задаётся вопросом Емельян и сам же на него отвечает. – Всё верно, в спекуляционных. А всякая спекуляция, это подлог реального положения вещей своей иллюзорностью. И из всего этого, что я здесь вижу, я делаю вывод, что здесь имеет место картельный сговор искусствоведов, за спиной которых стоят вот такие беспринципные типы как вы, сэр Компот. Где художники, как вы сказали, с помощью кисточек вкладывают свою душу в картину, а вы всё это оцениваете как вам будет угодно и нужно, и за свою немалую толику продаёте этот шедевр ничего не понимающим в искусстве людям при деньгах, кому заранее внушили, что вкладываться в искусство не пережиток ума, а оно того стоит. – На этом моменте Иван Павлович, в своём воображении всю эту ситуацию и представивший, делает остановку и уже вернувшись к себе из всего этого представившегося видения, подводит для себя итог.

– А ведь и в самом деле, мы там, в этих художественных галереях, платим, в общем-то, за иллюзию. И только ли там? – спросил себя Иван Павлович, глубоко задумавшись.

– Собрать воедино всю ту значимость, которую создаёт иллюзия, и которая для каждого индивидуума олицетворяет его самую заветность, за которую он готов отдать свою ду-

шу, своего рода концентратор желаний, излучающий иллюзию, – а это и есть точка сингулярности в области творения, где в своей кульминационной точке накопления творческого потенциала, происходит творческий взрыв и рождение шедевра, – и, завладев человеческими умами, творить. И это не иллюзия, а самая что ни на есть реальность. Кому она видится в виде того же художественного шедевра, кому-то в виде любви, а кому-то... – Иван Павлович на этом месте задумался. – Надо провести эксперимент. И участвовать в нём должен тот, кто реалист из реалистов, считающий, что он сам создаёт эту реальность. – Иван Павлович покосился в сторону Орлова и задержался на нём изучающим взглядом.

Когда же им посчиталось, что он всё для себя увидел и решил, он вернулся к происходящему в кабинете для совещаний в широком составе. Где сейчас всё внимание и все вопросы также были обращены в сторону Орлова.

Но вот что на самом деле задумал этот господин Орлов, во многом непредсказуемый для этого совета директоров человек, оттого он и ходил в вице-президентах, а не президентах, от кого ждут как раз предсказуемости, то этого никто из совета уразуметь не смог. И когда все покинули конференц-зал со всем этим непониманием Орлова, а там остались сам Орлов и Иван Павлович, то последний проводив последнего члена совета до дверей, дождался, когда дверь за ним закроется, после чего посмотрел на Орлова и с долей ехидства во взгляде спросил Орлова. – А может аукнется?

Орлов, давно уже занявший своё прежнее положение за столом, со своей вальяжностью сидения, внимательно посмотрел на Ивана Павловича и не согласился с ним. – Нет, зевнётся. И здесь принципиальная разница. – Продолжил он. – Что есть аукнется? Это производная от «Ау», то есть поиск, найти. А что такое есть зевота? Это тоже отчасти свой поиск. Но только не во внешних пределах человека, а в его внутреннем копании себя, в его внутренней компоненте. И это не потерявшаяся частность, а это куда глобальней для человека. Поиск себя и своего значения, определяет его жизнь и будущее. И можно сказать, что скука, чьим физическим выражением явилась зевота, наряду с ленью является локомотивом человеческого движения вперёд, ещё называемым прогрессом.

– Ну, ты и загнул. – Усмехнулся Иван Павлович.

– Таковы реалии нашего мира и другого не дано. Так что, ты готов искать? – С полной серьёзностью умозаключил Орлов.

– А что искать, когда и так всё ясно. – С прежней иронической невозмутимостью ответил Иван Павлович. – С какого места начал свой взлёт стартап, на том месте он и замкнётся. То есть на тебе. – Пронзительным взглядом посмотрел на Орлова Иван Павлович. И теперь в нём и не было никакой возможности усмотреть какой-либо несерьёзности, взгляд Ивана Павловича был неумолимо холоден и жёсток.

– Так какие ваши планы? – после этой внимательной друг

к друг паузы, спрашивает Иван Павлович.

– Как и обычно. Ограбить этот мир. – Заявляет Орлов.

– И под каким соусом? – интересуется Иван Павлович.

– Мир нынче глобален, отсюда и свой вывод. Глобальной неприятностью на подобии вселенской катастрофы. А по-другому и не встряхнёшь этот мир. – Заявляет Орлов.

– Хорошая встряска всем нам не помешает. – Задумчиво говорит Иван Павлович. – А, судя по тому тупику, что стоит на лицах этих людей, – а уж кому-кому, а не им жаловаться на свою судьбу, – то они для себя никакого выхода не видят из создавшегося сейчас в мире положения. Где ничего не растёт и что удивительно, не падает, а находится в одном нулевом положении.

– Затишье перед бурей. – Делает свою вставку Орлов. Иван Павлович вначале не понял, что он сказал, а потом уразумев, повторил. – И точно, как перед бурей. – После чего он подошёл к столу, строго напротив Орлова, взялся руками за спинку стула и обратился к Орлову. – Ты знаешь моё отношение ко всем этим прогнозам. Не терплю я всю эту спекуляцию на моём доверии и игру на разуме. Но всё же скажи мне, какие у тебя на их счёт прогнозы? – спросил Иван Павлович, кивнув в сторону дверей.

– Сдуются. – Без раздумья ответил Орлов.

– Это и для них предсказуемо, – рассудил Иван Павлович и, отстранившись от стула, выпрямился, посмотрел за спину Орлова, затем взглядом вернулся обратно в кабинет и, вытя-

нув вперёд руку так, как будто он нащупывает действительность на предмет её погоды, нет ли дождя, многозначительно обратился к Орлову. – А как насчёт дождя?

– Дождя? – в некотором затруднении понимания Ивана Павловича, переспросил Орлов вначале себя, а затем уже обратился с вопросом к Ивану Павловичу. – Какого дождя?

– Который к чёрту смоеет весь этот рынок, в который превратился наш мир. – В таком эмоциональном накале всё это заявил Иван Павлович, что Орлов и сам поддался, сделав интересное и весьма опасное предположение. – Нашу биржу, что проводится в стенах нашего здания?

– А что не так? – спросил Иван Павлович. – К тому же обрушать легче всего то, что тебе ближе и знакомо. Тем более, она есть иллюзия, эфемерность. Мы-то с тобой отлично знаем, что она из себя на самом деле представляет и что она существует не для того чтобы создавать ценности, как всем это декларируется, а она служит лишь для того чтобы зарабатывать на тех, кто на ней играет. А на бирже, как и в казино, выиграть может только тот, кто владеет этим казино. – С хитрым прищуром посмотрев на Орлова, тихо проговорил Иван Павлович, напугав Орлова даже не этим своих замышлением, а такой своей откровенностью, на которую он, как думалось Орлову, он не способен. – Что он на самом деле задумал? Что он хочет этим в итоге добиться? – в голове Орлова немедленно возникли все эти вопросы. Но ответа он не смог на них получить, как бы не ломал голову.

А Иван Павлович мигом примечает всю эту тревогу в Орлове и в момент переводит тему разговора.

– А на мой счёт? – последовал вопрос Ивана Павловича.

– Что на ваш счёт? – не понял Орлов чего хочет Иван Павлович.

– Прогноз. – Уточнил Иван Павлович.

– Не даю прогнозов, когда всё очевидно. – Ответил после небольшого раздумья Орлов.

– Что ж, понимаю. – Задумчиво глядя на Орлова, сказал Иван Павлович. – И что же мне делать в моём случае? – и не пойми кого спросил Иван Павлович.

– Полагаться на судьбу, или на крайний случай, на удачу. – Ответил Орлов.

– Интересно. – Проговорил Иван Павлович. – Ну а само что будешь делать, если вдруг понадобится спрогнозировать свою жизнь? – после небольшой паузы спрашивает Иван Павлович.

– А я не вижу повода и оснований для этого. – С вызовом отвечает Орлов, приподнявшись с места. – У меня в жизни всё в ажуре. Ну а если подобная мысль посетит меня с похмелья, то я пойду либо в бар, либо после бара к психоаналитику.

– Интересно. – Повторился Иван Павлович, глядя куда-то вдаль, сквозь Орлова. И видимо он в этой неизведанной дали что-то для себя чрезвычайно интересное сейчас увидел, – а Орлов, сидя к этой неизведанности спиной и увидеть ни-

чего не может, а поворачиваться не смеет, – что он отрывается руками от спинки стула, на которую он опирался, и выдвигается вдоль стола, чтобы обогнуть его и в итоге подойти к панорамному окну, ограждающему собой этот кабинет от улицы.

Здесь, у окна, он замирает в одном внимательном к чему-то положении и таким образом, завладевает всем вниманием Орлова, который, наконец-то, обернувшись к нему, теперь пытается заглянуть в это окно, и если не увидит, то догадаться о том, что так заинтересовало Ивана Павловича. Что ему не удаётся сделать, и он только и ждёт удобного для себя момента подняться на ноги и подойти к окну, чтобы там увидеть то, что увидел Иван Павлович.

И этот момент настаёт, и всё не без помощи всё того же Ивана Павловича, который, не сводя своего взгляда от окна, берёт слово. И это слово всё то же – интересно. А как только он в третий раз за эту пятиминутку повторяется, то он делает знаковую паузу для Орлова, который должен за время её длительности сообразить подняться на ноги, подойти к окну в том месте где он стоит и увидеть то, что вызвало такой интерес у него.

И надо отдать должное сообразительности господина Орлова, он справился со всем этим, где он в итоге увидел в окне то, что так заинтересовало Ивана Павловича. Правда, ему совершенно невдомёк, что такого интересного и замечательного он мог увидеть в тех двух людях сидящих на скамейке, у

прилегающей к зданию площади – а то, что именно эти люди так видимо заинтересовали Ивана Павловича, то Орлов, за- просто умеющий по направлению взгляда человека уточнять точку его приложения, в этом не сомневался. И хотя эти двое людишек на скамейке были ничтожно малы в своих размерах с этого расстояния и их лица сливались в размытость в фокусе всё того же расстояния, Иван Павлович точно на них смотрел и был в них так заинтересован, как он выражался, а всё потому, что там больше не на кого было смотреть – сейчас на площади было до удивления пустынно.

А Иван Павлович между тем, как только Орлов тут к нему присоединился, берётся за продолжение своего рассуждения. – Чем мы от них отличаемся, – с задумчивым видом задаётся вопросом Иван Павлович, – если нас в итоге одно и то же ждёт? – Что до удивления странно слышать господину Орлову, никогда такими вопросами не задававшемуся. А всё потому, что ему не было необходимости в этом, и он считал себя и всех остальных людей, само собой разумеющимся объектом природного права, о чём и спрашивать не нужно, его самость самого себя и так всё за него подтверждает. Вот как-то так. А то, что Иван Павлович решил тут покопаться в себе и выяснить для себя, в чём он в приоритете у природы, то Орлов не осуждает его за такую свою завуалированную гордыню, где он хочет через это сравнение себя с людьми обыкновенными, немного пощекотать свои нервы лестными на счёт себя выводами, а всё потому, что это свойственно

человеку, жить в своём сравнении с другим человечеством.

Ну а сравнивать он умеет, где при этом это сравнение всегда почему-то идёт в его пользу, даже если он голытьба подзаборная. Что же касается Ивана Павловича, то у него и такого рода людей, конечно, нет таких преимуществ, на которые опирается всё та же голытьба, меряющая мир своей нескрываемой свободой, которую у него не отнять, но у него зато есть другие преимущества перед всеми другими людьми. Например, талант и креативность мышления, которая и приводит к тому, что представители его круга, даже не из любви к процессу, а так мысля, возомнят о себе немало и с этим возвышением себя над всеми и живут. И это не проверенные слухи со стороны средств массовой информации, только этим и живущих, а это всё по себе знал Орлов, и сам частенько пребывающий в таком же состоянии избранности. Я, мол, весь из себя такой талантливый и креативный, что и сам себе завидую. И это моя природа и не моя природа в общем-то, а это я сам себя создал такого успешного и сам всего достиг, благодаря своему таланту, а не какая-то там среда, на которую я плюю, оппозиционно к ней настроенный.

А быть в оппозиции и вечно недовольным при таком-то успехе на лицо и в своей светлости, есть одновременно когнитивно диссонансно и в тоже время особый шик у этой самоизбранности, которая в своей гордыне, ещё называемой только ими, интеллектуальной начинкой креативности, совершенно оторвалась от реальности, забыв свои корни и счи-

тая себя вершиной сознания.

А Иван Павлович тем временем, продолжает нагнетать обстановку, задаваясь новыми вопросами. – И как мы поведём себя в конечном итоге? Настолько же разنو и отличимо, как мы друг другу видимся? – А вот этого всего загрустнения и затуманенности мыслей Ивана Павловича, Орлов уже не может понять. Да так не может понять, что эта его вопросительная мысль запала ему в память. – Что вы, Иван Павлович, имеете в виду? – задаётся вопросом Орлов, совершенно не видя в тех типах на скамейке того, что в них есть такого, что могло бы вызвать в Иване Павловиче такого пессимизма в мыслях.

– Вот мы смотрим на них, – продолжая смотреть перед собой, заговорил Иван Павлович, – и что мы видим. А видим мы свою иллюзорность, с их существованием в ней. Ведь как бы они нам реально не представлялись, они для нас живут в своей отличной от нас реальности, которую по праву её стороннего от нашей реальности существования, можно назвать их иллюзорным миром. И в свою очередь наши реалии жизни для этих сторонних людей, существуют в своём иллюзорном мире их представлений. – Здесь Иван Павлович резко поворачивается к Орлову и застаёт его врасплох вопросом. – Вот что они, глядя на нас со своей стороны, думают о нас и о нашей жизни? – Орлов от этой напористости Ивана Павловича замешкался с ответом, принявшись его искать не в ответном взгляде на Ивана Павловича. Где он с озабоченным

видом упёрся взглядом в сторону этих людей на скамейке, на которых он уже и так много смотрел, и принялся по их удалённому и по большому счёту, который им в их этом положении мало доступен, а по малому, будет в самый раз, ничего знакового собой не представляющих, угадывать их умопостроение на свой и Ивана Павловича счёт.

И тут не трудно догадаться о том, что Орлов принялся вслух озвучивать больше свои домысливаемые догадки, чем что-либо другое.

– Они считают, что мир несправедлив, таким образом распределив свои блага. Где одним ничего, а другим всё. Где они должны ежедневно жить в подчинении и в обязательствах перед самим собой, а вот мы, баловни судьбы, по их мнению, только тем и занимаемся, что растрачиваем свою жизнь за зря, ни о чём серьёзном не думая. – Сказал Орлов.

– Рассуждаешь штампами. – Перебил Орлова Иван Павлович. – Впрочем, это первое, что придёт в голову любому человеку. Он ведь по своей сути привычен, то есть его жизненные действия ограничены заложенными в него схемами поведения, которые сформированы на основании инстинктов и генетической памяти, со своим опытом. Но я не о том хотел поговорить. – Теперь уже самого себя перебил Иван Павлович. – Меня интересует вот что. – Сказал Иван Павлович, бросил взгляд в окно и, вернувшись обратно, заговорил. – Видя, то есть принимая за реальность эту их, как бы иллюзорность, мы реально видим этот их мир, или же мы

только так его можем видеть, считая за иллюзию. И получается, что это наше представление их иллюзорности, есть наша иллюзия, которая в свою очередь есть наша реальность. И всё в итоге есть наш самообман и иллюзия. И, чёрт возьми, как во всём этом разобраться! – Иван Павлович видно сам во всём этом запутался, раз проявил себя так эмоционально не воздержанно. Ну а если он сам во всём этом запутался, то куда там Орлову, стоящему в стороне от всех этих его глубокомысленных рассуждений. И Орлов стоит молча и ждёт, когда Иван Павлович придёт в благоразумного себя и соберётся с мыслями.

И Иван Павлович собрался с мыслями и обратился к нему с вопросом. – И всё же, чей мир, наш или их реален. Как считаешь? – Иван Павлович только задался этим вопросом и, сразу, не давая возможности Орлову на него отреагировать, пустился дальше в рассуждения. – Хотя не важно, как ты, я и они по этому поводу думают и считают. А вот что на этот счёт считает сама реальность, то вот это мне было бы интересно знать.

А вот на это Орлов даже и сообразить, что сказать не знает, совершенно не понимая, что Иван Павлович под этим хочет сказать и чего добивается. И Орлов лучше промолчит, чем своим не в тему вопросом вызовет у Ивана Павловича свои сомнения на его умственный счёт.

А Иван Павлович видимо догадался, что Орлов так к нему оппозиционно настроен, и он обращается к нему с прежним

вопросом. – Ну так как ты всё-таки считаешь. Чей мир более реален, наш или их? – После чего ещё добавил. – И постарайся на это посмотреть со сторонней позиции, а не той, что ближе.

И хотя Орлову очень сложно смотреть вокруг и на себя со стороны, он всё же попробует, если на этом настаивает Иван Павлович, всё-таки президент компании, и ему с его положения виднее, на что и как смотреть. – И Орлов вначале посмотрел со стороны на Ивана Павловича, что ему было сделать легче лёгкого, с его и так стороннего положения, затем он посмотрел со стороны на всё тех же типов со скамейки, что у него опять же не вызвало особых затруднений, и как итог, он постарался выставить себя для себя сторонним человеком, до которого ему так мало дела, как и до всех остальных. И хотя это потребовало от него многих сил воли и концентрации духа, – очень тяжело расставаться с тем, с кем жизненно свыкся и помыслить без кого себя не может, – он сумел-таки на минуту другую, оставить себя брошенным самим собой, на произвол судьбы случая. Что и привело его к несколько неожиданным для себя выводам, когда он, запыхавшись от головокружения, чуть не потерял самого себя бестелесного и витающего почти в облаках (на этой-то высоте, в них только и витает, даже если ты находишься в здании).

А ведь ему, оказавшемуся от себя в стороне и всё по собственной воле, в это момент не за что было удерживаться, –

у него не было никаких физических оснований для этого в виде своего тела, – и его ментальное тело, в котором он пребывал эту минуту другую, чуть сквозняком не выветрило в форточку, а там прямиком в самый низ, где один из этих типов на скамейке, в этот момент сладко зевнул и ... А дальше, летящий прямиком в эту раскрытую пасть этого типа господин Орлов (его всё-таки выветрило и продуло), пребывающий в своей ментальной бестелесности, закрыв глаза от страха при виде этой оскалившейся бездны, и не понял, что произошло. Был ли он заглочен в себя этим оскалившимся в зевоте типом и далее им частично переварен в свою действительность, или же ему удалось сквозь него напрямую пробиться дальше и выскочить через нижний выход, ударившись об землю, то об этом Орлов и думать не хочет. Главное то, что когда он открыл глаза, то он хоть и был частично не в себе, его пошатывало и тошнило, но он ощутил себя в самом себе, и это было для него главное.

К тому же этот полёт его мысли не прошёл для него даром и без последствий, и ему многое чего из того, что раньше им никогда не думалось, в голову вдруг надумалось.

– Я считаю, что наш мир более реален, чем их. – Кивнув в сторону окна, сказал Орлов. А Ивану Павловичу интересно послушать, почему Орлов так считает. И он со всем вниманием к нему пододвигается и всем собой выражает, мол, давай говори, я слушаю. А Орлов и без этой просьбы собирался сказать и обосновать аргументами эту свою позицию на себя

и на тех людей со скамейки, кто с некоторых пор принялся не давать ему покоя, и Орлову даже местами стало казаться, что он одного из них, того, кого он увидел в зевающем виде, частями понимает, а другой частью себя, ощущает.

Вот, например, тому вдруг где-то зачесалось, то и Орлову немедленно захотелось у себя в том же месте почесать. А захотелось тому типу почувствовать в своём животе голодное неустройство, как Орлову тут же захотелось что-нибудь съесть жирного. А вот смотреть на мимо проходящие аппетитные булочки, по мнению Орлова, нисколько не уменьшат твой аппетит. А он, наоборот, ещё больше разыграется, и притом не только в физическом плане. Но всё это пока только неосознанно осознавалось и ощущалось Орловым, так что он всему этому не придал особого значения, принявшись излагать свою позицию на реальность своей действительности и существования.

– И основания так за себя думать, у меня более чем существенные. – Орлов сделал это утверждение и пустился в аргументацию этой своей позиции. – Потому что направление их мысли направлена в нашу сторону, и они всеми собой хотят, чтобы наши реалии жизни стали и для них реалиями жизни. Для чего они готовы отказаться от своего настоящего положения, в котором они сейчас пребывают, признав его всего лишь временной иллюзией, не их настоящей жизнью (я создан для нечто большего, или по крайней мере, не для такой жизни в нищете физики, но не мыслей). – Орлов сде-

лал паузу и продолжил. – А вот это направление мысли, и вслед и жизни, и определяет в нашем мире пространственно-временного континуума, что есть реальность, а что нет. Здесь именно направление движения определяет реальность и даёт понимание значения иллюзии. Так временная стрелка времени всегда движется по часовой стрелке, само время направлено от прошлого к будущему, и всякий низ предшествует росту со своим подъёмом вверх.

– С последним обстоятельством я бы поспорил. – Вдруг вставил своё замечание Иван Павлович и не пойми на что для Орлова намекающий. – Движение в сторону падения, не реже в жизни человека встречается. – И Орлов от этих каверзных слов Ивана Павловича сбился с мысли и замолчал в недоумении насчёт Ивана Павловича.

А Ивану Павловичу хоть бы заметить все эти затруднения Орлова на свой счёт, но нет, и он без всякого понимания со своей стороны этой заминки Орлова, пускается в свои рассуждения. – Всё-таки этого будет недостаточно, чтобы делать итоговые выводы. Тем более, когда тебя всё устраивает в твоей жизни и тебе ничего не хочется менять. И оттого тебе в такой незыблемой реалистичности и мыслится твой мир. И хотя во мне всё тоже самое, не желающее ничего вокруг себя менять, присутствует, всё же наравне с этой неизменностью, во мне есть такая часть меня, которую такая незыблемость совершенно не устраивает, и она хочет многое пересмотреть в этом окружающем и во мне мире.

– Но как? – спросил Орлов.

– Лакмусовая бумажка, в современной её интерпретации. – Дал ответ Иван Павлович. А Орлов и не поймёт, о чём это Иван Павлович. – Вы это о чём? – спрашивает Орлов.

– Всё на самом деле просто. – Заговорил Иван Павлович. – На основе некой элементарной единицы, представляющей из себя объективность среды, – это должен быть независимый от человека объект, который не может быть подвержен влиянию всего человеческого и в тоже время, может оказывать на человека своё влияние, – определить реалии и заодно выживаемость объекта проверки. – Уж совсем туманно для Орлова сказал Иван Павлович. И понятно, что Орлов ничего не понял из сказанного Иваном Павловичем. – И что это всё значит? – спросил Орлов.

А Иван Павлович делает загадочный вид и замысловато так говорит. – Некоторые выводы даются и делаются в результате не постановки в известность объекта тестирования. – Иван Павлович делает внимательную к Орлову паузу и спрашивает его. – Так что, хотите узнать? – А Орлов и не уразумевает, о чём его тут спрашивает Иван Павлович и при этом перейдя с ним на официальное «вы» обращение. Что хочешь, не хочешь, а затруднит понимание Ивана Павловича, а также того, что же на всё это ему ответить. И Орлов единственное, что смог и ответил, так это: Я не знаю.

– Есть страх? – интересуется Иван Павлович, взглядываясь в Орлова.

– Любая неизвестность, полагается, рождает это чувство. – Даёт ответ Орлов.

– Но любопытство всегда его сопровождающее, всё же сильнее. Ведь если откажитесь, то вас обязательно будет ждать своё разочарование, с мучающими вас мыслями, пытающимися разгадать эту, отныне не разгадываемую для вас загадку. – Однозначно со знанием всего этого дела и того, что бывает с тобой, когда ты проявляешь нерешительность, а прямым словом, трусость, вложил в душу Орлова это заверение Иван Павлович. И Орлов попался.

– Не откажусь. – Хотел бы уверенно, но как получилось, так и получилось сказать Орлову в ответ Ивану Павловичу.

– Тогда на этом пока всё. Счастливого пути. – С такой нескрываемой усмешкой заявил это Иван Павлович, что эта его фраза крепко засела в голове Орлова, приведя в итоге его к одной решительной мысли. А вот к какой, то это выяснится спустя свою совокупность событий, которые и приведут его под двери одного специфического заведения, о котором будет рассказано в своё время и в своём месте.

Глава

6

Игры разума почему-то всегда происходят за счёт других людей. В чём в очередной раз приходится убедиться и в этом убеждаешься, даже видя, из чего всё рождается.

– Ну и к чему вы пришли? – обратилось с вопросом к Ор-

лову его доверенное лицо, Семирамид Петрович.

– К чему?! – нервно так переспросил Орлов, отбросив от себя телефон, которым он, как понял Семирамид Петрович, сдерживал себя. – А разве по мне не видно!? – И, хотя по Орлову многое что видно, Семирамид Петрович не стал влезать словами в столь нервные сферы понимания Орлова и счёл за лучшее промолчать. Что было верным решением, к тому же Орлов и сам всё за себя объяснил. – К моему беспокойству насчёт будущего нашей компании. Когда отвечающие за её стратегию развития люди, перестают мыслить возложенными на них их обязательствами категориями разумения, – да какое к чёрту разумение, это какое-то безумие, – делает эмоциональную оговорку Орлов, – то я начинаю более чем беспокоиться за них и за компанию. – На этих словах Орлов многозначительно так посмотрел на Семирамиду Петрови-ча, что тот вынужден был замереть в себе и своих мыслях. И так они, не шелохнувшись с минуту другую, стояли друг на-против друг друга, пока Орлов не счёл, что Семирамид Пет-рович до сих пор заслуживает его доверия и не сдаст его ко-му надо.

– Ладно, разберёмся. – Усмехается Орлов, тем самым раз-ряжая обстановку в кабинете. – А нашего специалиста по технологиям нужно будет поторопить.

– А разве мы его недостаточно мотивируем для прогрес-са? – спросил Семирамид Петрович.

– Для прорыва нужна другая мотивация. Причём для

всех, и тут полумеры не пройдут. А то человек, как существо социальное, обязательно побежит искать для себя утешения в лице того, кто рядом. А тот ему и не откажет, пребывая в полном достатке. А вот если и он будет пребывать в такой же, до катастрофичности несчастливой ситуации, то им ничего другого не останется, как направить все свои силы в одну сторону, забывая в работе своих несчастий. – Заявил Орлов.

– И каким образом? – поинтересовался Семирамид Петрович.

– А разве тебе, Сёма, неизвестно, что человеку в жизни мешает развиваться и двигаться дальше. – Искоса посмотрев на Семирамида Петровича, задался вопросом Орлов. А Семирамид Петрович, может быть и знает это, но он сейчас не может сообразить, что это может быть. И он поэтому только пожимает плечами в ответ, типа я в точности этого сейчас сказать не могу. Ну а Орлов, так уж и быть, напомним ему об этом. – Счастье в личном плане, вот тот тормоз, который становится препятствием для развития научно-технического прогресса. А убери мы его, сделав человека несчастным, то ему ничего другого и не останется, как в своей работе забытья.

– Пожалуй, соглашусь. – Сказал Семирамид Петрович.

– А куда ты денешься. – Усмехнулся Орлов. – Как, впрочем, и наш дорогой друг. – Орлов многозначительно посмотрел куда-то сквозь Семирамида Петровича. Затем, не вечно же ему созерцать Семирамида Петровича, он возвращается

к нему и спрашивает его. – Ну а что там у тебя в твоей адвокатской конторе интересного? Случилось что-нибудь, что заслуживает отдельного внимания.

Из чего становится ясно, что Семирамид Петрович не был нанят корпорацией на постоянной основе, а его пребывание здесь обозначалось аутсорсингом. А если простыми словами, то адвокатская контора Семирамида Петровича, занимающаяся любыми видами юридической деятельности (а бракоразводное занятие, это было личным делом Семирамида Петровича, питавшего пагубную для него и его кошелька страсть к романтическим историям, которые часто прослеживались в такого рода делах), как в своё время адвокатская контора Орлова, была нанята корпорацией для некоторых юридических действий конфиденциального характера, о которых из-за их секретности и некоторых других аспектов этического характера, да и законодательство требовало использовать в этом деле независимый источник оценки и права, нельзя было поручить консультативному бюро Орлова (тогда могут возникнуть претензии со стороны надзорного органа, запросто могущего обвинить бюро Орлова в предвзятости оценок и картельном сговоре).

Ну а так как это дело, для которого было привлечена контора Семирамида Петровича, было крайне неоднозначного и сложного порядка, то Орлов, как человек много чего и кого знающий в сфере юридического права, а также не питающий особых иллюзий насчёт человека адвокатского звания, после

долгого выбора и раздумий, остановил свой выбор на Семирамиде Петровиче, которого он знал с давешних времён. И это в общем всё, что о нём хорошего он знал. А вот всякой нехорошей пакости он знал о нём много больше, чем хорошего. И вот эти-то его знания о паскудном поведении Семирамида Петровича, которое он себе позволял в эмоционально невоздержанном состоянии духа, с невероятными призывами и вызовами всякому здравому рассудку человека благопристойного, которые ему пока не так дорого стоили, и заставили Орлова остановить свой выбор на нём.

– Ничто так не сближает, как обоюдное недоверие и знание всего этого. – Порешил за Семирамида Петровича Орлов, записав его в самые доверенные для себя лица, кому было можно, не опасаясь осуждения и морализации с его стороны, высказать прямо в лицо всякую гадость, паскудство со своей стороны и желательную для него глупость.

– Это смотря как на всё это дело посмотреть. И может под углом человека, в буквальном смысле задействованного и заинтересованного в своём же бракоразводном деле, всё это дело смотрится, хоть и достающим ему некоторые неудобства, а так, рутинным делом, то для человека со стороны и при должном воображении, оно может предстать своей дедуктивной историей. – С художественной обработкой сделал своё объяснение Семирамид Петрович, сумев разогнать тоску и заинтриговать Орлова.

– Я люблю дедуктивные истории, но только чтобы они бы-

ли не совсем оторванные от жизни. – Сказал Орлов. – Что, поведаешь мне о такой.

– Отчего бы не рассказать за бутылкой хорошего коньяка. – С хитроумной улыбкой проговорил Семирамид Петрович, глядя чуть в сторону от Орлова. А вот куда он смотрел, то Орлов определённо догадывался, зная, что и где в его кабинете лежит. А вот откуда Сёма знает, где у него находится бутылка и в самом деле хорошего коньяку, то этого для Орлова своя загадка. – Пронырлив этот Семирамид Петрович, – сделал вывод Орлов, – нужно за ним держать ухо востро. – С чем Орлов, а также с понимающей такие пристрастия Семирамида Петровича улыбкой, – жаден до предела, даже за свою историю хочет с меня что-нибудь вытянуть, – лезет рукой в дверку встроенного шкафа, откуда им и вынимается эта полнѐхонькая бутылка. После чего им также вынимается всё необходимое, и как правило, сопровождающее такое времяпровождение сопутствие, – стаканы, всякая съестная нарезка и лимон уже порезанный, – и как только это всё за столом обустраивается, а затем и они занимают свои места друг напротив друга, то с этого момента и начинается своё повествование той истории, о которой всем нам тут решил поведать Семирамид Петрович.

А вот насколько она была правдивой, а Семирамид Петрович врал и не завирался в своём рассказе, ссылаясь на субъективность своего, как и всякого другого мировоззрения, то тут и сам бог ему не судья, когда Семирамид Петрович при-

числял себя к атеистам. Так что если у Семирамида Петровича веры ни к чему не наблюдается, то с какой это стати, мы и Орлов ему во всём должны верить, если у него такая крепчайшая позиция на всё вокруг. Что делать нам будет всяко легче, когда мы находимся от Семирамида Петровича и от его красноречия чуть в стороне, тогда как Орлов напрямую вовлечён во всё это дело, а быстро убывающий коньяк из его стакана, ещё больше способствует тому, чтобы он не слегка забылся и начал верить всему тому, чему верить в трезвом виде не предстало верить. Но Семирамид Петрович, когда ты не трезв, столь убедителен, что не поверить ему совершенно не представляется возможным сделать.

– Ну что, вы готовы услышать самую реалистичную историю на свете? – обратился с вопросом к Орлову Семирамид Петрович, как только они удобно устроились на своих местах друг напротив друга и взялись по полному стакану коньяка. И с такой не бесхитростностью и многослойностью это сказал Семирамид Петрович, что господин Орлов почувствовал в себе толику сомнения в таком своём желании приобщиться к этой тайне, которая однозначно будет присутствовать в рассказе Семирамида Петровича. А как только в его душе и сердце посеялось всё это тревожащее его сомнение, то ему на память пришли многие слова Ивана Павловича, с его дальновидными намёками на такие обстоятельства дел, где он выступит в качестве объекта тестирования некоего инструмента определения его и этой реальности.

И тут не заподозрить Семирамида Петровича в том, что он заодно с Иваном Павловичем, никак было нельзя. И для этих подозрений у Орлова в момент появилось масса убедительнейших аргументаций. Семирамида Петровича не устраивает его нынешнее положение его доверенного лица и ему, как и всякому человеку, хочется большего. Например, стать доверенным лицом Ивана Павловича, чем тот его и перекупил у него.

И господин Орлов, всё это прямо сейчас осознав, тут же претерпел изменение в своих взглядах на Семирамида Петровича, на которого он теперь смотрел без всякого доверия и настороженно. – Ну-ну, посмотрим, чем ты мне тут захочешь мою голову заморочить. – Через прищур своего взгляда глядя на Семирамида Петровича, вот так сложно для Семирамида Петровича рассудил Орлов. – И ты уж постарайся меня не разочаровать, – осветился грозным огоньком во взгляде Орлов, предупреждая таким образом Семирамида Петровича об опасности, – а иначе... – На этом месте Орлов сбился в своих мыслях, пока ещё не зная, каким способом наказать Семирамида Петровича за его предательство в своих мыслях. К тому же Орлов и сам ещё в волнении и неразумении того, что ему бы хотелось и не хотелось услышать от Семирамида Петровича.

Так, с одной стороны, ему бы было легче услышать от Семирамида Петровича какую-нибудь смешную, без всякого второго дна историю. Но тогда он обязательно почувствует

разочарование. А почему, то потому, что так сказал Иван Петрович, чьи высказывания глубоко засели в голову Орлову. А вот если Семирамид Петрович пустит в ход полную загадок, до невероятности фантастическую историю, где с первого раза, а может и с третьего, ничего и не поймёшь, – так в ней всё замысловато рассказано и в этих смыслах переплетено, запутано и местами перепутано, – то господин Орлов, хоть и уважением к себе наполнится, – всё-таки уважают они мой ум, вон какую несусветную дурь для меня придумали, – всё же это несколько не облегчит его нового положения, в котором он окажется, услышав эту историю. Которая всё для него с ног на голову переставит, а он, ничего сразу не поняв, ещё долго будет разбираться с собой и с тем, где он сейчас оказался. И результат этих его разбирательств с собой и с этой новой для него реальностью, не очевиден, а совершенно для него непредсказуем.

Так что господину Орлову нужно как следует подумать, прежде чем дать возможность Семирамиде Петровичу начать его сбивать со своего прежнего умственного толку и благоразумия. Ну и господин Орлов, всё это отлично понимая, обратился за поддержкой к своему стакану, наполненного крепчайшим напитком, который всегда укреплял его дух на время, чего не скажешь о крепости его здравомыслия, которое на тоже время изменялось до неузнаваемости.

– За наше верование. – Подняв свой стакан, говорит тост Орлов, не сводя своего всё примечающего взгляда с Семи-

рамида Петровича. А Семирамид Петрович уже заждался, когда Орлов, наконец-то, даст сигнал к началу смачивания горла, и он не обращает особого внимание на все эти скрытые послы, заключённые в словах Орлова.

И вот стаканы осушены, поставлены на стол, а сами выпивохи уже закусили кислоту в своих лицах, и Семирамид Петрович, откинувшись в своём кресле, посмеив закинуть ногу на ногу, – как-никак, он на данный момент главное лицо, – созерцательно посмотрел на Орлова, который теперь ему отчасти видится в дымке своего пренебрежения, которая начала образовываться в результате действия принятого внутрь крепкого напитка, и сделав глубокий вдох, который должен был привести во внимательное к нему состояние Орлова и заодно привести его в волнительное состояние души (мало ли он чего тут ему расскажет), приступил к рассказу.

– Жили, были старик со ста... – здесь Семирамид Петрович по известным только ему причинам сбивается, а то, что думает на этот счёт Орлов совсем неважно, затем мысленно себя поправляет и продолжает свой рассказ с небольшими правками в первоначальную версию.

– Нет, – говорит Семирамид Петрович, – слишком я забежал вперёд. А жила, была ещё задолго до этого прожитого большую часть своей жизни времени молодая пара, ещё влюблённая друг в друга и не успевшая ещё через бытовые проблемы попортить жизнь друг другу, и познать себя и своего партнёра в ненависти и пренебрежении опять же друг к

другу. Где их впереди ждёт и горе и радость в своей дозированной норме, как на то за них рассчитала их судьба, а не они сами, хоть об этом и заявляли во всеуслышание в ЗАГСе, когда там давали клятву на верность друг другу, обещая все эти радости и горе преодолевать всегда вместе, а не как это у них в реальности получится. Где, как оказалось, радость иногда получать по раздельности куда как интересней этой совместной обыденности, которая затирает остроту ощущений, а горе уж такая субстанция, что оно всегда только отдельно в полной мере ощущается и понимается. Но до этого понимания ещё далеко и сейчас говорить не ко времени. – Сделал знаковую оговорку Семирамид Петрович, а Орлов отлично его понял, наполнив по-новому стаканы. После чего они (стаканы) без всякого предисловия приговариваются к своему осушению и Семирамид Петрович, ещё не прожевав колбасную нарезку, пустился дальше в свои объяснения.

– Ну а много ли надо тем людям, кто находится на пути к своему полному счастью, когда ими уже практически ухвачена за крыло птица счастья. Да только самая малость. Новое корыто, по мнению новобрачной. Чтобы тебя, мой милый, всегда по утрам ждала чистая одежда. На всё готова новобрачная, чтобы её милый ни в чём не чувствовал недостатка. А то, что она полностью заполнила его жизненные пустоты, не оставляя там места ни для чего больше, то его милая считает, что не нужно так сгущать краски, тем более, как бы ты их не сгущал, всё равно место остаётся для твоего воображения.

Ну а милый милой полностью разделяет её мнение на себя всегда в чистом. Вот только он не полностью её уразумет в том, что она имеет в виду, так на него демонстративно и вся в себе открыто смотря, когда говорит об этой надобности для их быта.

– А ты подумай милый, куда бы нам было желательней сходить, когда на тебе была бы надета новая и только вчера постиранная сорочка из аглицкой мануфактуры. – Многозначительно так, говорит милая, своей полной открытостью во всё ставя в несколько неловкое положение своего милого, у которого между прочим, есть не только чувства, но и рефлексы на всё это её демонстративное проявление себя. И милый прежде чем подумать об этом, что невероятно сложно сделать, когда твоя милая так сбивает тебя со всякой разумной мысли, увлекая и направляя твою мысль только в одну сторону, подумал о том, что его там, куда направила эта его мысль, будет ждать, и лишь только после этого, путём концентрации мысли, вопросительно ответил. – В кино?

И тут по недовольному лицу милой, в назидательных для милого целях тут же запахнувшей свой халатик, не трудно догадаться о том, как ошибочно рассуждает её милый, приводя свою милую в кино. Куда девушки незамужнего звания, только и водятся на этапе своего ухаживания, а никак после того, как она согласилась сопровождать его в дальнейшей жизни. А дальнейшая, уже совместная жизнь, подразумевает повышение планки заинтересованности в тебе твоей отны-

не и навсегда супруги. Где она тебя и кино с тобой каждый день и вечер перед собой видит, и ей, чтобы как-то отвлечься от этой обыденности, нужно что-то больше, чем кино. Ну, например, театр. О чём видимо и не подумал её милый. И она его за это не попрекает и само собой прощает, ведь он её милый и такие мелкие разногласия и его не точности её понимания укладываются в эту милость.

– Милый, – искоса посмотрев на милого, говорит милая, приведя его во внимание, – вы, наверное, просто запомнили о театре. – И ведь точно, и милый и вправду запомнил о театре, тогда как милая о нём помнит и ему об этом если надо напомнит. Ну а то, что милый о театре так забылся, то для этого есть смягчающие его вину обстоятельства – в их городе нет настоящего театра, а всякая там самодеятельность не может за это высокое искусство считаться. О чём прекрасно знает милый, не раз слышавший в устах своей милой такую категоричность суждения. – А раз их местожительство испытывает такой недостаток искусства, то что же тогда делать? – прямо в лице и во взгляде на милую читается у милого. А милая не так растерянно выглядит, как милый и она явно знает ответ на этот вопрос.

– А мы милый, уедем отсюда туда, где есть театр, куда ты будешь меня водить по выходным в своей пахнущей свежестью рубашке из аглицкой мануфактуры. – Милая в одно предложение, для понимания себя и своего стремления сделать жизнь своего милого привлекательней и интересней, всё

расставляет на свои места. И у милого только одно затруднение возникает – его интересует, где и на что они там, в этом городе, где есть театр (а если там есть театр, то и жизнь там не так проста и дешева, как у нас, как я понимаю), будут жить.

А у милой прямо в сердце всё защемило при виде проявления такой заботы и беспокойства об их будущем у её милого. И она, не имея возможности сдержаться от проявления своей чувствительности, приближается к милому, обхватывает его шею горящими от нетерпения близости руками и, уткнувшись в него носиком, глядя глаза в глаза, говорит. – Ух ты какой у меня практичный и заботливый. Я знала за кого шла, выбирая тебя. – На этом моменте у милого и милой одновременно слёзно запотевают глаза и начинает всё в голове кружиться в мыслях. Где последнее, что помнит для себя милый, то это подразумевающие решение слова милой, звучащие из какого-то далека, сквозь шум летящего в темноте поезда, постукивающего колёсами на стыках рельс. – Я устроюсь в театр, а ты по своей части. Так что, поехали?

«Поехали. – Другого ответа и не могло прозвучать в ответ на этот полный доверительности взгляд», – говорит Семирамид Петрович, с такой неоднозначностью во взгляде глядя на Орлова, что тот, соображённый этим уверяющим его в чём-то взглядом, рукой потянулся к бутылке, затем наполнил бокалы и после их в залп осушки, каждый из участников этого разговора взялся за своё.

– Так на чём я остановился? – на этот раз прожёвывая

колбасную отрезку вместе с лимоном, Семирамид Петрович начал вести себя несколько дерзновенно, позволяя себе вот такие отступления. А Орлов, имея полное право и возможность напомнить ему о том, что он забывается, ведя себя так с ним на равных, ничего такого не высказывает, а убеждённый его обаянием рассказчика, помыкает собой, заявляя: Поехали.

– Поехали? – с долей удивления переспрашивает Семирамид Петрович, не сразу уразумев, что этим хочет сказать Орлов. А как только он по осоловевшим глазам Орлова понял, а частично догадался о том, насколько отстранён от действительности Орлов, – слабак этот Орликов, – то он, перевалившись через стол, без спроса берёт бутылку, затем из неё добавляет крепости в стаканы и к не возражению со стороны Орлова, на которого ему плевать и только бы посмел он ему возразить, стаканы вновь осушаются. Ну а как только Семирамид Петрович получает этот вдохновляющий его на всякие рассказы и поступки толчок, то тут-то они и поехали.

– Значит так, – уткнувшись в одну точку, заговорил Семирамид Петрович, – жили, были рядом с собой в одной плоскости люди, имеющие насчёт друг друга свою жизненную позицию и планы.

– Что-то новенькое. – Пробубнил себе под нос, отчасти озадаченный, а отчасти удивлённый Орлов, мутными глазами глядя перед собой в одну точку, видя там уж точно не то, что мог бы подумать находящийся в этой области обозрения

Орлова Семирамид Петрович. При этом и сам Семирамид Петрович начал погружаться не в то чтобы во всё собой рассказываемое, а он вдруг охватился таким у верованием во всё им тут рассказываемое, что уже не мог отделить правду от вымысла, без которого не подаётся вслух ни одна самая правдивая на свете история.

— — —

Ну а к чему всякое верование, а в особенности такое (а уж что говорить о том, когда ты сам уверуешь в тобой же сказанное), ведёт, то тут пояснять и объяснять ненужно, в связи с предсказуемостью и очевидностью последствий поведения того человека, кто под воздействием возбуждающего воображение напитка и художественности рассказа рассказчика, уверовал в нечто такое, что только ему и в голову прийти могло, а затем и попытался всё это осуществить, для начала распугав всех в офисе своим разыгравшимся в воображении видом человека с припадками ярости и безумием во взгляде.

Ну а что происходило в тот вечер с господином Орловым и что обо всём этом, происходящим с ним он думал, то, скорей всего, он и сам не в курсе всех тех дел, которые происходили в тот вечер в его голове. При этом объяснить ему хоть либо что-то, не был не способен никто, в том числе и Семирамид Петрович, чей вид был ненамного лучше господина Орлова. И хотя Семирамид Петрович, как бы выступал проводником всех идей господина Орлова, который требовал от него, чтобы он немедленно вёл его к успеху, было без осо-

бенного труда видно, что Семирамид Петрович совершенно не справляется с этой для себя ролью, раз за разом спотыкаясь об свои ноги, и господину Орлову самому приходилось брать Семирамида Петровича в свои руки, – Сёма, подлец, вставай, – и направлять его ход.

Так что при таком разрозненном в мыслях раскладе дел, не трудно предопределить дальнейшие события с ними, которые в итоге и привели к тому, что они, расходясь во взглядах на этот мир друг с другом, в результате разошлись, а точнее, потерялись друг с другом. А вот куда и в какую сторону они отделились друг от друга, то это ими выяснилось только по утру и не сразу, а каждым в отдельности и по-разному. Хотя они, как говорила охрана на выходе из здания корпорации, вышли единым целым из лифта, затем совершенно не стесняясь и не реагируя на общественное мнение, смело так друг друга обнявши, с вызовом всё тому же общественному мнению глядя перед собой и выражая себя нечленораздельными матами, добрались до дверей, ведущих на выход из здания корпорации. Здесь господин Орлов на месте запнулся и остановившись, мутным взглядом обозрев окружающее, сделал неприличный жест рукой и громко проверил охрану на сообразительность.

– А это вы видели!?! – заорал на весь холл господин Орлов, демонстрируя этот неприличный жест. А в ответ никто и ответить ничего не может, понимая, что этот вопрос господина Орлова, был вопросом на засыпку. С помощью кото-

рого он проверял на сообразительность охрану, которая, как ему стало известно из обнадёживающих источников, не проявляет должного усердия и знаний в деле этикета. Где чётко прописано, что замечать некультурность поведения человека быть может скотского, но тем не менее, рядом с тобой в одном культурном месте находящегося, верх неприличия. И получается, что заметить охрана господину Орлову на неприличность его поведения в общественном месте, то не он прослывёт человеком не культурным, а тот, кто это всё за ним заметил, а затем на всё это ему указал.

А господин Орлов, как все в этом здании знали, до нетерпения не любит всякую некультурность поведения, и он однозначно вспылит и уволит этого некультурного охранника. Так что этот жест господина Орлова остался никем незамеченным, несмотря на все эти требования господина Орлова, быть замеченным.

Правда, он не совсем оказался незамеченным. А его вдруг заметил Семирамид Петрович, ухватившийся за него и вслед за этих утащивший его на выход из здания. Что только для здания и для тех кто внутри хорошо, чего не скажешь о внешнем запределье этого здания, которое оказалось один на один против господина Орлову, судя по его возбуждающему воображение пристальном взгляду на эту округу вокруг себя, ничего и никого не собиравшегося пропускать мимо себя.

И только они вышли из дверей небоскрёба, как Орлов

вдруг схватил за грудки Семирамида Петровича и, глядя в упор в самого него своим рентгеновским взглядом, через стиснутые зубы обратился с заявлением. – Мне нужно найти этого человека. – А Семирамид Петрович и понятия никакого не имеет, что это за тип такой так требовательно к нему обращается и что ему от него надо. И Семирамид Петрович послал бы его подальше сейчас же и немедленно, если бы он так крепко на своём не настаивал и не был столь существенно убедителен в своей хватке. И Семирамид Петрович, как человек не всегда проходящий мимо чужой беды и неспособности понять человеком, что спасение утопающего дело рук самого утопающего, так уж и быть, решает его выслушать.

– Кто он? – спрашивает Семирамид Петрович, упиравшись своим взглядом в единственное, что он видит перед собой, нос Орлова.

– Он? – вопросительно переспрашивает Орлов, видно уже и забывший о том, на чём он настаивал только что. Что приводит Орлова к тому, что он отстраняется от Семирамида Петровича и погружается в глубокую задумчивость, глядя куда-то себе под ноги. А Семирамид Петрович, явно заинтригованный таким его вниманием к чему-то там, внизу, присоединяется к этому его вниманию и начинает изучающе смотреть на мостовую под своими ногами. И так до тех пор, пока господин Орлов не полез в карманы пиджака своими руками. Там он некоторое время, в поисках чего-то, всё верх

дном переворачивает и, вынув руки оттуда с выворачиванием карманов наизнанку, посмотрев на свои руки, вдруг понимает, что что-то упустил из виду или прямо сейчас выронил.

А как только Орлов приходит к такому своему пониманию, он опять переводит свой мутный взгляд себе под ноги. Но как бы Орлов не фокусировал свой взгляд вниз, он ничего не может увидеть, и это приводит его к тому, что он присаживается на корточки. Ну а так как у него устойчивости в себе нет никакой, то он немедленно падает на сторону и уже с этого положения начинает на ощупь свой поиск потерянного. А Семирамид Петрович с глубокомысленным видом на всё это смотрит со своей стороны и по нему не поймёшь, что он на всё это думает.

А Орлов между тем, несмотря на весь пессимистический настрой людей всё это с ним происходящее видевших (это охрана из здания и появляющиеся здесь редкие прохожие), всё-таки обнаруживает, что он искал. И с победным видом, крепко зажав в руках эту находку, с трудом, но поднимается на ноги. Здесь, наверху, он смотрит в сторону Семирамида Петровича (у Семирамида Петровича нет никакой уверенности в том, что Орлов в данный момент смотрел на него) и, улыбаясь грязной улыбкой (он при падении успел испачкаться, а не как кто-то мог подумать, что у него возникли грязные мысли), говорит. – Вот он кто. – После чего он протягивает в сторону Семирамида Петровича сжатую в кулак

руку и раскрывает кулак. Откуда на Семирамида Петровича смотрит, сразу вот так мутными глазами и не поймёшь что.

Так что Семирамиду Петровичу пришлось приглядываться к тому, что лежало в руке этого странного типа, у которого есть какие-то вопросы к нему. Но всё равно он до конца не уразумел, что это такое и что всё это значит. – Что это? – спрашивает Семирамид Петрович, глядя на похожую на семечку, скорей всего, семечку.

– Он семя, из которого что угодно может взрасти. – Вот так странно для обычного человека отвечает этот тип неизвестной для Семирамида Петровича конструкции. А так как этот тип сразу показался странным для Семирамида Петровича, то для него такой ответ был не странен и вполне ожидаем. И Семирамид Петрович, сообразив, что странных людей не нужно злить и дразнить, делает заинтересованный вид и говорит. – Тогда не важно кто он изначально есть. – Что вызывает у этого странного типа, за которым скрывается Орлов, застопорение мыслей и взгляда на Семирамида Петровича, на которого он в упор смотрел и в упор не видел. На это его обдумывание услышанного и может быть и самого себя уходит невозможно Семирамидом Петровичем сообразить сколько времени, после чего он делает возмущённо-несогласный вид и заявляет. – Нет, важно.

– Но почему? – почему-то взволнованно интересуется Семирамид Петрович.

– Не знаю. – Как будто его ничего из сказанного не касает-

ся, отвечает этот странный тип. – Но я знаю одно, – добавляет он, – мы его непременно должны отыскать. И его находка всё для нас изменит. – На этих своих словах этот странный человек поворачивается спиной к Семирамиду Петровичу и на удивление стройным шагом начинает удаляться от него. А Семирамид Петрович стоит на одном месте и смотрит ему в спину, и непонятно даже для себя о чём-то размышляя. Когда же этот тип скрылся в глубине салона остановленного им такси, то Семирамида Петровича вдруг огорошило неожиданной мыслью. – А где, чёрт возьми, господин Орлов!?

А как только он оглушил себя этим вопросом и осознанием такой потери, то он начал стремительно озираться по сторонам. Где, естественно, из-за стремительности и порывистости своих движений, ничего вокруг не разобрал и не увидел.

Ну а когда поиски начинаются вот так для себя неожиданно, да ещё спонтанно и с воспалёнными чувствами и предубеждением к объекту своего поиска, – он, бл**ь, специально меня бросил, чтобы... (а вот что это чтобы значит, то сейчас детально этого не разобрать, но ясно, что что-то максимально нехорошее для тебя), – то итоговый результат этих поисков с одной стороны непредсказуем, а с другой стороны, вполне себе просматривается. И всё лишь зависит оттого, насколько мнителен и параноидально зрителен Семирамид Петрович. А зная насколько Семирамид Петрович бывает безудержен в своих подозрениях на чужой счёт, кому

нет никакой веры и одно только недоверие, то можно с вероятностью стремящейся к очевидности предсказать, куда направит свой шаг и к чему он приведёт Семирамида Петровича – в сторону того места и человека при нём, который подпадает под всё это подозрение Семирамида Петровича, но при этом всё никак на этом подозрительном деле ему не попадается.

Но Семирамида Петровича невозможно переубедить в этой своей уверенности. И если он уверен в своих подозрениях на чей-то счёт, то он все свои силы приложит для того, чтобы эти его подозрения переросли в факт реальности, даже если до этого и для этого никаких предпосылок не было, и вся его уверенность основывалась лишь на том, что ему, человеку знающему жизнь с изнанки, так будет проще и убедительней отстаивать свою позицию в жизни и семье. А из этого всего становится ясно, в чью сторону имелись свои подозрения у Семирамида Петровича, желающего во всём быть правым. А на этом пути к его правоте стояла его супруга Марта, которая имела на его счёт диаметрально противоположную позицию, и в этом, что невозможно было постигнуть Семирамида Петровичем трусливым умом, её было никак не переубедить словесно и своими поступательными движениями в эту сторону.

– Ты, друг мой любезный, во всём не прав, – прямо вот так в глаза Семирамиду Петровичу заявляла Марта, и при этом без всякого сомнения в этом в своём взгляде на него, – тогда

как я во всём всегда права, в особенности на твой захудалый счёт. А если ты с этим не согласен, то попробуй обосновать эту свою позицию и оправдаться в моих глазах при наличии аксиомы: я всегда права.

И тут Семирамид Петрович, попав в эту логическую ловушку Марты, перенявшей такого рода суждение по своей генетической линии, от родоначальников своего рода иезуитов от самих первых софистов с острова Крита, и не знает как ко всему этому поступиться. Когда в одной руке Марты находится скалка, в другой правоустанавливающие документы на всю их недвижимую и хозяйственную деятельность, где чётко, чёрным по белому прописано, что хозяйка всему она, а он так, лишь наёмный работник, а в её голове содержатся вот такого рода пагубные мысли на его умственный и какой другой счёт.

И тут, по глубокому раздумью Семирамиды Петровицы, выходит следующее. Если Марта всегда права, а это означает то, что он всегда не прав, то ему и нечего голову над всем этим ломать и остаётся только всё это признать. Ну а если предположить такую невероятность, что и он редко бывает в чём-то прав, например, когда он соглашается с Мартой, назвавшей его редкостной скотиной, то выходит ли из всего этого то, что Марта в этом случае не так уж и права. И он не такая уж и редкостная скотина, а всего лишь самый обыкновенный козёл. Или может тут присутствуют свои исключения, как подтверждение этого основополагающего в их

семейной жизни правила, которое взяла себе на вооружение Марта, вначале своей крепкой рукой его обосновавшей и через уверенность своей хватки ему в подзатыльник, закрепившей в его голове.

– Без исключений не бывает правил. – Обосновал свою решительность во всём сегодня разобраться с Мартой Семирамид Петрович, направив свой ход куда глаза глядят, как самое верное и прямое для него направление хода, которое непременно его приведёт к обоснованности этого его убеждения. А вот привела ли эта его позиция туда, куда он намеревался пойти, то об этом мы узнаем в следующей главе.

Глава

7

Где будет рассказано, но только отчасти, к чему приводят те или иные знания и где также выяснится, что от их поверхности и их трения о действительность, не очень-то и многое зависит.

– Ну, я тебе покажу скотину! – сжав руки в кулаки от нетерпения, пребывая в состоянии той решительности, под которую подпадают люди во время своего эмоционального всплеска, Семирамид Петрович крепко так выругался себе под нос и направил свой ход всё туда же, куда его глаза глядят. А глядели его глаза в этот момент всё туда же, в сторону того автомобиля, в который сел господин Орлов, так неузнаваемый Семирамидом Петровичем последний час, а может и целых два, когда он на некоторое время выпал в осадок и

из сознания, решив прикорнуть у себя на плече.

А когда его чёрт одёрнул, то тут-то выясняется, что направляет он свой неспешный ход (а куда спешить-то) не по готическому замку, полному различных препятствий и опасностей на его пути к принцессе, – что уж поделывать, такой Семирамид Петрович, когда он отходит от самого себя в сторону, в том же сне, где он излучает в себе всякое благородство и ему только дай повод себя спасти, как той же принцессе из замка под охраной дракона, – а его в тиски своих объятий схватил некто, и крепко так ведёт за собой и никуда не отпускает. Ну а кем был этот некто, Семирамид Петрович сразу же догадался. Этим некто был тот самый чародей, кто под видом дракона заточил принцессу в высокую башню и там над ней измывался различными, нецензурного качества способами.

А вот когда он завидел идущего на помощь принцессе рыцаря без страха и упрёка, Семирамида Петровича, то уже в нём разыгрались страх и хитрость, где последняя уловка должна была ему помочь сгубить Семирамида Петровича, кого в равном бою практически невозможно одолеть, а вот с помощью хитроумной ловкости и манипуляции его сознанием, то тут у чародея появляется шанс. Ведь Семирамид Петрович, хоть и рыцарь без страха и упрёка (здесь не так всё однозначно, зная некоторые обстоятельства жизни Семирамида Петровича, подразумеваемого им рыцарем Айвенгу), всё же он в первую очередь человек, и человек не без недостатков

в своей разумной степени.

И этот чародей по имени Хмурон, скорей всего, всё это зная, а может быть догадываясь, понимая, что иначе ему никак не одолеть рыцаря Айвенгу, и решает его охмурить и голову заморочить несбыточными обещаниями. И он, уловив подходящий для своих манипуляций момент, когда рыцарь Айвенгу оступился в своей памяти, ударившись об балку так, что искры из глаз посыпались, а он на время потерялся в пространстве, – что ж и такое бывает, замок то заброшенный и в нём ремонта отродясь не было, вот и торчат со всех сторон такие опасности, – мигом и подстроился под плечо Айвенгу, перехватив его в этом месте. И не успевает Айвенгу понять, что это с ним такое тут происходит, как чародей Хмурон уже вкладывает ему в уши искажающие реальность слова.

– Ты послушай меня рыцарь Айвенгу, – тоном голоса подразумевающего доверительность отношений, начал нашептывать рыцарю Айвенгу всё это чародей Хмурон, для которого обмануть благородного рыцаря первое дело, после, конечно, обмана в своих насчёт него ожиданий принцесс и великосветских дам, – ты можешь полностью мне довериться, я тебя уж точно не подведу. – А вот рыцарь Айвенгу, хоть и привык людям рыцарской наружности и звания верить на слово, почему-то совсем не верит в заверения этого мутного типа, судя по его скользкой физиономии, готового в любой момент, при хорошем предложении, тебя продать. И рыцарь

Айвенгу, естественно, ничего не скрывает и всё как есть выкладывает этому мутному типу.

– Чего-то ты у меня не вызываешь никакого доверия. – Заявляет рыцарь Айвенгу. – А вот подозрений сколько хошь.

Что до невозможности понять, как такое может быть и до прискорбности такого о себе мнения противно слышать этому чародею, который, быть может, и подлец, каких редко встретишь, но у него, быть может, тоже есть своя честь, которая не желает такое в свой адрес слушать, пока он на деле в этом не дал убедиться тому, кто делает такие поспешные заявления. Вот когда ты окажешься обманут чародеем Хмуроном, то тогда ты будешь иметь полное право на такие заявления, а пока этого не произошло, то не смей быть таким преждевременным.

Впрочем, чародей Хмурон умеет лучше всех здесь хитрить и скрывать истинные свои намерения, мотивы и чувства на своём лице. И он не стал видимо гневаться, а сделав оскорблённый вид, заявил. – А если я тебе скажу, что всему виной твоя слишком большая доверчивость к женскому полу, который этим всюю пользуется и верёвки из тебя вьёт. – И чародей Хмурон этим своим заявлением попал в точку, нащупав тем самым самое больное место у рыцаря Айвенгу, которым, несмотря на всю его храбрость и отвагу, всегда помыкали спасённые им дамы и принцессы, как только он снимал с себя всё своё рыцарское облачение и представлял перед ними без своего в доспехах виде.

– Но ничего Айвенгу, я тебе помогу в этом деле. – Видя, как впал в бледность Айвенгу, чародей Хмурон в момент уцепился за него и своими заверениями добился от него доверия. – Я их коварную внутреннюю сущность давно уже уразумел. И мне одной встречи с принцессой было достаточно, чтобы всё о ней понять. И скажу тебе как на духу, их сразу же нужно ставить на место, – да в ту же высокую башню заключать, – а иначе никакого от них не будет толку. Так и будут продолжать настаивать на своей исключительности, с которой ты должен пылинки сдувать. А так ты поставил её лицом перед своей действительностью, либо научишься сама пылинки с себя и вокруг сдувать, и тряпкой вытирать, и тогда нам будет о чём поговорить, либо сиди сложа руки, ожидая того дурачка, кто тебя освободит отсюда, тем самым попав в своё заключение, где на страже ворот стоишь ты. – Пустился в рассуждения чародей Хмурон, увлекая в темноту своих замыслов рыцаря Айвенгу, а вместе с ним и Семирамида Петровича, как лицо в себе отражающее все эти рыцарские достоинства.

– Да, я как есть попал. – И как только рыцарь Айвенгу так всё о себе понял, как он уже и не рыцарь во все, а он простой человек, Семирамид Петрович, чья жизнь не менее подвержена сложностям, чем у рыцаря того же Айвенгу. Которого его рыцарство как раз и защищает от упрёков, тогда как Семирамид Петрович ничего этого при себе не имея, да и сейчас не те времена, чтобы ходить в латах и всем посмевающим

усомниться в его отваге и храбрости, сразу же рубить голову с плеч, ничем не может себя защитить от всех этих усомнений в его такой жизнестойкости и упрёков со стороны его супруги Марты.

И ведь Марта, как он это прекрасно знает, совсем не принцесса, чтобы с такой к нему и к жизни требовательностью подходить. И тогда с какой это стати она так себя по отношению к нему ведёт, требуя от него безоговорочного подчинения. – А может я что-то пропустил? – по ходу своего движения, Семирамид Петрович на этом вопросительном моменте остановился, пытаясь понять, что он мог упустить. Но сейчас в таком волнительном состоянии ничего не соображалось, кроме только одного соображения. – Надо это непременно проверить. – Решил Семирамид Петрович, вдруг вспомнив самый действенный способ по выяснению настоящности принцесс, которых в последнее время развелось чрезмерно и пора уже открывать бюро по сертификации принцесс. Где на основании разработанных методик определения принцесс, будут отсеиваться самозванки и ложные принцессы (это в Семирамиде Петровиче его предпринимательская жилка разыграла), а настоящие получать сертификат и право на принца на белом мерседесе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.